

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа

Мустафа БУТБА

КАВКАЗСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(Перевод с турецкого В. Д. Авидзба)

АБИГИ
Сухум, 2021

УДК 82-94
ББК 63.3 (5Абх) 6-8
Б 93

Утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА

*Светлой памяти моего друга
и близкого родственника
Руфета Махтовича Бутба*

М. БУТБА
Б 93 КAVKAZСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ / Перевод с турецкого
В.Д. Авидзба – Сухум, АБИГИ, 2021 г. – 240 с.

Г/р 978-5-111-33-07018

Книга нашего соотечественника из Турции Мустафы Бутба «Кавказские воспоминания», переведенная на русский язык кандидатом исторических наук Владимиром Авидзба, является результатом увиденного и пережитого автором на Северном Кавказе, конкретно в Чечне и Дагестане, во время его длительной командировки в 1920 году с группой энтузиастов из Турции для оказания помощи горцам в создании независимой Горской республики. Особое внимание М. Бутба уделил своему первому пребыванию на исторической родине – Абхазии.

Книга представляет интерес для историков, этнографов и широкого круга читателей.

Издание профинансировано Государственным комитетом по репатриации Республики Абхазия.

УДК 82-94
ББК 63.3 (5Абх) 6-8

© АБИГИ, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Среди наших соотечественников, в силу исторической несправедливости оторванных от своей Родины в прошлом, можно назвать не один десяток имен, которые в летопись стран, далеких от Абхазии, вписали немало ярких страниц. Это и высшие государственные, военные и гражданские чиновники, деятели науки, культуры и спорта, имена их с большой гордостью и благодарностью можно произносить на всех уровнях. Это наши земляки – Хайраддин Паша Тунуслу, Мустафа Ибшир, Али-бей Булуткапан, Рауф Ашхаруа, Мехмед Ашванба, Селим Аргун, Ирфан Тванба, Кереман Ебжноу, Омар Бигуаа, Хайдар Цейба и многие другие.

Я хочу назвать имя Мустафы Бутба, одного из самых образованных деятелей среди наших соотечественников в Турции, о котором очень незаслуженно мало знают здесь, на его исторической родине, и там, в Турции, где он родился, рос, жил и творил.

Об этом, на мой взгляд, весьма колоритном, интересном, широко мыслящем человеке я услышал еще в 1968 году во время моего первого пребывания в Турции вместе с абхазскими учеными, профессорами Г.А. Дзидзариа и Ш.Д. Инал-ипа, а также с краеведом-энтузиастом, доцентом В.П. Пачулия. Тогда наш соотечественник, поэт и просветитель Омар Бигуаа, знакомя нас с культурной жизнью абхазцев в Турции, с большим сожалением говорил, что Мустафа Бутба «кроме абхаз-

ского алфавита из 28 букв на латинской основе и букваря для абхазских детей ничего больше не смог сделать». Меня это очень заинтересовало. Кроме научно-творческой стороны, меня привлекла и фамилия Бутба, представители которой имели близкие и родственные отношения с моими предками.

Когда мы вернулись домой из Турции, мой учитель и научный руководитель, профессор Георгий Алексеевич Дзидзариа, пригласил меня к себе и сказал: «Ты должен во всех абхазских селах, в школах встретиться с людьми и рассказать им все, что мы видели, все, с чем встречались, обо всем, что связано там с абхазцами». Я так и поступил. На встречах я рассказывал, что за морем живет очень много наших соотечественников, они знают родной абхазский язык. Конкретно останавливаясь на Мустафе Бутба сказал, что отец его, Шахан, родом из горного села Цабал.

Позже, для встречи с соотечественниками и налаживания культурных связей, в Турцию выезжал председатель Абхазского общества «Родина» Руфет Махтович Бутба, который и привез мне книгу Мустафы Бутба «Кавказские воспоминания». Прочитав это сочинение в 100 с лишним страниц на турецком языке, я загорелся желанием попробовать перевести книгу на русский язык. Именно на русский, чтобы расширить круг читателей. О своем желании я рассказал академику, историку Баджгуру Еснатовичу Сагария, который одобрил эту идею. Он сказал, что среди ученых много интересующихся национально-освободительным движением на Северном Кавказе и событиями вокруг создания независимой Горской республики.

Книга Мустафы Бутба впервые увидела свет, спустя почти 70 лет после ее написания. Преподаватель лицея Ахмет Джевдет Джанбулат, энтузиаст по сбору местного фольклорного материала, получил ее от слушателя лицея Орхана Бутба – родного брата Мустафы. Три тетради, написанные на старотурецком арабском алфавите.

Когда Ахмет Джевдет познакомился с записями и обнаружил, что тетради содержат очень ценный исторический материал по Кавказу, он перевел его на современный турецкий язык и с помощью Высшего Совета Турецкого исторического общества имени Ататюрка в 1990 году издал эту книгу в Анкаре.

В 1994 году, когда я приехал в Турцию на дипломатическую работу, я встретился с родным братом Мустафы – Орханом Бутба. Он передал мне оригиналы в трех тетрадях и букварь, составленный М. Бутба, для хранения.

После издания в 1990 году этой книги, вокруг нее люди сведущие, но больше, несведущие, стали создавать сплетни, рассказывать небылицы, мол, Мустафа Бутба больше написал о Кавказе, конкретно об Абхазии, но издатель Ахмет Джевдет умышленно опустил многое ценное, представляющее для науки большой интерес. Поскольку сам я не мог сличить рукопись оригинала с текстом изданной книги, то обратился за помощью к специалистам. Наша соотечественница Зехра Цвижба, прекрасный знаток старотурецкого письма, сличила оригинал трех тетрадей с текстом изданной книги «Кавказские воспоминания» и с полной ответственностью заявила, что оригинал и текст книги полностью соответствуют друг другу. После чего рукопись из трех тетрадей на старотурецком шрифте я сдал тогдашнему директору АБИГИ В.Ш.Авидзба на хранение.

Хочу доброму читателю рассказать, что с самого начала работы над переводом книги М. Бутба «Кавказские воспоминания», мне страстно захотелось воссоздать биографию Мустафы, раскрыть личность его. Несколько хронологических строчек, написанных историком Зафером Берзег: когда родился, где учился, когда умер Мустафа, меня не удовлетворяли. Я решил лично изучить некоторые подробности его жизни. В связи с этим хочу сделать одно сравнение, вспомнить увиденное мною.

В пору моего детства, когда мне было 6 – 7 лет, мой отец – любитель альпийских лугов и скалистых гор Абхазии – возил меня часто на наше фамильное место отдыха на Санчару. По дороге туда, преодолевая перевал Дауы (Великан) со стороны высокогорного села Псху, и приближаясь к поселку Рашааа, у начала истоков реки Бзыбь слышен громкий постоянный шум, уши гложнут от «голоса» бурной реки. Шум напоминает грохот 10 каменных дробилок. Вот у начала этого села обнаруживаются следы очень старого жилища бутбовцев. На абхазском языке это место так и называется, «Бытэаа ркъапътажэ». О признаках жизни человека, когда-то бывшего здесь, свидетельствуют только развалины каменных кладок старых домов, застаревшие корни виноградной лозы, которые уже одичали, старые и молодые кроны грецких орехов, дающих ежегодно обильный урожай.

Приехав в Турцию на работу, в свободное время я решил посетить село Агапинар, которое находится недалеко от города Ескишехир, где родился и где прошло детство Мустафы. Сопровождавшие меня наши соотечественники: из города Ескишехир – Мухарем Тамбия, и из села Агапинар – Бырдзуа Бекир, слышали о Мустафе, но ни разу не видели его. Ибо он рано уехал на учебу в Стамбул.

Мы пришли к бывшей усадьбе Шахана Бутба, отца Мустафы. Что я увидел там? Никаких признаков жизни человека, все заросло бурьяном, покрылось кустарниками, те же развалины домов. К усадьбе не прикасается человеческая рука, будто это неприкосновенная аныха, святыня, носящее имя бутбовцев.

Память перебросила меня далеко назад, на старое бутбовское жилище, что в Абхазии. Господи! Как схожи несчастные судьбы человеческие! Пустырь в горах Абхазии, и в Турции та же картина. В Абхазии из этой ветви рода почти никого не осталось: часть переселилась на Северный Кавказ и ассимилировалась там, а часть в Турцию, причем, в самом

начале судьба забросила их в Болгарию (Варна, Плевна), затем в поисках соотечественников они попали в Турцию и обосновались в Ескишехире, позже в Стамбуле. О том, что Мустафа родился в 1883 году и умер в 1946 году я уже писал. Биография его опубликована в книге ныне покойного профессора Ю.Г.Аргун «Из истории и этнографии абхазской диаспоры» (Сухум, 2014).

Как об этом я говорил выше, мне интересно было написать полную биографию, найти материалы о жизни Мустафы Бутба, его деятельности, творчестве, о нелегкой судьбе. Единственная возможность – это найти людей, которые видели, знали, встречались с Мустафой. Надо сказать, что кое-что удалось. Я встретился с младшим братом Мустафы Орханом, нашел Азиза Бутба (тогда ему было 80 лет), двоюродного брата Саади Бутба, преподавателя лицея, который принес мне фото Мустафы, нашел племянницу Хильде, Ерола Кутелиа, Фехми Агрба – автора турецко-абхазского словаря, Энвера Дарымба, Исмета и Фехми Аджинджал, Омара Бигуаа, Сулеймана Цыба, Ирфана Тванба. Из них, кто меньше, кто больше, мог что-то рассказать из увиденного или услышанного о Мустафе.

На некоторые моменты из их рассказов хочу обратить внимание читателя. Ирфан Тванба, известный спортсмен, чемпион Турции и мира по борьбе (Яглы Гуреш. – **В. А.**) в 1975 году вместе с первой группой наших соотечественников приезжал в Абхазию. Дед его – выходец из села Эшера. В Турции я неоднократно встречался с Ирфаном. Как он рассказывал, с Мустафой Бутба у него была близкая дружба. «Однажды, вспоминает Ирфан, когда я стал чемпионом мира, Мустафа поздравил меня, но с упреком спросил: «Ты, Ирфан, прославляешь Турцию, и каждый раз, когда ты поднимаешься на пьедестал почета, в честь тебя поднимается флаг Турции, звучит гимн Турции. А кто-нибудь кроме тебя знает, что ты не турок, а сын Кавказа, абхазец?» Мне, честно говоря,

стало не по себе, в одно мгновение, какой-то холод пронзил мое тело, я хотел швырнуть обратно медаль чемпиона мира, стыдно стало за свою славу», – закончил Ирфан.

Орхан Бутба рассказал: Мустафа много был наслышан о легендарных, героических подвигах морского капитана Рауфа Орбай. Но не знал, что он, Рауф, абхазец, ведь у него была турецкая фамилия «Орбай». Но когда узнал, что этот герой наш соотечественник, что его фамилия Ашхаруа, загорелся желанием познакомиться с ним. Такой случай представился. Лидер абхазского народа Нестор Лакоба, выполняя важное задание, в начале 1921г. находился в Турции и жил у абхаза Сулеймана Бганба. Махаджиры, выходцы из Абхазии, очень активно навещали Нестора и общались с ним. Сюда же приходили и Мустафа Бутба, и Рауф Ашхаруа. Нестор Лакоба познакомил их и сказал: «Вы – братья, у вас должна быть одна цель».

Мустафа Бутба гордился военными подвигами Рауфа и говорил: «Если ему не помешает абхазское происхождение, то будущее у Рауфа очень большое».

Али Ихсан – родной брат Рауфа – говорит: «После разгрома салтаната, провозглашения Турецкой республики, Кемаль Ататюрк предложил Рауфу возглавить республику. Рауф на это ответил, что Турецкую республику должен возглавить турок, а он – абхазец. Тем не менее, в 1923 году, Рауф Ашхаруа, абхазец, впервые в истории новой Турции становится председателем Правительства». Мустафу Бутба это, конечно, радовало, но немного и настораживало.

Как сам Мустафа вспоминает, там, где он родился, в селе Агапинар, собиралось до 200 молодых ребят, в большинстве, адыги, абхазцы и карачаевцы, играли в национальные игры. Когда настало время отдать Мустафу в школу, между родителями возникло разногласие. Отец Шахан хотел из сына сделать себе подобного – человека из духовенства, чтеца Корана, а мать – Кьяабахан Чачба, наоборот, хотела сыну дать

светское образование. Победила мать. Мустафа поступил в Стамбульский университет и получил высшее педагогическое образование – преподаватель турецкой литературы.

Еще до командировки на Кавказ и посещения Абхазии, Мустафа стал автором абхазского букваря и создателем абхазского алфавита. После встречи с Дырмитом Гулиа и Самсоном Чанба, он окончательно убедился в правоте своего мнения и выбора: чтобы не раствориться среди коренного турецкого населения, чтобы сохраниться абхазской нации на чужбине, единственный способ – это создавать очаги образования и культуры там, где сосредоточены абхазцы и кавказцы в целом. Но не тут-то было. Англичане, чья власть господствовала в Турции, и сами турки, были против такой самостоятельности, они следили за Мустафой, обвинили его в национализме и запретили работать в госучреждениях и учебных заведениях Турции. После всего этого, в одно время Мустафа работал в частном лицее, принадлежащем французскому бизнесмену Берличу (со слов Азиза и Саади Бутба. – **В.А.**).

А вот, что помнит всемирно признанный центральный нападающий футбольной команды «Бешикташ», а затем бесменный президент этого клуба Сулейман Цыба, (в Турции он известен как Себа. – **В.А.**). В личной беседе со мной он сказал: «В заключительной игре за первое место в чемпионате Турции я забил решающий гол. Мы стали чемпионами. Нашей радости не было предела. Мы ликовали. Вдруг меня обнимает кто-то в штатской одежде и говорит: «Как здорово, что в нашей команде, ты, абхазец, забил победный гол. Я, Мустафа Бутба, поздравляю тебя». Потом он ходил почти на все наши встречи. Приводил с собой новых болельщиков. В основном они были абхазцами. Хорошо помню Мехмета Ашванба, Идриса Аргун, братьев, чемпионов мира Нуреттина и Хайдара Цвейба. Футбол меня свел с бизнесменом Ирфаном Аргун».

С Ирфаном Сулейман дружил до конца своей жизни. Если Ирфан, в качестве председателя Комитета солидарно-

сти с Абхазией, занимаясь абхазскими вопросами, встречал какие-то трудности, то обращался всегда к авторитетному Сулейману. И многое разрешалось. Обо всем этом Сулейман мне рассказывал в городе Адапазары. Мы сидели в чайхане, принадлежащей ему. Все время пока мы разговаривали, он не отпускал мою руку. Я думаю, он впервые общался со своим соотечественником из далекой и родной Абхазии.

В 1942 году, в разгар Великой Отечественной войны, Турции понадобилось назначить нового посла в Великобритании. Исмет Иненю – тогдашний президент Турции – в прошлом был не в особо дружественных отношениях с Рауфом Ашхаруа, но никак не игнорировал его деловые качества. И остановил выбор на нем. «Представлять достойно страну и поддерживать дружеские отношения с такой глыбой как Уинстон Черчилль сможет только Орбай», решил президент.

Из рассказа Али Ихсана Ашхаруа, брата Рауфа: «Новое назначение подбадривало, но и настораживало Рауфа. Он постоянно был в раздумьях: а вдруг это какая-то политическая интрига, маневр? Своими сомнениями он поделился с Мустафой Бутба. Последний поддержал его назначение. Рауф поехал в Англию, работал очень успешно. С Уинстоном Черчиллем установил такую дружбу, что английский премьер-министр без Рауфа не пил ни кофе, ни армянский коньяк». Али Ихсан добавляет: «Чтобы отрезать нефтяной Кавказ от СССР гитлеровские войска должны были пройти через территорию Турции и так попасть на Кавказ. Такому акту не возражал и Черчилль. Посол Рауф Ашхаруа сообщил своему правительству: «Гитлер ни одно свое обещание в отношении Турции не выполнил. Мы ничем ему не обязаны. Но если хоть один немецкий танк пройдет по нашей земле, Россия сапогами растопчет Турцию». Али Ихсан уверенно говорит: «Рауф, посылая такое категорическое предостережение своему правительству, не мог не думать об Абхазии. Ведь Рауф, как никак абхазец, он этим гордился. Если немцы попадут на

Кавказ, а там живут абхазцы, как они отнесутся к абхазцам, как абхазцы поведут себя? Не может быть, чтобы Рауф об этом не думал».

Как выше уже отмечал, я встречался с родным братом Мустафы Орханом Бутба. И хотя всего один раз, но он успел рассказать мне немало. «После возвращения Мустафы с Кавказа темой его повседневных бесед с нами была Абхазия, он очень сильно переживал из-за террора, который проводили там грузинские черные силы. Но был рад, что и при таких тяжелых условиях в Абхазии развивается грамота, открываются школы на родном языке, дети учатся. Абхазия издает газету «Апсны» на алфавите, который создал Дырмит Гулиа».

Мечта об Абхазии не покидала Мустафу никогда. И никогда он не упускал возможности пообщаться с посланцами Кавказа. После победы Октябрьской революции в России на Северном Кавказе развернулось движение с целью создания независимой Горской республики. В него включилась и Абхазия. Для решения некоторых вопросов, связанных с образованием независимой Горской республики, в Стамбул прибыла делегация Северного Кавказа во главе с его президентом Абдулмеджидом Чермоевым, в составе делегации были также министр иностранных дел Хайдар Бамат и делегат от Абхазии Симон Басариа. Мустафа в отеле «Перепалас» встретился с ними. После откровенной беседы с Симоном Басариа он записал в своем дневнике: «Симон Басариа грамотный человек. Образование получил в России, молодой патриот».

Идея создания независимой Горской республики как защиты от большевизма, как тампон между РСФСР и Турцией понравилась Мустафе Кемаль паше. И чтобы оказать движению посильную помощь, он направляет на Кавказ группу, состоящую из кавказцев, во главе со штабным полковником, адыгом Исмаилом Беркоком. Членами этой группы стали и наши соотечественники Мустафа Бутба и хорошо знающий Северный Кавказ Азиз Мекер-ипа, впоследствии ставший

крупным дипломатом, который, работал в Турецком посольстве в Москве. Мустафа близко знал Азиза Мекер-ипа¹ и пишет о нем как о грамотном, надежном абхазце-патриоте.

После долгого пребывания на Северном Кавказе, конкретно в Чечне и Дагестане, Мустафа осуществляет заветную мечту – посещает свою историческую родину Апсны.

Очень интересные мысли рождаются у Мустафы, когда он ступил на землю Абхазии, о жизни мингрельцев на левом берегу приграничной реки Ингур и о жизни абхазцев на ее правом берегу. Он вспоминает строки из сочинения историка адыга Чинатука Мет Иззета «Яд Сухума». Мет Иззет писал, что в Самурзакане живет 40.000 абхазцев и 3000 картвелов. А слышна только мингрельская речь. Неужто эти 3000 были настолько сильны, что ассимилировали 40.000 абхазцев? Из близко знавших Мустафу людей мы выясняем, что его мечте обучать детей на абхазском языке было противопоставлено иное мнение, хотя именно Мустафа Бутба составил букварь, алфавит из 28 букв на латинской основе.

В 1926 году в городе Измире было совершено покушение на Мустафу Кемаль пашу. Рауф Ашхаруа к тому времени уже второй месяц был на излечении в Лондоне и никакого отношения к покушению не имел. Однако его осудили на 10 лет и сослали на остров Мальту. Воспользовавшись этим, Исмет Иненю, возглавлявший тогда правительство Турции, выступил с идеей: «Абхазцев надо либо расселить далеко от центра Турции, либо вернуть обратно на Кавказ». Идея настолько распространилась, что в Турции слово абхазец без

¹ Фамилия «Мкер», Мекер-ипа, Мекерба здесь в Абхазии, на Северном Кавказе и в Турции произносится как «Мкер» и еще. В 2013 году в Майкопе вышла книга «Русские в Черкесии» автор книги Азиз Мекер. Такой вариант тоже приемлем.

Я же сохранил в переводе авторский вариант «Мекер» (Абхазский биографический словарь. Москва. 2015г., Ш.Д. Инал-ипа. «Патронимия абхазов». Майкоп. 2002г.

эпитета «бунтовщик», «разбойник», «бандит» не произносилось. Против идеи расселить или выслать всех абхазцев из Турции восстал Мустафа Бутба и громогласно заявил: «Если новой Турции мы, абхазцы, уже не нужны, я возглавлю наше возвращение на Родину. Между прочим, на поле боя в Чанак-кале в войне за новую Турцию полегло наших абхазцев ровно столько же, сколько и турок». Мустафу поддержал и стал рядом с ним Мехмет Ашванба, махаджир из Мгудзырхуа. (А как жаль, что идея обратной эмиграции абхазцев на Кавказ тогда не осуществилась. – **В.А.**)

Когда идея о возвращении абхазцев дошла до Ататюрка, он решительно заявил: «Абхазцев мы никуда высылать не будем. Они и в военное, и в мирное время достойно себя показали. Мы должны их поднять до уровня нашей культуры. (Отуречить! – **В.А.**). Без них мы будем походить на растение, которое выросло без солнечного тепла в тени».

Как выше об этом уже сказано, на обратном пути в Турцию Мустафе удалось посетить родину своих предков Абхазию. Здесь он встречался и общался с ведущими представителями абхазской интеллигенции Дырмитом Гулиа, Самсоном Чанба, Платоном Чкадуа, Мушни Хашба.

По рассказам тех же родственников: Азиза, Саади, Хильде Бутба, Джамалеттина Ардзинба, Нуреттина Ахба, Мустафа после возвращения из Абхазии занялся бурной литературной, просветительской деятельностью; стал издавать журнал, в котором, в большинстве своем, печатал статьи о процветающей литературной жизни в Абхазии, публиковал статьи под псевдонимом «Мустанбей».

Мустафа Бутба уже побывал в Абхазии и неплохо представлял ее, пропагандировал в Турции, когда в 1927 году на научную работу в Стамбул приехал ученый-кавказовед Виктор Кукба. К тому времени идея об образовании независимой Горской республики провалилась, турецкое правительство с осторожностью относилось к большевизму, и Виктору

Кукба турецкие власти запретили общение с абхазцами и убыхами Турции, язык которых он планировал изучить. Как рассказывают Азиз и Саади Бутба, близкие родственники Мустафы, он – Мустафа – тогда неоднократно встречался с Виктором Кукба, помогал ему, как мог, они вели долгие разговоры. Это общение не осталось незамеченным со стороны властей, и слежка за Мустафой Бутба усилилась, после чего он был обвинен в национализме и изгнан из Турции.

В абхазской научной летописи имя Мустафы Бутба часто произносят с эпитетом «профессор Мустафа Бутба». Мустафа Бутба никогда не был профессором. Вот как прокомментировал это Азиз Бутба, бывший руководитель большой офсетной фабрики в городе Измите. «Мустафа, близкий мой родственник, был образованным, интеллигентным человеком. Но он не был профессором в нынешнем понимании этого слова. Может быть, в силу его высокой образованности коллеги называли его профессором. После того как Мустафу лишили права работать в пределах Турции, он уезжал во Францию, Германию, Англию, разговаривал на их языках».

В 1992 году книга «Кавказские воспоминания» с турецкого языка на русский частично была переведена азербайджанским академиком З.М.Буниятовым, специалистом по истории средневекового Кавказа, Средней Азии и Арабского Халифата, и издана в городе Махачкале в 1993 году. «Частично», потому что академик перевел ту часть книги, которая касалась республик Чечни и Дагестана. А что касается третьей части книги, где Мустафа Бутба пишет в основном об Абхазии, академик Зия Мусаевич Буниятов не перевел. В результате, читатель не получил полного текста книги и лишился возможности ознакомиться с полным содержанием сочинения.

В наше время, в 2009 году, репатриант и энтузиаст Октай Чкочуа, живущий в городе Сухуме, книгу Мустафы Бутба «Кавказские воспоминания» перевел на абхазский язык и

издал. В целом перевод безупречный, сделан на современном богатом абхазском языке, но для читателя, не знающего абхазский язык, книга не доступна.

В 1923 году, потерпев поражение в войне между салтанатом и кемалистами, незначительная часть турецких абхазцев, которые поддерживали халифат, вместе с отступающими греческими войсками уехали в Грецию. И обосновались в селе Нопродомос.

Мустафа Бутба приложил много сил, чтобы вернуть абхазцев из Греции, но не в Турцию, а на Родину, в Абхазию. Настоятельно требовал от них обратиться к руководству новой Абхазии, к ее руководителю Нестору Лакоба. Как рассказывали Исмет и ее брат Фехми Аджинджал, Ардашан Бганба, который хорошо помнит рассказы своего деда Сулеймана Бганба, Нестор Лакоба в начале 1921 года, будучи в Турции, несколько раз встречался с Мустафой Бутба. Они в основном обговаривали вопрос возвращения соотечественников из Турции на Родину.

Будучи специалистом по турецкой литературе, Мустафа решил полностью посвятить себя обучению абхазских детей. Для достижения этой цели Мустафа возглавил комиссию по созданию абхазского алфавита и букваря. При нашей встрече Орхан Бутба, родной брат Мустафы, передал мне сохранившийся последний экземпляр этого букваря. На обложке букваря эпитафия: «Эту книгу читали грамотные люди и одобрили». А таковыми были Чкалапуа Шрин, шапсуг Рашид Ефенди (он составитель абхазского алфавита, который очень трудно поддавался освоению), начинающий поэт Лютфи Ацанба.

В марте 1924 года Великое национальное собрание Турции проголосовало за отмену халифата. Это решение раскололо Национальное собрание. Отмена халифата испортила отношения между председателем Национального собрания Ататюрком и умеренным крылом, которое воз-

главлял Рауф Ашхаруа. Последний был сторонником гибкого отношения к халифу.

Выше уже сказано, что Рауф Ашхаруа в 1923 году становится премьер-министром молодой Турецкой республики. Мустафа Бутба тесно общается с Рауфом, много рассказывает об Абхазии. Однако из-за натянутых отношений с министром иностранных дел Исметом Иненю Рауф через год подает в отставку. Мустафа сильно переживал отставку Рауфа, говорил ему: «В тебе победило абхазское самолюбие, гордость, нам ты нужен был там», вспоминает Энвер Дарымба.

Несколько слов хочу сказать о друге Мустафы Бутба Азизе Мекер-ипа, ректоре Анкарского сельскохозяйственного института, профессоре. Азиз Мекер-ипа близко общался с Мустафой. Будучи ответственным работником Турецкого посольства в Москве, он встречался с руководителями советской страны Лениным, Чичериним, симпатизировал России. Возможно, под влиянием Азиза Мекер-ипа Мустафа стал лояльно относиться к России, к большевизму. Как говорит и ныне здравствующий Азиз Бутба, Мустафа стал полагать, что Абхазия может освободиться от грузинского меньшевистского режима, который свирепствовал в период его пребывания там (август 1920 г.), лишь с помощью России и большевиков.

И в заключение своего предисловия хочу обратить внимание читателя на то, что наш Мустафа Бутба, всю сознательную жизнь мечтавший попасть на свою историческую Родину, пообщаться со своими соотечественниками, и, наконец, осуществивший свою мечту, на мой взгляд, в своих записях мало рассказал об Абхазии. Да, его беспокоит то, что 3000 картвелов сумели ассимилировать 40.000 абхазцев, что повсюду в Самурзакане слышна мингрельская речь. По моему личному мнению, причина кроется в том, что Мустафа в Абхазию попал в разгар меньшевистской чумы, когда все живое и мертвое уничтожалось и предавалось огню. А хозяева, которые его принимали, свое «я» утверждали в рамках тра-

диционного абхазского гостеприимства, в котором произносились только хвалебные тосты, а непьющий мусульманин Мустафа молча слушал.

Как рассказывали мне Фехми Агрба, Энвер Дарымба, Исмет Аджинджал и его брат Фехми, Мустафа Бутба воодушевленно вспоминал о литературной жизни Абхазии (полагаю, что это результат его встреч и бесед с Дырмитом Гулиа, Самсоном Чанба, Платоном Чкадуа, Мушни Хашба, молодым Иуа Когониа), восторгался красотой природы. Но, когда он говорил в целом об Абхазии, в его голосе явственно звучали пессимистические нотки. Следует полагать, что на его впечатлениях отразился тогдашний разгар меньшевистского террора, и то, что за короткое время Мустафа не мог окунуться в жизнь Абхазии. Естественно, повлияло на него и настроение Турции, и узкий круг общения, как уже отмечалось выше, почти не встречался он с политическими деятелями. Позже, как говорил Саади Бутба, в начале 1921 года, после встреч и бесед с прибывшими в Турцию Ефремом Эшба, Нестором Лакоба и Максимом Гобечия, Мустафа почти стал носителем революционных идей наравне с ними.

Изучая биографию Мустафы, я с большим сожалением отмечал, что умер он от нелепого приступа аппендицита на операционном столе. В наше время, конечно, можно было спасти этого очень нужного человека, большого абхазца и патриота. Все, кто его знали, успокаивали себя и меня тем, что от судьбы никуда не денешься. Мне очень хотелось найти место его захоронения. Однако никто ничего определенного не мог мне сказать. Но однажды мой знакомый адыг сообщил мне, что установил место захоронения Мустафы. Посещая кладбище, он увидел на бетонной плите надпись «Мустафа Бутба. 1883 – 1946г». Находится это кладбище в европейской части Стамбула, в местечке Ферикеи. Иногда, бывая на этой стороне, от имени Абхазии я к его могиле приносил цветы.

Благодарность

Когда я рискнул взяться за перевод книги «Кавказские воспоминания» Мустафы Бутба с турецкого на русский язык, честно говоря, меня настораживали сомнения: достаточно ли для такой работы мое знание русского языка? И хотя знающие меня люди убеждали, что это будет посильным, я не сразу взялся за перевод. Наверное, все это время я все-таки каким-то образом шлифовал свой русский язык, поднимал его уровень. Не исключю, что внутренне во мне инстинктивно жила уверенность в поддержке – рядом со мной стоит с редакторской ручкой в руках друг моей жизни и помощник в издании всех моих русскоязычных работ, чувствующая ответственность за каждое слово, предложение. Это заслуженная журналистка Абхазии Лилиана Михайловна Яковлева. От всего сердца выражаю искреннюю благодарность ей за ее неоценимый труд, который она вложила в подготовку перевода этой книги.

Владимир Авидзба

КАК УВИДЕЛА СВЕТ ЭТА КНИГА

Вместо предисловия

Согромным интересом прочитал я книгу «Кавказские воспоминания», увидевшую свет благодаря стараниям, труду и ответственности уважаемого турецкого ученого и педагога Ахмета Джевдета Джанбулата, прочувствовал дух эпохи начала XX века, переданный моим соотечественником, абхазцем, педагогом Мустафой Бутба в его дневниках, ставших основой «Кавказских воспоминаний». Убежден, что эти дневниковые записи представят большой интерес и для современных абхазских, северокавказских читателей, включая специалистов, – историков, политиков. Это и побудило меня перевести «Кавказские воспоминания» с турецкого языка на русский. Надеюсь, что не ошибся в своих предположениях.

Владимир Авидзба

КАВКАЗСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Предисловие от издателя этой книги

В период, когда я проводил исследовательские работы по фольклору и знакомил своих учащихся с антологией – сборниками разных произведений, я говорил им: «Если вы найдете у себя дома оставленные отцами или дедами, завернутые в кожу старые тетради с записями на старотурецком алфавите, принесите мне их обязательно». Я старался учащихся тоже привлечь к моей научно-исследовательской работе. Таким путем я собрал много томов народной поэзии до этого никому еще неизвестных авторов. Это – Юнус Емре, Караджаоглан, Дерли, Катиби, Мели и другие. Их стихи я опубликовал, прежде всего, в журнале Турецкого фольклорного исследования, а потом и в других журналах, издаваемых в Турции.

Таким же образом я обнаружил рукопись Корана 16 века, подобная находится в Турецком историческом институте. Я представил это в 1950 году в Стамбуле Конгрессу востоковедов. В 1968 году в издательстве «Иыл Иыллыги» в Болу я нашел стихи народного ашуга Румузи.

А еще в 1952 году один из моих учеников – Орхан Гюмиш (Бутба. – **В.А.**) передал мне рукопись, написанную арабским шрифтом, состоящую из трех тетрадей. Рукопись называлась: «Кавказские воспоминания».

– Дорогой мой учитель, – сказал мне ученик, – когда у вас будет время, прочитайте эти тетради, думаю, что вы сможете сделать очень ценную книгу.

В то время я этим трем тетрадям не придавал особого значения, положил на книжную полку. Прошло 34 года. Помню, что в течение этих лет, я эти тетради несколько раз брал в руки, листал. Однако прочитать и изучить их до сего времени не получалось. Теперь я ушел на пенсию – после 37-летней педагогической и 6-летней небольшой торговой работы. Душе и телу своему я дал отдохнуть. После этого стал думать, как жить дальше, чем заняться, как реализовать свое время, и пришел к выводу, что мне нужно принять для себя какое-то серьезное решение. Однажды, когда я еще раз переключал свои книги, на глаза снова попались эти три тетради с надписью «Кавказские воспоминания». Спустя 34 года во мне проснулся интерес, и я стал читать эти тетради. Текст написан не очень разборчивой рукописью. Однако я тоже привык читать рукописи, следы которых не сумели стереть века. Прочитав эти тетради, я понял, что записи эти содержат в себе весьма ценные сведения по оставшейся в темноте истории Кавказа. Перед моими глазами ожила панорама Кавказских гор, вместе с селами и городами, историей и географией, бытом и жизнью, привычками и традициями. Меня захватили и взволновали героические эпосы Кавказа, все, что пережито уважаемым автором этих тетрадей Мустафой Бутба и его товарищем Исмаилом Беркок-пашой, их сложные походы, их ночлеги среди вечных ледников.

...В 1920 году во время Конгресса в Сивасе, с ведома и разрешения Мустафы Кемаль-паши, на Кавказ выехала комиссия. Все, что пришлось увидеть и пережить членам этой комиссии, а это – жизнь обитающих там народов и племен, источники средств их существования, скотоводство и пастушество, дома, башни и крепости, виды продуктов питания и питья, одежда и наряды, свадьбы и народные игры, традиции гостеприимства, отношение к женщинам, права и независимость женщин, языки, диалекты – все, пусть даже в небольшом объеме, представляет огромный интерес. Своим иссле-

дованием этнологии и фольклора всего Кавказа уважаемый автор заслужил благодарное отношение к себе. Подготовка и издание его записей станет выражением признательного отношения к нему. Пока будет жить духовная и материальная культура народов Кавказа, такого рода материалы должны собираться. Автор, если и не сумел последовательно и в силу сложности его путешествия ежедневно записывать свои впечатления, то все равно его записи носят характер дневника. А дневники, как известно, имеют свойство справок, освещающих темные стороны многих событий прошлых времен.

Уважаемый Исмаил Беркок-паша как результат этого путешествия написал и издал при своей жизни «Историю Кавказа» и сам был свидетелем большого интереса, проявленного к этой книге. Мустафа Бутба – автор записей, о которых идет речь, при своей жизни не нашел возможности издать их, рано скончался. Теперь эти записи, спустя много времени, увидят свет, будут опубликованы.

Созданную более 50 лет назад рукопись необходимо было упростить и сделать ее соответствующей современному языку. Я думаю, что смог это сделать и приблизить к современному турецкому языку написанное, не исказив смысл и не нарушив стиль автора. Ведь Мустафа Бутба сам был преподавателем литературы в лицеях Галатасарая и Дурушшафака. Причинить какой-либо ущерб его художественному стилю, его чистому и плавному языку я посчитал унижением достоинства произведения. Поэтому, всеми своими возможностями используя современные и старые словари, вплоть до Ферханги Зия, я напряженно работал. Названия мест, указанные в записях, я перевел на карточки, с помощью карточек я нашел необходимые источники, провел исследования. Нашел одного-двух знакомых кавказоведов. Занялся я и литературным исследованием этого труда. Вот пример, когда автор Мустафа Бутба со своим идейным соратником Исмаилом Беркок-пашой поднимались на одну из самых

высоких вершин Кавказа – Гуниб (это та вершина, где шейх Шамиль создавал героические эпопеи, где он попал в плен к русским), разразился ураган. Гром гремит, молнии сверкают, небосклон волнами почти ложится на землю. Сверкающие молнии пламенной линией врезаются в вершину Гуниб, а за ними со страшным грохотом на землю хлынул дождь с громом. По записям уважаемого автора Мустафы Бутба, Исмаил Беркок-паша встал под этим ураганом и дождем, посмотрел на небо и прочел такие строки:

Бьет больница по здоровью, гром, не думая, гремит,
Это капает не дождь, небо плачет обо мне.

Интересно, эти строки импровизация? Исмаил Беркок-паша экспромтом сказал их? Или же это стихи какого-либо другого поэта?

Я заинтересовался этим, начал искать. Для того, чтобы найти эти две строки, нужно было перелистать всю турецкую литературу, будто две капли найти в огромном океане. Однако я подумал, если эти строки не найти, значит, сделать все произведение неполноценным. Искал, не уставая. Наконец, удача! Эти строки я нашел в сноске сборника «Турецкие стихи последнего века» (10-томный сборник, том 7, страница 1190). Я почувствовал себя впервые в жизни самым счастливым человеком.

Итак, об авторе этих строк. Он был поэтом Османской эпохи, его звали Осман Неврес. У него бывали приступы психических расстройств. По распоряжению шехзаде Юсуфа Иззет Ефенди, поэта повезли уложить в больницу Хайдарпаши. Когда поехали, полил сильный дождь, засверкали молнии. Доставленный в больницу Осман Неврес, остановился у ворот, взглянул на небо и экспромтом прочитал строки:

Бьет больница по здоровью, гром, не думая, гремит,
Это капает не дождь, небо плачет обо мне.

...Нельзя не восторгаться решимостью и храбростью этих достойных уважения людей, которые в ответ на призыв

Мустафы Кемаль-паши – Великого Ататюрка, полупешком, полуперехом 9 месяцев путешествовали по Кавказским горам! Их вела любовь, вела вера. А когда вера и любовь соединяются с железным желанием, что только не становится по силам человеку!

Эти записи 66 лет лежали в глубоком секрете. Пусть поздно, но то, что я издал их, мне доставляет большую радость, я считаю себя счастливым.

Тем, кто в издании этих записей поддержал и вдохновил меня, кто помог мне в моей работе, а это – уважаемый Халит Тултай, мой дорогой друг Тарик Джемал Кутлу, я выражаю искреннюю благодарность.

И тому, кто, будучи в Шаркейе, впервые увидел эту книгу, а прочитав, проявил к ней большой интерес, помог мне эту книгу направить в Верховный Совет языка, истории и культуры имени Ататюрка – уважаемому Камурану Гюрюн Бейэфенди, моя глубокая благодарность и мое признание.

Ахмет Джемал Джанбулат

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

2 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА

Мое путешествие на Кавказ – печальное и опасное, в то же время для меня весьма привлекательное и интересное, произвело на меня огромное впечатление. Делать ежедневно записи моих впечатлений не представлялось возможным, но многое я записал для того, чтобы сохранить все увиденное, а также исходя из того, что это необходимо поколениям, идущим за мной. Мои записи не стали ни романом, ни путевыми воспоминаниями, они – лишь маленькая памятная записка. Пройдут годы, и, если кто-нибудь проявит интерес к настоящему и будущему Кавказа, записи эти сумеют навести его на интересные размышления.

ПРИЧИНЫ ПУТЕШЕСТВИЯ

1. Президент Америки Вильсон в период Первой мировой войны распространил записки, содержащие принципиальные позиции. Среди стран и народов, названных в них, основной интерес был проявлен к кавказским народам. В связи с событиями, в которые были вовлечены народы Кавказа, особое значение имели положения, изложенные в статье «О признании прав независимости зависимых народов со стороны великих наций». Исходя из этого, кавказским

горцам, ведущим почти вековую борьбу за свою свободу и независимость, необходимо было внушить, чтобы они не упустили представившуюся им возможность, извлекли бы из этого пользу.

2. Поражение Турции в Первой мировой войне, ее нахождение среди стран, потерпевших поражение, переход в руки врага значительной части территории Турции, вызвали тревогу и опасение потери свободы и независимости.

3. Мои интенсивные встречи с кавказскими делегациями, прибывавшими в Турцию с различными заданиями, не были достаточными для принятия конкретных мер и конкретных решений по отношению к Кавказу.

Находился я в глубоком непонимании, в полной неосведомленности. Чтобы эту неосведомленность осветить, во мне родилось огромное желание поехать на Кавказ, организовать союз горцев, создать единство, приступить к сотрудничеству. Это желание одолевало меня.

Итак, я почувствовал, осознал необходимость, исходя из всех этих причин, поехать на Кавказ и все эти положения объяснить горцам. Как об этом будет сказано позже, и Мустафа Кемаль-паша находил уместным создать соответствующую группу, послать ее на Кавказ, где и обойти его повсеместно – по селам и городам. Эту национальную и почетную задачу мы выполнили, пережив чрезвычайно непростые трудности.

ОБЩЕСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Всвязи с тем, что в период Первой мировой войны Россия стала выказывать признаки слабости, турецкое правительство, потерпевшее поражение на Востоке, хотело возместить свои потерянные владения за счет Черноморских областей. Исходя из этого, и, пользуясь предпола-

гаемым ослабленным положением России, Турция решила оккупировать окрестности Батума, и, тем самым, расширить свои владения. В перспективе Турция находила удобным создание между нею и Россией тампонного, противостоящего России, исламского государства на Северном Кавказе. Для этой цели в Баку было образовано Азербайджанское правительство. Под командованием Мета Иззет-паши там была сосредоточена одна турецкая дивизия, которая достигала и Севера. Этими действиями Турция желала продемонстрировать местным то, какую помощь она могла бы оказать создающемуся Горскому государству.

С этой целью было создано и Северокавказское политическое общество. Оно существовало за счет материальной помощи со стороны партии Единства и Прогресса и особенно Энвера-паши. По этой причине регистрация членов общества была весьма засекречена, а его членами были, в основном, лица, облеченные доверием в Единстве и Прогрессе. Общество это являлось специфическим, сюда обращались интересующиеся кавказской политикой в Турции. Оно не преследовало никаких национальных целей. Если даже имелись такие цели, то они оставались на втором плане. Общество находилось под крылом Энвера-паши и Талаат-паши. Исходя из того, что из этих двух пашей один был исламистом, а второй «националистом», то в обществе, вероятнее всего, эти обе цели сливались в одну.

В этот период я тоже вступил в члены Северокавказского общества. В это время к нему обратились представители правительств стран-победителей в этой войне, посольства которых находились в Стамбуле. Общество интересовалось прошлым, настоящим и будущим Кавказа, требовало помощи. Если оно, в конечном итоге, не достигло большого результата, то получило достаточно информации об истинном положении дел на Кавказе. Для связи с представителями посольств был образован Совет в следующем

составе: маршал Фуат-паша, Хусейн Тосун, Рессам Исмаил и автор этих строк.

Мы пытались заниматься своими делами, но однажды к нам, в штаб-квартиру общества в Беоглу, пожаловал английский офицер с английским полицейским, разогнал нас, опечатал кассу, конфисковал все наши документы и тетради. Мы остались на улице. Удивились. Правительство, от которого вчера ждали помощи, сегодня запрещало нам работать. Особенно мерзко было то, что власть давила нас с помощью английской полиции.

После перемирия мы свое общество переименовали в Северокавказское благотворительное общество. Оно должно было выглядеть как общество, не занимающееся никакой политикой. Как потом нам стало известно, Стамбульское правительство заподозрило нас в том, что мы являемся членами или разновидностью партии Единства и Прогресса и занимаемся пропагандой ее политики, и сообщило об этом английской полиции. Если даже это было предположением правительства, у нас все равно не было веских оснований для опровержения этого мнения, обвинение было не без оснований. Самой веской причиной было отношение, причастность выборных членов общества к партии Единства и Прогресса. Среди сосланных на Мальту членов общества были: начальник Национального Агентства Хусейн Тосун, министр внутренних дел Исмаил Джанбулат.

Помещение наше закрылось 21 июля 1919 года. Вместе с муллой Хусейном Шемси-эфенди мы собрали все, что у нас было, посчитали и вдвоем подписали список. Вещи сдали на хранение в Бешикташскую главную школу. Ниже я расскажу об этой школе.

Список сданных вещей выглядел так:

1 – Документы, 765 шт.

2 – «Кавказцы в общей войне», 99 шт.

3 – «Труды северокавказцев», 133 шт.

4 – «Библиография, принадлежащая Северному Кавказу», 460 шт.

5 – Карта Большого Кавказа, 3 шт.

6 – Карта Малого Кавказа, 1 шт.

7 – Ковры (два больших и три маленьких), 5 шт.

8 – Самовар, 1 шт.

Ручки, карандаши, бумага, чернильницы и т.д.

Я тогда был руководителем вышеупомянутой школы. Был преподавателем в лицеях Галатасарая и Дурушшафак. Первую школу открыла знатная и уважаемая черкешенка. Дальнейшее строительство школы перешло к адвокату Хафиде Юсуфу. Руководство школой я взял на себя. Существование школы в разгар войны было очень тяжелое. Отсутствие преподавателей восполнял я сам, и очень уставал. Для содержания стационарно и бесплатно обучающихся сирот и восполнения расходов на них, общество выделяло 5-10 лир в месяц. Однако эти деньги не тратились на их нужды. Они шли на строительство. Временами мы с учениками давали концерты, но этими доходами школа тоже не пользовалась. Мне оставалась лишь моя усталость.

Люди, оставшиеся без помещения в связи с закрытием Северокавказского общества, собрания проводили в других местах. Так мы продолжали свою деятельность. Собирались иногда в неподходящее время, в неподходящем месте, порой встречи завершались острыми конфликтами. Никогда не забуду, как однажды мы собрались на квартире Фуата-паши-заде Хидает-бея. Во время дискуссии одно из суждений Бекира Сами-бея покойный Мет Иззет-паша встретил аплодисментами. Бекир Сами-бей расстроился. Аплодисменты он воспринял как мелкую насмешку. Возникла ссора. Если меня спросить, конечно же, на нелегальном положении аплодисменты были некстати. Однако, из-за них унижать выдающегося командира не следовало. Иногда кто-либо, даже не имеющий начального образова-

ния человек, начинал выступать, переливать из пустого в порожнее. Короче говоря, члены общества по уровню и политическим взглядам были людьми, представлявшими различные интересы.

ПЕРВОЕ МОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ГЕНЕНА

Чтобы сохранить национальный союз между гражданами в самый пик перемирия и не допустить разрушения единства, я, по просьбе соотечественников, поехал в Генен. Со мной поехал некто местный – Гетсев Бекир-бей. Бекир-бея я видел только на собраниях, кто он, какова его профессия я понятия не имел, не знал его характера.

Был приятный летний день. Кроме меня никто другой, бросив свои дела, проблемы, да еще за свой счет, не поехал бы никогда. Со своим новым товарищем, т.е. клубным коллегой, майором запаса Бекир-беем мы прибыли в Генен через Бандырму. В первую же ночь нашего пребывания в Генене Бекир-бей посетил клуб Свободы и Согласия. На второй день он меня тоже притащил туда, показал, что вся его жизнь и деятельность – это партийная работа. Я оказался в тяжелом положении, стал ему объяснять, что наша цель – не партийная (политическая. – **В.А.**) работа, а устранение кривотолков среди наших соотечественников, помощь им какими-либо добрыми делами, полезными для нашей страны. В ответ он меня обвинил в принадлежности к партии Единства и Прогресса. Дай Бог счастья Тевфик-бею – это каймакам Генена, который не дал возможности Бекир-бею и дальше развивать свою деятельность. Как объяснил Тевфик-бей, в Генене и его окрестностях, если даже есть какие-либо движения против черкесов, то они незначительны, однако, если сейчас же не принять соответствующие меры, то впоследствии это может приобре-

сти опасный характер. Единственным злом этой ситуации является то, что некоторые молодые черкесы, дезертировавшие из армии, пристают к путникам, грабят их. Для этого было необходимо организовать разъяснительную работу с людьми, не признававшими авторитет власти, правительства, объяснить им всю меру мерзости их занятий, особенно, в период кризисного состояния страны. Этих людей лично знал Тевфик-бей. Он собрал некоторых черкесов, познакомил их с нами – посланниками Стамбульского общества – и объяснил, что в период, когда в стране тревожное положение, люди, способствующие обострению отношений между гражданами, нарушению порядка, могут быть переданы в руки правительства. «Черкесское общество требует образцового, добросовестного поведения каждого. Недостойное поведение двух-пяти представителей наводит тень на все черкесское общество. В случае непослушания черкесы сами приведут их к порядку», сказал Тевфик-бей. В процессе обсуждения все пришли к выводу, что было бы полезно пойти в села, где скрываются бандиты, и поговорить с ними. Группа из 8-10 всадников направилась в село, где находились бандиты. Мне и каймакаму Тевфик-бею не удалось связаться с ними, однако с их семьями, с их старшими мы встретились, они и пообещали нам сделать все, чтобы исключить подобные позорные явления из своих семей и из общества в целом.

Мы вернулись в Бандырму. В связи с тем, что в Бандырме Бекир-бей занялся вновь партийной пропагандой, я от него отделился. На транспорте, перевозящем сельскую отару, я вернулся в Стамбул. Все, что я видел, с чем познакомился, я сообщил своим товарищам.

Стало очевидно, что современное правительство тоже довольно нашими действиями.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЧЕРКЕССКИХ ЖЕНЩИН

После разгона общества Северного Кавказа, как было сказано выше, члены общества остались без центра. Женщины нас спасли от этой бродячей жизни. Они организовали одно благотворительное общество. Мы стали собираться в их клубе. Поскольку по причине перемирия существование первой школы Прогресса прекратилось, мы перебрались в общество черкесских женщин. Школу тоже передали под их ответственность и охрану. Часть школы женщины передали беженцам от большевиков и вселили их туда. Их детей тоже взяли в школу. Таким образом, большинство учащихся состояло из черкесских детей. При таком течении дел женское общество решило переименовать школу и назвать ее Черкесской женской школой. Свое решение они реализовали.

Авторами такой инициативы были руководитель Благотворительного общества госпожа Мелек Хунч и секретарь общества жена Решит-паши Емине ханум. Мет Иззет-паша тоже подбадривал их своей материальной помощью. Меня назначили директором школы. Я это принял как почетную должность. Позже, в связи с разногласиями, возникшими между административным советом и мной по поводу программы, я подал в отставку. Наши разногласия заключались в следующем: административный совет предлагал проводить все занятия на черкесском языке. Я придерживался обратного мнения и считал мнение совета нереальным. Занятия полностью должны были проходить на турецком языке, однако для тех, кто желает изучать черкесский язык, считал необходимым открыть отдельный класс. Вместе с отклонением моего предложения, я настоял на своей отставке.

КОМИССИЯ ПО СОЗДАНИЮ АЛФАВИТА

Под председательством Мет Иззет-паши была создана комиссия по составлению алфавита. Комиссия эта вначале составила два алфавита – на черкесском и абхазском языках на латинской основе. Работа комиссии шла ежедневно и оживленно. Я тоже был среди членов комиссии. Подготовил абхазский алфавит. Оба алфавита были переданы на практическое испытание, чтобы выявить недостатки. Однако алфавиты эти тоже не смогли преодолеть границы теоретических рассуждений. Появились уже две комиссии – одна официальная, другая неофициальная – и продолжали работу. Однако в тот период в Анатолии общество, образующее национальную армию, подверглось разброду, возникли споры, противоречия. Среди членов комиссий начались различные склоки, трения. Сторонники Анатолийского правительства под давлением подавляющего большинства вынесли решение: школа, которая являлась центром как одного, так и другого общества, не может продолжить свою работу. Продав имущество, принадлежащее школе, мы расплатились с долгами. Часть имущества разошлась по рукам и пропала. Принадлежавшие мне вещи тоже испарились.

Наши комиссии завершили свою работу по созданию алфавита. Более активные члены общества перешли на сторону Анатолии. В Стамбуле не осталось никого из достаточно известных членов общества. Остались лишь пенсионеры и члены партии Свободы и Согласия. От них бесполезно было что-либо ждать. Они занимались внутренней политикой Кавказа. Не оказавшись я нейтральным, моя деятельность причинила бы мне много неприятностей.

ДЕЛЕГАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В период Первой мировой войны, в связи с распадом России, в бывшей империи образовались различные правительства. Среди них – азербайджанское, грузинское и северокавказское правительства.

Как мною было отмечено выше, образование правительства на Северном Кавказе отвечало интересам партии Единства и Прогресса. Прибывавшие с Кавказа делегации всегда встречались роскошно, им не отказывали в материальной помощи. Однажды в Стамбул прибыла делегация во главе с президентом Северного Кавказа Абдулмеджидом Чермоевым, вместе с ним приехали: министр иностранных дел Хайдар Бамат, делегат от Абхазии Симон Басариа и другие. Встретился я с ними в Перепаласе. Для нас, не располагавших достаточно достоверной информацией о Кавказе, было очень важно послушать президента, однако, каких-либо обнадеживающих сведений я не получил.

Абдулмеджид – чеченец. Служил у российского Императора Николая адъютантом, ему принадлежат нефтяные скважины в Грозном, освоил русскую культуру, очень приятный и чрезмерно веселый человек. При условии сохранения общественного спокойствия, он – сторонник независимости Кавказа. Как президент хочет оживить величие и великолепие императорских времен.

Хайдар Бамат из кумыков. Умный и современный молодой человек. Образован великолепно. Кроме русского хорошо знает французский и немецкий языки. Приятной внешности, атлетического сложения, оставляет хорошее впечатление у каждого, с кем общается. Он самый стойкий защитник независимости и один из активных работников среди членов правительства.

Симон Басариа – делегат Абхазского национального Меджлиса и Северного Кавказа, в то же время является

Стамбульским уполномоченным делегации. Образование получил в России, молодой патриот.

Али Хан Кантемир – осетин, один из прогрессивных делегатов, хорошо подготовленный юрист, получил образование в России. Пылкий сторонник независимости Кавказа.

В связи с тем, что я не имел связи с азербайджанской и грузинской делегациями, у меня нет возможности рассказать о них.

Когда большевизм России стал приближаться и к Кавказу, многие уехали в Париж.

Тесные контакты с делегациями, прибывавшими к нам под различными именами, возбудили во мне страстное желание во что бы то ни стало поехать и посмотреть Кавказ – из бесед с делегациями я не смог получить полное представление об этом крае. Неужели все эти делегаты – искатели приключений? Или же, действительно, являются настоящими патриотами? Соответствует ли этому их политическая зрелость? Эти вопросы для меня были неясны.

В этот период представилась очень подходящая возможность: кто-то по имени Абубекир Плиев приехал в Стамбул в качестве делегата. До прибытия в Стамбул он поехал в Сивас, где встретился с Мустафой Кемаль-пашой, который расспросил его о политической жизни на Кавказе и получил очень вразумительные ответы. Тут же было решено направить одну группу на Кавказ. Группа передавалась в распоряжение Временного правительства Северного Кавказа, которое находилось в Тифлисе. Она должна была вести работу в соответствии с директивами, получаемыми от Временного правительства. Как раз в это время из Сиваса прибыл Вазиф-бей. В доме Бекира Сами-бея, с его согласия, мы провели собрание. На этом собрании Вазиф-бей сообщил: в Сивасе считают, что настало самое удобное время организовать группу и выехать на Кавказ. Поручение по составу группы, едущей на Кавказ, дали Исмаилу Берко-

ку. Дорожные расходы тоже были определены так: членам Совета – по 150 лир, солдатам – по 15 лир. Разделив на 2 эшелона, состав был определен таким образом:

1. Штабной полковник Исмаил Беркок
2. Я (Мустафа Бутба. – **В.А.**)
3. Пилот капитан Тевфик
4. Старший лейтенант артиллерии Исмаил Хаки
5. Лейтенант пехоты Джуди
6. Лейтенант пехоты Музаффер
7. 6 военных учителей с Хаки-беем.

Выдаваемые деньги, принадлежали лицам, сумевшим спастись от нападения на Кавказское общество. Деньги эти были оставлены на хранение у Рессама Исмаила. Он их использовал для коммерции. Было их всего около 1.000 лир. Деньги были розданы. Во время их раздачи меня там не оказалось. Деньги, полагающиеся мне, передали сыну Бекира Сами-бея. Он должен был передать их мне. Деньги же для военных передали лейтенанту Хаки-бею. Остальные получили их лично. Теперь, кроме того, как выйти в путь при первой возможности, других забот у нас не было. Делегат Абубекир Плиев тоже должен был быть вместе с нами.

2 февраля 1336 (1920) года на отплывающем судне мы решили выйти в путь. Командующий Стамбульским центром тогда прибыл в Галатасарайский лицей Мектеби Султание, встретился с директором и взял для меня два месяца отпуска. Я тоже приготовился – упаковал свою сумку таким образом, будто еду путешествовать по Европе. Заложив свои 400-лировые облигации Рессаму Исмаил-бею, я получил еще 150 лир. Таким образом, для дорожных расходов у меня в кармане должно было быть 300 лир. После возвращения с Кавказа я вернул Исмаил-бею его 150 лир и взял у него свои облигации.

На второй день февраля 1336 (1920) года, точно к обеду, я пошел прямо к пароходу «Гюльнихал», стоявшем на

якоре в просторах Сиркеджи. Все мы должны были встретиться здесь. На катере, принадлежащем военному ведомству, подплыли нас проводить капитан Саадеттин, Рессам Исмаил-бей, сын Бекира Сами-бея и еще несколько других товарищей. Из нашей группы – Исмаил Беркок и Исмаил Хаки-бей не пришли – они не успели закончить свои дела, но через несколько дней, другим пароходом они выйдут в путь. Солдаты Исмаила Хаки-бея пришли. Они были одеты в военную форму. Поскольку военные тоже были учителями, они должны были быть переданы в распоряжение Северокавказского правительства. Все они были турками. У всех – приподнятое настроение, преданные, послушные молодые ребята. Эту характеристику они подтвердили и в походе. В моей душе они оставили глубокое приятное впечатление. Товарищи, которые пришли нас провожать, полагали, что мы шагаем прямо в счастливое будущее, и говорили нам, чтобы в будущем мы их не забывали. При этом Рессам Исмаил-бей очень искренне просил нас, чтобы мы всерьез подумали о его будущем.

К вечеру наш пароход вышел в море. Этим же пароходом возвращался домой Абубекир Плиев – делегат, представлявший правительство Северного Кавказа. В Тифлисе находился Азиз Мекер-бей (Мекер-ипа. – **В.А.**), который хорошо знал кавказские проблемы, он на подводной лодке пересек Черное море, бывал на Кавказе. Мы должны были встретиться с ним в Тифлисе, где он должен разъяснить ситуацию с нашим положением и проинструктировать о наших обязанностях. Вслед за нами в Тифлис должен был прибыть и Исмаил Беркок.

Деньги, выделенные мне на расходы, на корабле должен был мне передать сын Бекира Сами-бея. Они были у него на хранении. На пароходе он мне дал 50 лир. А остальные 100 лир, он сказал, что перешлет через лейтенанта Исмаила Хаки-бея. «Хорошо», сказал я. Но потом получить эти

деньги стало очень трудно, почти невозможно. У него ли они остались или у Исмаила я не знаю.

А самое страшное в том, что солдаты без единой копейки сели на пароход. И лиры, по 15 для каждого офицера, остались у Хаки-бея. «Вы садитесь на пароход, а деньги я успею вам передать», – сказал он военным. Он их отправил, а сам остался. Об этом мне стало известно лишь тогда, когда мы вышли в море. Офицеры обратились ко мне, рассказали, что нет у них ни сигарет, ни куска хлеба. Обо всем этом я передал своим товарищам, но никто не среагировал. Поэтому, 50 лир, полученные мной, я передал военным и поднял настроение этим бесстрашным людям.

ПЕРВЫЙ ШТОРМ

Ближе к Трабзону мы попали в сильный шторм. Пароход вернулся назад. Мы подождали два дня, а на третий день вновь вышли в море. Взяли курс на Трабзон. Там провели одну ночь. Ни у одного из нас не было путевого документа. Трабзонский полицейский стал смотреть на нас подозрительно. Благодарность большая местному коменданту Али Ризе, который вытащил нас почти из безнадежного положения, и до самого Батума обеспечил нам спокойное и свободное путешествие.

ГОРОД РИЗЕ

Как только мы вышли к городу Ризе, буря вновь усилилась. 10 дней мы сидели в Ризе. Никогда не забуду то гостеприимство, которое нам оказал командир жандармерии майор Хаджи-бей – добросовестнейший военный.

Мы не нашли возможности из Ризе выйти прямо на Батум. Решили сначала прийти в Хопу, а уже оттуда в Батум. Единственная возможность передвигаться – маленькая парусная лодка. Доставить нас в Батум взялся известный парусник из Ризе Мехмет-бей по кличке «водовоз». Он эту работу выполнял как свой долг, без вознаграждения. От нас он не ждал никакого материального возмещения, чем оказывал нам очень большую услугу. На его паруснике, с его людьми отправить нас в Батум означало решиться на самое большое, самоотверженное дело. Мы в Ризе 10 дней ожидали хорошей погоды. За это время военную форму на наших солдатах мы сменили на гражданскую. Это тоже – за счет моих денег. Другие не дали ни гроша. Что мне оставалось делать, раз мы вышли в путь. Назад дороги не было.

Шторм усиливался. После захода солнца мы направились в Хопу. Наши друзья в Ризе благословили нас на счастливое плавание, пожелали удачи. Как старший по возрасту я поблагодарил за гостеприимство, оказанное нам. Очень холодно, конец февраля. Мы сели в парусную лодку. Хотя сильный шторм стихал, море еще не успокоилось. Море на меня не действовало. А вот Абубекир Плиев весьма нервно переносил все это. Бесперывно перебирал четки, каялся, молил Бога, чтобы он благословил нас всех на удачное прибытие в Хопу. Еще в Ризе я обнаружил у себя гнойник на ноге, он меня очень беспокоил. Я пользовался лекарствами, которые мне дал в Ризе военный доктор капитан. Выезжая из Стамбула, я взял полную сумку лекарств. Ваты и бинтов тоже было у меня достаточно. Каждый раз я промывал рану морской водой и забинтовывал. Но эти проблемы сопровождали меня до самого Дагестана.

На рассвете мы оказались в Хопе. Разместились в ветхом кафе на окраине города. Трое суток мы спали на пыльных голых столах кафе. В связи с трудностями, пережитыми нами по пути в Хопу, двое наших товарищей: лейтенант

Музаффер и еще один из военных – Эмин-бей решили прекратить путешествие. Мы много и долго убеждали их сдержать слово, добраться до Кавказа. В ответ они сказали: «Мы только что вышли из войны. Пережитого нам вполне достаточно. Мы не в состоянии еще раз связывать себя с такими трудностями и отказываемся от этого путешествия». И вернулись назад.

После нашего отхода из Ризе, я увидел в лодке каимакама города Ризе Хайри-бея. Он ехал на новое место назначения в Хопу. Сам он был родом из сирийских черкесов. Хайри-бей окончил литературный факультет педагогического училища. Уважаемый, умный молодой человек. Я его помнил еще с Дурушшафака, преподавал там литературу. Однако Хайри поменял свою профессию, перешел на руководящую работу. Нашу встречу на лодке я воспринял как удачу, как счастливый случай. Я надеялся, что в Хопе он нам будет полезен.

В день нашего прибытия на берег я пошел в штабквартиру, где должна была размещаться его резиденция. В середине голой и разрушенной комнаты Хайри-бей стоял и дрожал от холода. Поскольку Хопа пережила первые атаки врага, здесь нельзя было найти даже одну комнату, где можно было бы остановиться. После трехдневного нашего нахождения в кафе, местные офицеры пожалели нас и на берегу моря, в своем караульном участке, выделили нам одну комнату. Немножечко ожили. Природа очень щедро одарила Хопу. Здесь все очень красиво. Однако война разрушила и опустошила многое.

В Хопе мы оставались одну неделю. Лодка наша ушла в Батум. Для того, чтобы доставить нас туда, нужно было сделать кое-что необходимое. Батум был оккупирован англичанами. Было очень важно высадиться на берег так, чтобы нас не заметил английский патруль. В случае, если англичане нас обнаружат, то нет никакого сомнения в том,

что они нас расстреляют. Однако люди Мехмед-бея из Ризе были настолько бесстрашными, опытными морскими волками, что они нас благополучно провели мимо военного кольца и вывели в город. Устроили нас в заранее подготовленном месте.

Но пока мы – в Хопе. Ночью двинулись из Хопы. Выходить в море днем было рискованно. Один английский броненосец постоянно крутился в Черном море. К Ризе он подошел, когда мы еще находились там. Стал на якорь. Несколько офицеров вышли на берег. Покрутились в городе, а потом вновь вернулись на свой корабль. Через некоторое время корабль ушел. По этой причине наше путешествие все время совершалось лишь в ночное время.

Через несколько часов после нашего выхода из Хопы волнение моря усилилось. У нашей лодки испортился мотор. Подняли паруса. С тысячей приключений и злоключений мы приблизились к Батуму. Маяк Батумского порта и сигнальные огни английских кораблей били резко в глаза. Мы были в страхе и тревоге. Как выйти сейчас на берег Батума? Однако опыт, самоотверженность моряков доказали, что наши страхи и тревоги были напрасными. Приближаясь к Батуму, наши моряки выключили огни лодки. Все мы легли на ее дно. Запретили даже курить. Не разговаривали. Лодка шла лишь под парусами. Кроме шума волн ничего другого не было слышно. В темноте приближались мы к береговому фонарю. Наконец мы подошли к одной точке на берегу, остановились. Никто из нас даже не дышал, будто от волнения дыхание прекратилось. Капитан сказал шепотом: «Никаких вещей с собой не брать. По одному человеку садитесь на плечи моряков и так выйдете на берег. Место, где вы спрячетесь, уже приготовлено. Днем вас переведут в город, и вещи ваши принесут туда, где вы будете находиться».

Место, куда мы подошли, было очень мелким. Каждый из нас забрался на спину моряка. Моряки по пояс в воде, не

дав нам промокнуть, пронесли нас метров 15 и высадили на берег. На берегу нас разместили в каком-то рыбацком шалаше-шатре. Не поддаются описанию те страдания и мучения, которые мы пережили в этом шатре. Если спросить меня, я бы предпочел подвергнуться опасностям в море, чем там. Шатер мог вместить 5-6 человек, если сесть плотно. Однако высота его всего полметра, даже сидеть невозможно. Вместо пола гравий. Огонь, который горел внутри шатра, выжигал глаза, мы даже друг друга не видели. Двое греков-моряков и рыбаки за плату взяли нас охранять. Ночь мы провели в этом шатре – в дыму, на камнях. Стало рассветать. Нам дали необходимые наставления: с интервалом в 5-10 минут по одному человеку выходить из шатра. Каждый должен следить за товарищами, идущими впереди и сзади, не следует сильно приближаться друг к другу. Следовать нужно за первым проводником, идти прямо за ним. Таким образом, все мы перемещаемся в место, предназначенное для нас в городе. После этого моряки считали свой долг выполненным. Все остальные заботы о нас теперь ложились на тех, кто принимал нас здесь. Моряки благополучно передали нас в наш городской дом. Через день сюда доставили наши вещи. Мы отблагодарили моряков. Однако, если сравнить ту работу, которую они выполнили, с суммой денег, которую мы передали им, то можно считать, что все это они сделали даром.

Когда мы еще находились в Хопе, лодка специально для нас совершила рейс в Батум, там подготовили место для нашего укрытия на берегу и размещения в городе. После этого команда вернулась в Хопу и забрала нас. Какая гуманность, забываемая самоотверженность!

Дом, точнее помещение над магазином, в котором мы находились в гостях, принадлежал одному батумскому абхазцу (абаза) по имени Мустафа-бей. Их два брата – Мустафа и Ахмед. Оба занимаются коммерцией. Одновременно

братья находятся в первых рядах тех, кто участвует в делах, организуемых в Батуме в интересах Турецкого правительства. Умные и смелые парни. Двое суток мы были у них. Приняли нас превосходно, угощали щедро. Подготовили необходимые документы для нашей поездки в Тифлис. По этим документам мы являлись гражданами Азербайджана.

Не могу не рассказать об одном случае, переданном мне Мустафой, и оставшемся в моей памяти.

Нури-пашу (он противник большевиков) арестовывают и сажают в тюрьму англичане. Молодой племянник Мустафы и два его товарища нападают на полицейский караул, убивают английского охранника, освобождают Нури-пашу. Но погибают оба товарища племянника Мустафы. Этого бесстрашного молодца я потом встретил в Баку. Я спросил его о том, какое вознаграждение получил он от Нури-паши? «Так же как ты не получил никакого вознаграждения, так никто и обо мне не помнит. Но я выполнил свой долг. От рук врагов я спас единовеца», – сказал он.

Незадолго до нашего отъезда Мустафа-бей по секрету спросил меня: «Правда ли, что турки вновь думают оккупировать Батум, и в ближайшее время турецкие войска должны войти в город? Такие разговоры идут у нас». Убедить его в том, что это пропагандистская утка, что разговор этот ложный, что поверить этому, значит, впасть в тревогу, ждать опасности, я счел долгом приличия. Потом, когда я с Мустафой встретился в Стамбуле, он напомнил мне все это и сказал, что тогда я его избавил от ложной опасности. Этот самоотверженный человек стал жертвой каких-то коммерческих операций, погиб от пули.

В окрестностях Батума есть одно абхазское село в 20-30 дворов. Свой язык жители не забыли. Говорят и на лазском диалекте турецкого языка. Этот Мустафа-бей не из них, по национальности он лаз. Известен как Реисоглы Мустафа-бей. Однако ассимилировался, обабхазился. Когда

Сухум и его окрестности были свободными и независимыми, абхазцы по-настоящему ассимилировали всех, кто занимался торговлей или мореплаванием, всех, кто приехал в Абхазию и поселился там. И с Мустафой-беем было так. Он – сын капитана Хасан-бея (из таких же сухумских абхазцев-лазов), приобрел большую известность, занимаясь работоторговлей, имел солидную должность при дворе во времена правления султана Абдул Гамида. Его сын в период правления Абдул Гамида руководил при дворе группой спортсменов-акробатов, прославился как Риза-бей, сам был выдающимся спортсменом. Он утверждал преимущество спорта, подтверждая это живыми фактами. Написал работу об этом. В спорте отдавал предпочтение акробатике. В связи с этим, бедняга потерял даже одну руку. Он безукоризненно говорит по-абхазски. Мораль, этикет и традиции абхазские хорошо знает. Себя считает настоящим абхазцем. Мать его абхазка из рода Маршан. Думаю, что материнское воспитание и образование сделали его настоящим абхазцем.

ВЫЕЗД В ТИФЛИС

Имеющиеся у нас документы позволили сесть в поезд. В день приезда в Тифлис встретили там и Азиза Мекер-бея. Разместились в гостинице «Кавказ». За проживание в гостинице – 1.700 рублей – заплатил Хайдар Бамат от имени Совета обороны, спикера Жабаги (известный ученый Кавказа, социолог. – **В.А.**). Вместе с некоторыми представителями интеллигенции Северного Кавказа мы обсуждали проблемы Кавказа. Хайдар Бамат представлял Северный Кавказ в Тифлисе. Однако, где же само правительство Северного Кавказа? Мы ведь всем составом нашей делегации шли в его распоряжение.

От имени правительства Северного Кавказа Стамбул посещали многие делегации. Турецкое правительство и большинство кавказских махаджиров оказывали им щедрое гостеприимство. Мы их принимали в гостиницах первого класса, от всей души встречали. Однако, пригласив нас, представители интеллигенции Кавказа не оказали нам и десятой доли того гостеприимства, которое мы им оказывали. Может быть тоска, угнетавшая нас после потери Родины, сделала нас более чувствительными?! Печаль, доставшаяся нам от махаджирства, при встрече с соотечественниками рассеивалась. Они же не тосковали, не переживали как мы. Люди, оказавшиеся вдали от Родины, более сильно ощущали любовь к Родине, тоску по ней. Элита интеллигенции, с которой мы встретились, желая обсуждать вопросы независимости Кавказа, не была так воодушевлена как мы. Эти тифлисские мои впечатления стали для меня разочарованием. Через неделю мы выехали из Тифлиса в Баку. Июльская погода в феврале!

В БАКУ

В Баку мы встретились с представителем правительства Северного Кавказа Али-беем. Он – даргинец. Несколько дней оставались в Баку. Никак не можем двинуться на Север. Причину установили потом. Нури-паша в Дагестане и некоторые офицеры из его окружения начали проводить политику преследования большевиков. Появились опасения, как бы и наша группа не присоединилась к ним, двигаясь на Север. Как-то вечером, на собрании, устроенном в квартире Али-бея, мы говорили об этом. Я заявил, что такое предположение не имеет под собой почвы, наш приезд не имеет отношения к проблемам Грузии, Азербайджана, и ничего враждебного против большевиков мы пред-

принимать не собираемся, тем более, что они одобряют независимость Кавказа. «Наоборот, мы являемся друзьями большевиков, которые дают нам независимость», – добавил я.

Тимурхан, выделив деньги на расходы, при условии, что мы будем поддерживать связь с Советом обороны в Шуре, разрешил нам продолжить путь на Север. Руководил всеми этими встречами и беседами Мекер Азиз-бей. Представитель военной части делегации Исмаил Беркок еще не появлялся.

ПАЛАМА

На станцию Палама мы прибыли поездом. Дальше ехать поездом нельзя. Мост Самур является пограничной полосой между Северным Кавказом и Азербайджаном. Однако мост стал предметом спора между ними. Азербайджанцы вместе с этим мостом надеются стать хозяевами леса, находящегося в окрестности. Но горцы пока не вмешиваются. Из этой неопределенности пользу извлекает третье лицо.

Начальником станции Палама является майор по имени Осман Эфенди. Он нам оказал необходимую помощь для выезда на Север.

КОЛЛЕР

Здесь все напоминает военный штаб: большие казармы, оставшиеся от старой Руси. В одних размещаются отряды большевиков, в других – вместе с несколькими солдатами находятся 2-3 турецких офицера. Странная ситуация! Вечером эти офицеры пригласили нас к себе в гости. Зарезав единственную козу, они угостили нас. До по-

луночи беседовали. В основном, о большевиках. Офицеры спорили. Одни защищали большевиков, другие же наоборот выступали против них. Эти офицеры и солдаты находились в распоряжении Нури-паши. Зарплату они получали от азербайджанского правительства. Их задача состоит в том, чтобы преградить путь большевистским войскам, которые будут идти сверху. В здешних селах много солдат-большевиков. Они тоже понимают странность подобного положения. Но что им делать? Куда деваться? Анатолия оккупирована. На грани взрыва народное движение. Войска Халифа и силы Мустафы Кемалю также на грани столкновения. Кто победит? За кем преимущество? Полная неизвестность. Ждут конца.

Коллер – очень щедрое место. Узнав о том, что у местного богача Сухан-бея материальное благосостояние и душевный настрой пропорциональны друг другу, к тому же он гостеприимен, мы пошли к нему в гости. Ночь провели в Коллере. Полковник Саликов, который был с нами в Тифлисе, составил нам компанию и дальше. В Коллере он связался с лидерами большевиков. До самого утра вел с ними беседу о положении дел, но о результатах ее нам ничего не сказал.

Наше путешествие до Коллера прошло, в общем, спокойно. Однако далее мы столкнулись со сложностями. Со всех сторон – море грязи. Кроме арбы с буйволами и быками нет никакого другого транспорта. Мы устроились на такой арбе с буйволами. Вышли на дорогу, ведущую в Дагестан. Целый день ехали под дождем, в грязи. Настала ночь. Мы заблудились. Буйволы стали. Место, где можно было переночевать, не нашли. Вынуждены были ночевать в поле. Сильный холод. Мы все окоченели.

Солдаты, которые на наш взгляд были одеты очень легко, наверняка перемерзли. Наш старшина заболел. Я дал ему выпить несколько глотков коньяка, укутал и уложил. Перед нашим выездом из Тифлиса я купил несколько бу-

тылок коньяка и связку свечей. В ту ночь все это нам очень пригодилось. Коньяк вернул к жизни нашего больного командира, и от свечей была большая польза. Холод и дождь. Вокруг кромешная тьма, не знаем, где находимся.

Большевики ведут бои в Дербенте. Весь Кавказ в состоянии беспорядочного народного волнения. Наши проводники боятся встретиться с повстанцами, беспокоятся. Наконец, оставив нас с арбами, они пошли в надежде найти кого-нибудь в окрестностях. Эти люди, Слава Аллаху, созданы для добрых дел. Их самоотверженность без взаимности с нашей стороны – безгранично велика. Бедняга, Добродетель! Как ты мало ценима! Девять месяцев длится наше путешествие, и чем мы отблагодарим людей, которые ценой своей жизни, помогают нам храбро и мужественно?! Огромное – «ничем». Какое печальное и бесчестное признание!

И все-таки, пусть они продолжают свои поиски в окрестностях, а мы вернемся на свое прежнее место. Коньяк потребляю очень экономно. Силой удерживаю себя, чтобы никого, кроме наших больных солдат, не угощать. Но, сколько ни экономь, осталась последняя бутылка. Из связки свечей я вынул две. Одну приспособил к фонарю, другую положил в карман. Повесил себе маузер одного из наших аробщиков. Говорю нашему пилоту-капитану Тевфик-бею: «Пошли собирать дрова, все, что попадет». В темную ночь, с фонарем в руках, на краю поля мы нашли кучу дровишек. Представьте, как мы были рады. Теперь нужно было разжечь эти дровишки, которые сильно промокли от дождей и не загорались. Вдобавок ко всему, и сейчас идет дождь. Что делать? В этот момент на помощь «пришли» свечи. Я зажг несколько штук и подложил их под дрова. Под их огнем несколько прутьев загорелись. Ох! Теперь и настроение поднялось. Скоро подойдут наши товарищи, и до самого утра мы будем греться у костра. Устроим праздник «Шехраин».

Стали звать наших проводников. «Даже если они не услышат наши голоса, то, увидев пламя костра, побегут сюда», – говорили мы. Вскоре мы заметили два черных силуэта, приближающихся к нам. Мы в это время, сидя вокруг огня, согревались от холода и дневной усталости. Мы полагали, что к нам идут наши товарищи, но это оказались двое вооруженных до зубов горцев. На наш вопрос: «Кто вы?» Они ответили: «Мы из Мерага, мы ищем вас». Оказывается, наши проводники в поисках ночлега нашли село Мерага и послали этих двоих за нами, чтобы они провели нас туда. Что мне лгать. «Я бы предпочел до самого утра сидеть у костра, укутавшись в бурку, чем лечь во вшивую, пыльную, никогда не выдавшую мыла, вонючую кровать этого крестьянина». Но мы все были вынуждены следовать за проводниками.

Пошли. Арбы следовали за нами. После перехода очень сложного перевала мы вошли в село Мерага. Это не село, а орлиное гнездо. Каждый дом – у отвесной скалы или же на краю обрыва.

Передохнули. К утру, в снег, опять меся грязь, мы вышли в дорогу. Арбы, которые везли нас, вернулись назад. Сейчас мерагцы отведут нас в другое село к кому-нибудь из сельчан и оставят на ночлег. Таким образом, каждое село по пути следования вынуждено было заниматься нами.

В пути мы встретили турецкий отряд под командованием каимакама Рифата. Мы поздоровались с командиром отряда, но поговорили с ним немного. Он намекнул, что со своим отрядом, практически, находится в бегстве, направляются они в Азербайджан. Объяснил и причину этого: офицер Османской армии майор Киазим-бей в Леваше разогнал Советский парламент, стал причиной многих террористических акций. В ответ на это большевики начали уничтожать турецких офицеров и солдат, где бы их ни встретили. Стало ясно, что и каимакам Рифат в страхе от этих событий и вынужден искать убежище близ азербайджанской грани-

цы. Рифат сказал, что в такое время идти на Север и оказаться в окружении большевиков, для нас не самое разумное. Но я объяснил ему, что мы, что бы ни произошло, будем продолжать двигаться на Север. Рассказом Рифата остались недовольны двое молодых большевиков, которые сопровождали нас. «Есть вероятность попасть в руки Киазим-бея. Мы должны поменять дорогу. Всего хорошего вам», – сказали они и вернулись назад. Одного из этих двух молодых людей я встретил потом в Шуре. Он отрастил бороду, поменял одежду. Был чрезвычайно молодым большевиком.

ЧИАХНЕ

После села Мерага мы прибыли в село Чиахне. Разобрали нас по домам. Гостеприимные сельчане угощали нас щедро. Стали мы расспрашивать их о Киазим-бее. Поскольку информация была самая различная, установить истину не удалось. Слухов ходит очень много. После долгого обсуждения положения, мы решили на другой день пойти в Мегалис, где находился Киазим-бей, и изучить ситуацию на месте. Однако наши товарищи, а именно большевики, заявили, что без соответствующего изучения обстановки идти целой группой в Мегалис опасно, так как можно попасть в руки турецких офицеров – врагов большевиков. Они считали предварительное изучение ситуации нужным, но очень сложным вопросом из-за личного авторитета Киазим-бея. Исходя из всего этого, Абубекир Плиев и я с двумя проводниками на второй день направились в Мегалис. Изучив обстановку, мы определили наши дальнейшие действия.

Заботы и тревоги были серьезными. Перед тем, как тронуться в путь, мы договорились с большевиками о том, что не будем идти на контакт с Нури-пашой, который работал от Азербайджана против большевиков. Мы должны были

склонить на нашу сторону Киазим-бея и его товарищей, ибо они, находясь в подчинении противника большевиков Нури-паши, становились противниками большевизма.

Войти в Мегалис можно только через узкий проход. Для оборонных укреплений использовано все, что дала природа. Большинство деревень Дагестана построено на очень крутых подъемах. И потому их защиту можно обеспечить малыми силами. Несчастные они люди, бесконечные войны вынудили их жить в таких местах! Как только мы приблизились к узкому проходу, перед нами появились турецкие охранники. Абубекир и я были вооружены. Нас спросили, куда и зачем мы идем. Я объяснил, что идем в Мегалис навестить Киазим-бея. Мой турецкий язык и стамбульский выговор заставили их поверить, что я офицер. Они начали разговаривать с нами деликатнее, лишь потребовали сдать оружие на хранение, ибо, если мы войдем в Мегалис с оружием, то их начальники-офицеры их строго накажут. Я нашел правильным их требование. Однако объяснить это Абубекиру было сложнее. Он никак не хотел сдавать оружие. Дело осложнялось. Солдат выполняет данный ему приказ, к тому же, по всему было видно, что он необразованный человек. Я подумал и говорю солдату: «Стань нашим проводником, отведи нас к Киазим-бею». «Хорошо», – согласился он. Я взял винтовку Абубекира, вместе с моей взвалил их на плечо солдата и сказал ему: «Иди вперед, мы не чужие». С таким решением согласился и Абубекир. Подошли к Мегалису. На лугу горел маленький костер. Какие дела у этих анатолийских ребят, которые с куском сухого хлеба крутятся у этого костра и несут службу? Кого и что они ждут у входа в Мегалис? Это вопросы, заслуживающие изучения.

В Мегалисе, до встречи с Киазим-беем, мы пошли в казарму, где размещался отряд. Караульный, который нес наше оружие, и солдат-проводник решили, прежде чем отвести нас к раненому Киазим-бею, повести в отряд и сдать

офицерам. Они категорически отказались вести нас прямо к Киазим-бею. Само по себе это было правильно. Офицеры обрадовались, увидев меня. Встретить в горах Дагестана своих соотечественников – событие. Между нами установились симпатии, взаимопонимание, которые, в свою очередь, создали условия для открытого разговора обо всем, что нас интересовало.

Я установил, что значимость отношений между Киазим-беем и большевиками, хотя и несколько преувеличена, но остается серьезной – кровь пролилась. Обстановка, которая была при нашем отъезде из Баку, изменилась. Отношения между большевиками и турецкими офицерами окрасились в кровавый цвет. И, в конечном итоге, мы тоже оказались в тяжелом положении. Но возложенные на нас ответственные поручения, значимые, как для Анатолии, так и для Кавказа, не позволяли портить отношения с большевиками. В дискуссиях, проведенных в Баку и Тифлисе, мы всегда оставались союзниками большевиков. На основе такого доверия большевики и дружили с нами. Сейчас же дерзкая вражда Киазим-бея с большевиками, сложившаяся из-за его неопытности, завела нас в тупик. Кроме меня и Мекер Азиза все остальные наши товарищи были офицерами. У большевиков не было никакого доверия к ним. Мы вынуждены были очень тактично и вежливо разъяснять большевикам наше стремление помочь и Кавказу, и Анатолии, поддержать их. Что другое мы могли сделать против массы?

Киазим-бею сообщили о нашем визите, мы получили от него согласие принять нас. Он лежал с забинтованной головой. Под подушкой лежал пистолет, а около головы – маузер. Мы его не знали, и он не был с нами знаком. Поздоровались. Подходящими в таких случаях словами пожелали ему доброго здоровья. «Храни Бог от несчастья», – сказал я ему. Поговорили о том, о сем. Он оказал нам

истинное гостеприимство. Видимо поняв, сколько времени мы скучали по черкесской мамалыге и черкесской курице, он попросил приготовить нам эти блюда. В его ранах не было ничего опасного. Героизм и храбрость, которые он проявил, прославили его среди горцев. Виден был его бесстрашный дух. Офицеры по отношению к нему испытывали какой-то страх. Он был из тех, кто во имя Кавказа может пожертвовать собой, – 25-летний молодой человек, ловкий, симпатичный, пылкий, но обидчивый. Он окончил школу офицеров. От своих сверстников отличался какими-то особыми качествами, и это помогало ему всегда находить свое место в жизни. Я ему сказал, что вместо того, чтобы быть слепым орудием в руках у Нури-паши, ему лучше было бы посвятить себя борьбе за независимость Кавказа, тогда он сможет стать более полезным своему народу и по праву заслужит его благодарность. Было заметно, что национальная гордость вспыхнула, вдохновляла его. И моей целью было сделать этого упрямого и гордого парня лидером нашей национальной борьбы, сделать его полезным горцам. Но между нами была разница в подходах к проблеме. Мы вынуждены были до конца идти с большевиками, закрывая глаза на многое, он же склонен был быть их врагом. Это враждебное отношение выражалось в его желании арестовать большевиков, которые находились с нами, а именно, Саликова. А большевики были очень сильно настроены против него. Поводы для ненависти были: Киазим-бей в Шуре убил председателя Национального Меджлиса и еще одного парня из этой деревни по имени Казбек. Большевики были страшно расстроены такими потерями и очень обозлены. Однажды, когда Киазим-бей был в Мегалисе, большевики решили напасть на него и отомстить. Однако умная тактика позволила Киазим-бею отделаться легкими ранениями. От их последствий он и лечился сейчас, когда мы его посетили в Мегалисе. Он рассказал, что при покушении на него, все

его вещи были потеряны. Я очень расстроился и передал ему часть вещей, которые у меня были.

Когда стало ясно, что какое-то время мы остаемся в Мегалисе с Киазим-беем, мы пригласили сюда своих товарищей, которые оставались в Чиахне. Азиз-бей тоже пришел вместе с ними. После нескольких дней пребывания в Мегалисе мы направились в Ахушу.

АХУША

В городе Ахуше жил авторитетный имам по имени Али Ходжа. Нам необходима была его помощь. Младший брат Энвера-паши – Нури-паша тоже находился в этом городе. Необходимо было встретиться с ним. Этот местный авторитет для того, чтобы мы могли свободно двигаться в Дагестан, мог, если и не оказать нам какую-либо помощь, то хотя бы, предотвратить какие-либо действия против нас. По этой причине мы и направились в Ахушу. По пути мы остановились на ночлег у одного сельчанина. Там тоже находился отряд турецких солдат, которым командовал молодой толковый офицер. Он нам рассказал, что для того, чтобы держать горцев в страхе, он во время маневров применял метание бомб.

В полночь к нам в дверь постучали. Мы проснулись. Двое, присланных Киазим-беем, сообщили, что хотят повидаться с нами. Поздних гостей мы пригласили к себе. Двое вооруженных горцев. Они принесли письмо, адресованное нам. В письме требовалось возвратить полковника Саликова, находящегося вместе с нами. Это требование делалось на основании решения собрания Мегалиса. Вопрос становился ясным. Это была политика Киазим-бея. Саликов стал нервничать. Он сказал, что по дороге его непременно расстреляют. Киазим-бей не нашел удобным

арестовать его во время нашего нахождения в Мегалисе, а решил это сделать после нашего выхода в путь под видом передачи Саликова на допрос Совету Старейшин, и таким образом вырвать его из наших рук и поступить с ним так, как угодно самому Киазим-бею. Однако, во что бы нам это ни обошлось, мы своего товарища не подвергнем такой опасности. А если эти двое горцев попытаются что-нибудь предпринять, и не будет другого выхода, то мы решили возвратиться все вместе. Мы обратились к умному и интеллигентному командиру отряда и объяснили ситуацию. Благодаря его стараниям мы спасли Саликова от опасности. Горцы подчинились приказу офицера и вернулись обратно. В связи с этим мы потеряли все надежды, которые мы возлагали на Киазим-бея.

Странно выглядело еще и то, что представитель Кавказского правительства и наш проводник Абубекир тоже был врагом большевизма. Однако, исходя из того, что его враждебность была основана на слепой вере, я рассказывал ему о лояльности большевиков к независимости Кавказа, о том, что на многое они закрывают глаза, о той помощи, которую они иногда оказывают. И этим я сглаживал его убеждения. Таким образом, выводя все это на плохую или хорошую дорогу, я все-таки проводил хоть какую-нибудь успокоительную политику.

В Ахуше мы с Азиз-беем посетили Али Ходжу. Мы объяснили ему, что главная миссия нашей группы – независимость Кавказа. Он хорошо воспринял наши идеи, сказал, что его весьма радует наше кавказское происхождение и что он не пожалеет себя в оказании нам возможной помощи. Поцеловав ему руку, мы выразили ему благодарность.

Нури-паша тоже оказал необходимую помощь, пожелал нам успехов. Нури-паша – молодой, умный, всеми любимый человек. Несмотря на то, что он военный, у него есть и другие специальности. Однако события вынудили его остаться

в горах Дагестана. Его расходы покрывает Азербайджанское правительство. Чинили препятствия большевизму он сам и его подчиненные. То, что они не в силах противостоять этой огромной силе, он хорошо понимал. Однако из-за неопределенности положения послевоенной Турции сейчас он находился здесь. Как и Киазим-бей, он не может оказывать сейчас большевикам серьезное сопротивление. Ко всему этому в Ахуше у большевиков есть даже беспроводная станция. Однажды Нури-паша, Азиз-бей и я пошли посмотреть эту беспроводную станцию. Станцией называются развалины сельского клуба, где работают два большевика-телеграфиста. В каких ужасных условиях они живут, какая несчастная жизнь. Видя это, нельзя не удивляться и не аплодировать их стойкости. В это время большевики находились на линии фронта, на границе с Лехистаном. Нам они рассказали, что получили полную информацию о событиях на фронте. Естественно, эти сведения с помощью сельской беспроводной станции передавались в необходимые инстанции. В такой ситуации какие дела могли быть у Нури-паши там?

В Ахуше у Нури-паши была группа из горских солдат совместно с турецкими. Эта группа каждый день выходила на строевую подготовку на площадь, где была построена виселица. Конечно, эта группа и виселица были не для большевиков. Если для большевиков, то, прежде всего, нужно было повесить двух несчастных телеграфистов. Назначением группы Нури-паши было обеспечение охраны сел, пугать и держать в страхе дагестанцев. В этом Нури был прав – горцы были очень обеспокоены этими агрессивными нападениями.

После того, как мы прибыли в Ахушу и договорились с Нури-пашой и Али Ходжой, мы пригласили сюда наших товарищей и солдат, остававшихся в Мегалисе. Они прибыли сюда и вошли в состав отряда Нури-паши.

Нури-паша вместе с неким служащим по имени Черкез Мухаррем и охранником дагестанцем Али Кылыч решили создать нам исключительные условия. Об Али Кылыче я расскажу дальше. Придет время.

В Дагестане живет Джелал Коркмазов, человек, представляющий большевиков.

Али Ходжа советовал нам при встрече с ним не осведомлять его о наших целях.

Наша цель заключалась в том, чтобы найти в Чечне и Дагестане авторитетных людей, умеющих мыслить и сообщать, и собрать их вокруг идеи независимости Кавказа. Цели переговоров с Али Ходжой были аналогичными. Основные моменты переговоров Азиза Мекер-бея с Али Ходжой я привожу ниже.

Азиз Мекер-бей: – По вашему мнению, правительство должно состоять из одних дагестанцев? Или же часть Севера тоже должна входить?

Али Ходжа: – Если Север согласится, правительство нужно создать, образовать под именем Северного Кавказа.

Азиз Мекер-бей: – Есть ли у вас отношения с Узун Хаджи? Вы единомышленники?

Али Ходжа: – Отношения хорошие, и думаю, что мы единомышленники.

Азиз Мекер-бей: – Государство какой формы имеется в виду? Республика?

Али Ходжа: – Республика более соответствует. Узун Хаджи раньше придерживался такого мнения, но придерживается ли его и теперь, не знаю.

Азиз Мекер-бей: – Возможно ли пойти к Узун Хаджи в настоящее время?

Али Ходжа: – Конечно, возможно. Верхом можно добраться за 10 дней.

Азиз Мекер-бей: – Что думаете вы о большевиках?

Али Ходжа: – При условии, когда они не будут вмешиваться в дела нашего государства, я сторонник хорошего

существования с ними. Я верю, что лучше всего хорошее сосуществование с ними.

Азиз Мекер-бей: – А если придется воевать с большевиками?

Али Ходжа: – Большевики говорят, что утвердят наше государство. Но на ваш вопрос пусть ответит независимое правительство.

Азиз Мекер-бей: – Хотите от своего имени, хотите от имени горцев, но сторонник ли вы присоединения к Северокавказскому государству и нахождения в совместном государстве?

Али Ходжа: – При условии, если государство не будет Советским, согласен. Горцы готовы войти в Северокавказское государство и быть совместным государством.

Азиз Мекер-бей: – Большевики Северокавказскую республику словесно или письменно утвердили?

Али Ходжа: – И словесно, и письменно. Документ, подтверждавший их словесное заявление, пропал в руках у курьера Касым Эфенди, когда его убивали в крепости Шамиля, документ исчез.

Азиз Мекер-бей: – Хотим пойти к Узун Хаджи. Вы нам можете помочь?

Али Ходжа: – Конечно. Я напишу письма всем руководителям, находящимся по пути вашего следования, выделю вам проводников.

Азиз Мекер-бей: – Кто там самый авторитетный и умный среди местных большевиков?

Али Ходжа: – Были Казбек, Мухач Джелал. После их расстрела авторитетом и хозяином своего слова является Джелал Коркмазов.

Азиз Мекер-бей: – С Джелалом Коркмазовым можно встретиться? И где?

Али Ходжа: – Возможно. Приглашу его, но он сюда не придет. Если желаете, вы поезжайте в Левашу. Повидайтесь с ним там. Я с ним не уживаюсь. Может, вы уживетесь.

Азиз Мекер-бей: – Каково ваше мнение в отношении офицеров и солдат, прибывающих сюда из Турции? Пусть приезжают или возвращаются назад?

Али Ходжа: – Безусловно, необходимость в сильных и надежных офицерах и солдатах есть. Однако, прибывшие прежде не сумели полюбить эти места и акклиматизироваться. Я даже советы дал им. Полезными и результативными они не стали.

Азиз Мекер-бей: – Эти прибывшие – не потомки кавказских махаджиров. Не лучше ли последующих отбирать из среды махаджиров. Они духовно и морально близки кавказцам. Однако их продвижение и то, какие им будут даваться поручения, зависит от правительства. Я не могу вмешиваться.

Али Ходжа: – Узун Хаджи просит передать ему офицеров из тех, кто в наличии?

Азиз Мекер-бей: – Этих офицеров и солдат я привез из Стамбула, куда я был командирован на основе решения Национального Меджлиса в Тифлисе. Сейчас мне стыдно. Что же мне делать?

Али Ходжа: – Образуется правительство, решат проблему. Пока не отлучайтесь.

Али Ходжа, кому были заданы эти вопросы и получены ответы, очень известный на Юге Дагестана авторитетный шейх и имам.

Вопреки имеющейся ситуации Нури-паша руководствуется идеей идти до победного конца. Однако, в действительности он своим положением недоволен. Каково бы ни было политическое положение страны, каждый на своем месте должен жить спокойно и хорошо. От его посредничества при нашей встрече с Джелалом Коркмазовым и из встречи Джелала с нами выясняется, что отношения у него с большевиками хорошие. И Киазим-бея – противника большевиков – он сделал своим приемным сыном, расположил

к себе. Несмотря на то, что ему уже за 70, что он глухой, старость ему – не помеха видеть далеко, думать о будущем. Это добрый и мудрый человек. Как бы там ни было, он нас благословил. Обеспечил нам моральную и материальную помощь. В сущности, наши дела решали шейхи.

Между впечатлениями, которые мы получали от встреч с Кавказскими делегациями, приезжающими в Стамбул, и теми впечатлениями, которые мы получили от реальной действительности, свидетелями которой стали, ступив на Кавказскую землю, разница, как между небом и землей. Когда мы из Стамбула направлялись на Кавказ, мы шли в его распоряжение. Делегации, которые везли нас, в нас это мнение утверждали. Между тем, когда мы прибыли в Тифлис и Баку, мы увидели реальную действительность в самом голом виде. В Баку и Тифлисе было только по одному представителю. Они тоже существовали за счет денежной помощи правительств Азербайджана и Грузии. Что касается кавказской интеллигенции, то ее целью было проводить время в городах, заботясь о своем здоровье и покое. Что касается народа, его основной массы, то и большевики, и меньшевики, не знали, что делать, куда идти, находились в полном растерянном состоянии. Воевавшие в течение столетия с царизмом герои-горцы, поднявшиеся на защиту своей земли, своей независимости, не могли воспользоваться благоприятным моментом. Лишь одержимые злой исторической мстостью, встречая убегающие казачьи отряды, уничтожали их, и в этом, действительно, имели успех. И тех, кто в казармах и крепостях устраивал налеты, тоже уничтожали.

После того, как в Ахуше мы с Али Ходжой обменялись мнениями, мы решили встретиться с Джелалом Коркмазовым, который в данное время находился в Леваше. Нам необходимо было знать мнение авторитетного руководителя большевиков о том, как понимают большевики наши суждения о независимости, со стороны казалось, что наци-

ональные принципы для них не приемлемы. Получить эту информацию от Джелала, а возможно и использовать его в наших целях, было бы для нас большим успехом.

Транспортные и остальные дорожные расходы взял на себя Нури-паша. Вечером в день нашего прибытия в Левашу, мы пригласили Джелал-бея в дом, в котором остановились. Пришел он в сопровождении двух вооруженных горцев. Сам зашел к нам. Подчиненные остались на улице, продолжали охранять его. Было очевидно, что они нам не доверяют. И причиной недоверия служило то, что между Нури-пашой и его подчиненными, а конкретно, между Киазим-беем и большевиками – натянутые отношения. Было естественно, что большевики, в общем, не доверяли османским офицерам. Чтобы изменить это общее мнение и как-нибудь уменьшить силу враждебного отношения к Киазим-бею, я стал высказывать некоторые свои взгляды и мысли. Однако эти соображения не оказали никакого воздействия. Услышав имя Киазим-бея, Джелал-бей выпрямил свое усталое тело и огненным взглядом сразил нас. Выражая свою враждебность к Киазим-бею, а также недоверие к нам, он указал на виселицу, построенную на площади, и сказал. «Эту зловещую виселицу соорудил я для него и жду его».

Сказав, что действия Киазим-бея индивидуальные, личные, и что турецкие офицеры на Северном Кавказе никогда не будут вмешиваться в эти дела, я прекратил разговор, очень сожалея, что вообще затеял его. Я спросил своего собеседника о его мнении по главной цели нашей поездки: реально ли создание Северокавказской республики? Единая Кавказская республика – его предпочтение, однако он считает, что сначала следует избавиться от врагов – казаков, а уже после этого подойти к вопросу о независимости. Он убежден: только тогда, когда большевики станут господствовать на Кавказе, можно будет обсуждать вопрос независимости.

Прежде, чем направиться в Левашу, мы решили, что Азиз Мекер-бей должен сейчас из Ахуши вернуться обратно в Баку и встретиться там с Исмаилом Беркоком, прибытия которого мы с надеждой ждем, и затем, собрав молодую кавказскую интеллигенцию, вернуться в Ахушу. Я же поеду в Чеченистан, призову народ к единству и, взяв с собой национальных делегатов из числа авторитетных лидеров, вернусь обратно в Ахушу. То есть, собрав в Ахуше лидеров, борющихся за свободу и независимость Кавказа, обсудить и принять окончательное решение. Как только я вымолвил слово по поводу этого собрания, Джелал Коркмазов заявил: «Этот съезд должен пройти в качестве боевого меджлиса, и нужно обсудить меры по изгнанию врага». Я понял, что для Джелала Коркмазова главная цель – это большевистская эпидемия, и что от нашей полемики не будет никакой пользы, и прекратил разговор.

Джелал Коркмазов по национальности татарин. Супер-большевик! В ночь, когда я с ним встретился, он настолько был болен, что с трудом нес на себе свой маузер и ручные гранаты. Все эти «независимости» и «великие революции» – не плод ли таких, как он, непобедимых и полных решимости идеалистов? Он был настолько одержим своими идеями, что даже не допускал мысли об отходе от них. Если среди достойных сынов Кавказа можно было бы иметь хотя бы несколько таких убежденных, то тогда все наши большие намерения не ушли бы из рук, не попали бы в такое «рабство», «плен». Между тем, грамотных людей из горцев уже нельзя было отлучить от цивилизованной засасывающей городской жизни. Вот и получалось, что народные массы остаются без лидера, вожака, а бесчувственность их шейхов превращала их в состояние стада. Они не могут осознать причины их неравенства, независимости. Не согласиться с мыслями Джелала Коркмазова по поводу боевого съезда, я посчитал неправильным. Если спокойно следовать за ними,

то они приемлемы, ощущается остро его самоотверженность. Быть с ним во враждебных отношениях – не принесет никакой пользы. Выгоду от того, что мы с ним мирно расстались, я обнаружил и в Шуре. Эту свою мысль я поясню позже. Джелал в настоящее время находится во главе большевистского руководства в Дагестане. Он – враг независимости Кавказа.

ПУТЬ К КРЕПОСТИ ВЕДИНО

Ведино – это город Узуна Хаджи или, по-другому, Изина Хаира Хаджи. Из кавказских руководителей он самый самоотверженный и влиятельный. Союзник большевиков. С казаками находится в состоянии войны. В его распоряжении – военная организация и Управление. В им же созданном маленьком монетном дворе он печатает деньги своего имени. Эти деньги имеют обращение в Чеченистане и сбывают их там. Необходимо было встретиться с ним и обговорить наиболее приемлемые направления для достижения нашей цели. Вкратце могу сказать, что Узун Хаджи для нас – свет надежды. Вместе с Абубекиром мы направились в Ведино, взяв с собой знакомых проводников, их было четверо. Во главе их был смелый горец по имени Кубали Гераи. Об этом уважаемом и смелом дагестанце и его товарищах, об их заботе о нас, хочу вспомнить с благодарностью. Своими конями, своими деньгами в этом длинном и утомительном путешествии они оказали нам неоценимую услугу. Они сохранили нам благополучие и здоровье. Уже после возвращения в Турцию, я узнал, что большевики расстреляли Кубали Гераи, и очень расстроился. Царство ему небесное! Он – одна из жертв борьбы за независимость Кавказа. В кавказских операциях он оказал большие услуги турецким войскам, за что получил

боевую награду. Эту награду он постоянно носил на груди и очень гордился ею. В нем были черты, свойственные только горцам: солидность, серьезность, он был богатырем, примером храбрости. Он уничтожил двух большевиков, внезапно на него напавших, однако погиб и сам. В царское время он долго работал старостой села Куба. Попал в немилость к большевикам.

По дороге в Ведино находится крепость Хунзак, которую необходимо осмотреть. Эта крепость находится в руках полковника царской армии, местного принца Каитмаза Алиханова. Али Хан большой враг большевиков. Он обосновался в удобном для обороны и оставленном русскими войсками месте, организовал трех- и пятисотенную армию и правит здесь.

Проехать мимо, не связавшись, не пообщавшись с этим человеком, опасно и не полезно для нашей цели. Отношения между Али Ханом и Узун Хаджи не очень хорошие. Между аварцами и чеченцами дорога закрыта. Невозможно перейти из области, принадлежащей Узун Хаджи, в Дагестан, и, наоборот. Мы выяснили, что попасть туда горными дорогами очень тяжело и долго по времени. В любом случае, повидаться с Али Ханом и наладить отношения с Узун Хаджи для нас было неотложным и важным делом. По сути, и само наше путешествие являлось способом устранения враждебных отношений между признанными руководителями и лидерами, обеспечения единства и согласия между ними, сплочения их вокруг идеи борьбы за свободу и независимость Кавказа. Исходя из всего этого, я решил пойти в крепость Хунзак и договориться с Али Ханом. Меня удивили нервозность и беспокойство, которые проявил Абубекир, когда я сообщил ему о своем решении. Я предположил, что между ним и Али Ханом что-то случилось. Спросил его, почему он не очень расположен связаться с Али Ханом. Абубекир мне объяснил, что хотя никаких причин для этого нет,

у него есть предчувствие, какой-то страх. Кубали Гераи дал ему гарантию. Сказал, что ответственность за встречу с Али Ханом берет на себя, но прежде, чем пойти к нему, необходимо послать курьера, выяснить мнение Али Хана, и после получения разрешения, направиться в Хунзак. С этим Абубекир согласился.

ХОЛУТ

Хозяина, у которого мы остановились и гостили в Холуте, звали Хамза. До Холута мы побывали в Гунибе, где в плен попал шейх Шамиль. Гуниб находится на вершине одной скалистой горы. Русские проложили красивую дорогу до села, которое расположено на вершине горы. С левой стороны извилистой, спиралеобразной дороги видны глубокие долины. Эта сторона дороги защищена металлическими прутьями, которые защищают транспорт от падения. То, что вершину эту брали постепенно и с большими трудностями, становится ясно, когда видим камни, которые на различных точках дороги расставлены как памятники. На этих камнях высечено, в какой период истории и кем этот край был оккупирован. Вершина Гуниб – самая высокая среди скалистых гор. Как уже я сказал выше, на макушке этой горы расположены просторные казармы и отличные башни для офицеров. Такие места, как Ведино и Хунзак, в период империи использовали для командования и управления крупными соединениями. Как и все остальные крепости, местные люди, отчасти, разорили их. Панорама Гуниба впечатляет также, как и те войны, которые проводились на этой земле. Меня поразили величие и сказочность вида. Когда я смотрю на вершины гор, сливающиеся с небом, во мне рождается чувство глубокого уважения к святому духу тех, кто геройски пал там.

Решение пойти в Хунзак мы приняли в селе Холут, в доме, в котором гостили. Кубали Гераи подписал письмо, которое мы написали на арабском языке. Через одного сельчанина отправили его. И стали ждать ответа. Человек с письмом пришел на второй день, шел он к нам кратчайшим путем. Он нам сообщил, что Али Хан очень хорошо принял нашу просьбу о встрече с ним и ждет нас.

Во избежание каких-либо неприятностей, Кубали Гераи из села Холут взял с собой еще 10 вооруженных солдат. Таким образом, наше общество, а вернее уже отряд, составляло 16 человек. Преодолевая крутые и отвесные дороги между скалами, в полночь мы прибыли в село Хунзак. Крепость находится приблизительно в 5.000 метрах от села. Наши проводники сочли удобным пойти прямо к крепости, ни к кому не обращаясь. Они сказали, что небезопасно оставаться в селе на ночь, но небезопасно и днем пойти к крепости, так как между Али Ханом и сельчанами отношения не очень хорошие. Село по духу большевистское, а Али Хан – меньшевик. Эти противоречия, напряженность, рожденные из-за убийства сына на почве гнева, распространены одним сельчанином. Гераи считает, что вопреки существующей ситуации, налаживание связей с селом для обеих сторон будет подозрительным. Поэтому, прямо в полночь он привел нас к крепости, где жил под охраной Али Хан.

Мы остановились неподалеку от ворот крепости. Двое всадников постучали в ворота. Спустя немного времени из наблюдательного окошка высунулась чья-то голова. Мы видели и слышали, как человек поговорил со всадниками на аварском языке, потом захлопнул за собой окошко и ушел. Ждали около часа. Ворота не открывались. Нервное возбуждение Абубекира все возрастало. И он сказал мне с упреком, что было бы намного лучше, если бы мы пошли по отвесной длинной дороге, не повидавшись с этим человеком, но вот я его не захотел послушать. Однако Абу-

бекира подводила неосведомленность. Нам еще в Холуте говорили, что вторая дорога, ведущая в Ведино, закрыта на зимний сезон, и проход по ней до июня месяца чрезвычайно опасен. К тому же, пройти мимо, игнорируя такую силу и личность, как Али Хан, для нашей цели было совсем невыгодно.

Наше нахождение за пределами крепости уже в течение почти целого часа истощало наше терпение. Но и для Али Хана впустить в полночь 16 вооруженных человек в крепость, тоже было небезопасно. Мы понимали, что, держа нас в ожидании, там принимали необходимые меры, чтобы предотвратить вероятную опасность. Но, наконец, опустился железный засов, и ворота крепости отворились. Нам было предложено спешиться и по одному войти. У меня не было никакого сомнения в том, что Абубекир, ступая одной ногой в крепость, убежден, что мы сами полезли в капкан. Однако получилось совсем не так, как мы думали. Я, Абубекир и Гераи после того, как прошли несколько запутанных и темных коридоров, оказались в резиденции Али Хана. Я полагал, что Али Хана увижу в его резиденции, но оказалось, что он был среди тех, кто встречал нас у ворот крепости, и тот, кто, открыв двери кабинета, пригласил нас войти, был он. В темноте я вообще никого не узнал. После того, как мы вошли в кабинет, в процессе церемонии знакомства он назвал свое имя, и я только тогда понял, что он и есть полковник Али Хан. Церемония знакомства состояла в следующем: в письме, направленном ему, упоминались два имени: Мустафа (мое) и Абубекир. Али Хан понял, что это мы и есть. И счел это достаточным для знакомства. Как бы то ни было, мы были с Али Ханом с глазу на глаз. Он показал, что о нас хорошего мнения, продемонстрировал теплые чувства, угостил нас, сделал подарки. В ту ночь мы долго и душевно беседовали, а затем легли спать. После выезда из Леваши, мы впервые спали в чистой и теплой комнате.

Народные движения, недавняя война привели к бедности, разрухе, и это было заметно во всех селах, где мы бывали. Из-за этого мы были лишены спокойного сна, удобств. И теперь, впервые за 10 дней попав в теплую постель, я забыл про наше изнурительное и тяжелое путешествие.

На второй день Али Хан в большом дворе крепости собрал всех воинов. Устроил игры. В наличии было около 150 всадников. Они исполнили красивые чеченские игры. После игр они выехали из крепости и показали разные упражнения верхом. Было понятно, что эти упражнения – маневры. Мы тоже с интересом наблюдали за всем. После полуденного обеда между Али Ханом и мной состоялся разговор, который приводится ниже:

Я: – Что является причиной неуживчивости с муллами, а именно, напряженные отношения между вами и Узун Хаджой?

Али Хан: – Муллы, отстранившись от своих религиозных обязанностей, становятся орудием, инструментом в политических течениях. Кто-то примкнул к большевикам, кто-то – к меньшевикам. По этой причине я их и не люблю. Например, я знаю, что Али Ходжа связан с большевиками. А что касается Узун Хаджи, то он делает все возможное, чтобы провиант ко мне не попал, голодом и угрозами хочет разогнать мои войска. Выходит, он тоже орудие в руках большевиков. Я тоже, чтобы ответить им тем же, никому не разрешаю проходить через Чеченистан. Все самые узкие места укрепил пушками. Ему я объявил войну.

Где были эти муллы, когда передали Бичерахову боеприпасы и материалы, которые оставили казаки в крепости?

Я: – Скажите, направить на Межнациональный Конгресс Северного Кавказа, который состоится в Ахуше, своего представителя вы воспринимаете как национальный долг или как приказ? Вы одобряете это?

Али Хан: – Я это одобряю. Коли уж у нас есть долг перед Родиной и цель, то я считаю своим долгом служить этой цели. Делегата тоже направлю.

Я: – Удобна ли Ахуша как место проведения такого собрания?

Али Хан: – Было бы гораздо удобнее где-нибудь в центре. Например, Гуниб или Хунзак.

Я: – Каково ваше мнение по поводу османских офицеров, которые пришли с нами?

Али Хан: – Офицеры нужны. Однако в солдатах больше нужды.

Я: – Хочу пойти к Узун Хаджи и потребовать от него, чтобы он поддержал нашу инициативу по независимости Кавказа, чтобы он нам помог, а также хочу разрядить отношения между вами и выяснить его мысли и взгляды. Я считаю это необходимым. Можете вы разрешить мне это и оказать содействие?

Али Хан: – До перехода моей границы окажу вам всякую помощь.

Я: – Как вы представляете Северокавказское государство?

Али Хан: – Я представляю его как единство, как союз Дагестана, Чеченистана, Терека и Кубани.

Я: – Что вы думаете по поводу муллы Неджми? Почему народ им недоволен?

Али Хан: – Я люблю его за то, что он – враг большевиков. А то, что народ его не любит, это чистое несчастье, невезение.

Неджметтин – известный в Дагестане богатый мулла. Как я слышал от Исмаила Беркока, у него других целей, кроме как приумножать свои овечьи отары, нет. Он – тварь, которая свои личные интересы ставит выше интересов нации и Родины. По этой причине он противен народу. В последнее время его разорили односельчане – сторонники большевизма. И сам он приютился у Али Хана.

Я: – Каково мнение казаков по поводу Северного Кавказа?

Али Хан: – Не думаю, чтобы казаки о нас плохо думали!

Далее он высказал такую странную мысль: «Если в образовании Северокавказского государства Османское правительство видит свою политическую выгоду, то пусть, с целью оказания нам помощи, пришлет подмогу. Когда все крепости подвергались разрушению, я защитил Хунзакскую крепость. Я оказал большую помощь османскому командиру, передав ему много боеприпасов и оружия. Теперь пусть они нам окажут помощь. Эту силу мы прибавим к тем 12.000, которыми я располагаю, и мы разгоним большевиков».

Но где эти 12.000? Где войска? Все, что имеется в наличии, мы знаем, это – 100-150 горцев. И в связи с тем, что у них нет ни продуктов, ни денег, то нет сомнения, что очень скоро разбегутся и они. Положение Али Хана, некоторые его мысли усиливали наше убеждение в этом. Познакомившись с этими мыслями и взглядами, я попросил до нашего возвращения подготовить делегацию, которая примет участие в заседании Межнационального Меджлиса в Ахуше. Затем попросил разрешения уйти.

После ночи пребывания в Хунзаке наши холутские проводники вернулись назад. И мы тоже покинула Хунзак, село, в котором родился прославленный Хаджи Мурат. За теплое гостеприимство в крепости, за помощь в пути, мы выразили Али Хану искреннюю благодарность. Внутри крепости и пехота, и кавалерийский отряд проводили нас с приветствиями. Эти демонстрации вызывают эмоции, я себя чувствовал как военный командир. Около 100 метров за пределы крепости проводил нас и Али Хан. Чтобы оказать нам уважение, он дал мне своего коня, 10 всадников его кавалерии сопровождали нас до границы Анды.

О том, что один из племянников Узун Хаджи арестован и находится в крепости Хунзак, и задерживает его Али Хан,

нам было сообщено. Не задевая самолюбия Али Хана, я сказал ему, что в то время, когда нам очень нужно договориться, прийти к согласию, держать человека под арестом не нахожу правильным. «Прощение и освобождение арестованного для нас – приятное событие, а для него – авторитет и честь», – добавил я. Али Хан сказал, что арестованный является сторонником большевиков, и это причина его ареста, но из-за уважения к нам он его освободит. Свое обещание Али Хан выполнил. Пока мы находились в Ведино, этот бедняга-арестант пришел к нам, вид у него был настоящего сироты.

Здесь людей я нашел более воспитанными и чистыми по сравнению с народами Южного Дагестана. Когда я впервые увидел дагестанцев в широких с длинными рукавами шубах, в кривых папахах, изготовленных из овечьих шкур, я вспомнил, часто встречающихся в Стамбуле туркестанских и бухарских хаджей. Дагестан, исходя из названия, состоит из голых гор. И места там бедные. Только поля там плодородные. Обильно растут фрукты. Села похожи на турецкие села долин Анкары и Кони. Скученные, как разрушенные развалины. Вместе с тем дома, напоминающие норы кротов, которые я видел по пути из Тбилиси в Баку, в сравнении с азербайджанскими, выглядят как дома. Если они будут держать намаз 5 раз в день, но не будут соблюдать чистоту, то из-за вони к ним приблизиться будет невозможно. Сколько раз меня тошнило от запаха, который исходит от дагестанской знати, когда они подходили ко мне, чтобы сказать «добро пожаловать» или же обнять меня. Вопреки их вере, они никакого понятия не имеют о чистоплотности. Не понимают они, что чистота необходима вере.

Дорога, по которой мы шли после Хунзака, была труднопроходимой. Узкая тропа, которая вела к вершинам гор, годилась лишь для верховых и пеших. Села в долине различались призрачно. С правой стороны дороги – крутые и

голубые горы, левую сторону представляли страшные и глубокие лощины. Маленькая неосторожность могла обернуться страшной трагедией. Так как для наших проводников такая дорога привычна, то они были в хорошем настроении, с военными песнями преодолевали ее. Однако, когда я смотрел на обвалы и пропасти, голова моя начинала кружиться. Вместе с тем, чтобы не показать, что я боюсь и нервничаю, я от стыда хранил молчание. Некоторые наши всадники, не надеясь на своих коней, спешили и шли пешком, но я, не смотря на то, что и мне предлагали это же, не слезал с коня. Признаки страха могли свести «на нет» доверие и уважение ко мне. По горскому адату самый большой недостаток человека – это бесславный страх.

ТУХ

Пройдя горы Хунзака мы благополучно спустились в село Тух. Село расположено в долине. Сравнительно благоустроенное. Остановились в доме у одного молодого человека по имени Идрис. Я в долгу перед ним за его гостеприимство и оказанное нам уважение. В память о нашей встрече я подарил ему свою фотографию. После ночи в Тухе, мы двинулись в сторону Анди. Идрис пошел проводить нас, и почти час был с нами в дороге.

АНДИ

По дороге из Туха в Анди я тоже волновался. Из дорог, которые мы прошли, эта была не менее крутой и опасной. Благодарение Богу, что наши лошади привыкли к таким дорогам, опасность чувствовали лучше нас и почти не спотыкались, шли след в след. Уже темнело, когда мы по-

дошли к Анди. Здесь центр уезда. Наши проводники пошли, чтобы приготовить место для ночлега, сказав, чтобы мы их немного подождали. И мы с Абубекиром вместе с лошадьми прогуливались по центру села. От того, что прогулка наша длилась слишком долго, мы стали думать, что находимся в изгнании. Местные сельчане, проходившие мимо, даже не здоровались с нами, иногда говорили что-то резкое на своем языке. Абубекир не знал этого языка. Наконец к нам подошли наши проводники с большой группой людей. Нас повели к главе уезда. Глава встретил нас очень холодно, спросил своего подчиненного о целях нашего путешествия. С помощью переводчика я объяснил ему это. Пока мы вели разговор с главой центра в соседней комнате между нашими проводниками и вооруженными андовцами разгорелись горячие споры, но так как у нас не было времени, мы не смогли выяснить их причину. В это время глава сообщил нам, что можно идти на ночлег, и что завтра мы вновь встретимся. Когда мы пришли на ночлег, проводники объяснили Абубекиру причину спора. Оказывается, нас приняли за шпионов, засланных к горцам за английские деньги, и поэтому хотели изгнать. Наши проводники были немного известны в этом селе, и это, а также их горячее заступничество, спасло нас, иначе меня и Абубекира без сомнения расстреляли бы. В итоге, никто из знати нас к себе домой не пригласил. Нас поселили в единственную комнату одной несчастной, нищей вдовы. Ночь мы провели на страшно вонючих нарах. Проводники нас спасли от смерти, но не смогли убедить население в наших благородных целях. Это подтвердилось и на второй день, когда мы собрались в кабинете главы и увидели суровые взгляды сельчан, и, конечно, тем холодным приемом, не характерным для горцев, который был нам оказан.

Как бы там ни было, мы от этой опасной ситуации отделались. Причиной всего, чему мы подверглись, без всякого

сомнения, была большевистская пропаганда. Во всех селах, где мы бывали, мы сеяли семена свободы и независимости. Большевистские средства связи и возможности создавали условия, при которых они могли оперативно распространять свою пропаганду. Сельчане, получив эту информацию, разворачивали против нас свою пропаганду. Сельские большевики поверили превратным сведениям о нашей миссии и тоже стали нам угрожать. С главой уезда, молодым Айдемиром, я потом встретился в Ведино. Туда он прибыл в качестве делегата от Анди. Он сказал, что плохое мнение о нас не подтвердилось. Извинился. «Дело житейское», – сказал я. Вместе с тем, я никак не мог поверить тому, что этот человек – сторонник республики и патриот – его настроения родили во мне эти сомнения.

После Анди мы направились в Муны и карачаевские села. В Карачаеве произошел очень странный случай. Сельчане пообещали дать нам лошадей до Ведино, но подвели. Когда их спросили о причине, они ответили: «До сих пор, чтобы пройти в Чеченистан, многим турецким офицерам мы доверяли коней и седла. Но никто из них нам ничего не возвратил. Все сбежали. Вы тоже из них. Поэтому мы на вас и не надеемся». Гарантии, даваемые проводниками, тоже не дали результатов. Наконец, Абубекир разгневался: «Мы не из тех бродяг, которых присылает Нури-паша. Мы идем от Верховного Халифата. Мы добиваемся спасения Кавказа от русских. Не верите!? Вот наши документы». Он вытащил из кармана какую-то квитанцию с Красным полумесяцем и показал им. Посмотрел на меня многозначительно и добавил: «Теперь, если не верите этой справке с печатью Халифата и Красным полумесяцем, то обратитесь за помощью к Аллаху, станете гяурами». Показав справку всем, он поцеловал ее и положил в нагрудный карман. Этой находчивости Абубекира мы поразились. Ситуация сразу изменилась. Нам приготовили лошадей, и мы вышли в дорогу. В пути мы

долго смеялись и поражались наивности и необразованности сельчан. Покинув это село, мы расстались с печальными, бедствующими, разоренными селами Дагестана.

Когда мы пришли в чеченское село Селим Хан, мы почувствовали себя в настоящем чистом черкесском селе. Далеко отстоящие друг от друга, побеленные белой известью, близкие душе дома, отгоняли от меня угнетавшую тоску. Добрая природа, сказочные пейзажи Чеченистана избавляли меня от тягот путешествия. Сейчас я увидел представляемый мной ранее Кавказ. Абубекир все время мне говорил, что настоящий Кавказ я увижу впереди, на Севере. И эти его слова укрепляли во мне терпение и выносливость, ибо от горцев, которые очень долго оставались в первобытном состоянии, я многого не ожидал. По этой причине Чеченистан давал мне все новые и новые надежды.

Я – В ВЕДИНО

Ведино – это город, укрепленный и окруженный со всех сторон крепостными стенами. Сейчас это – столица правительства Узуна Хаджи. Некоторые части оборонной основы крепостной стены развалились. В квартирах, отведенных для офицеров, видны следы разрушения и пожаров. Ненависть народа, проявляемая к казакам, порождает некоторые чрезмерные действия. Когда разрушали оборонные крепостные стены, разрушили и красивые дома. В день, когда я прибыл в Ведино, Узун Хаджи был уже на смертном одре. Увидев его в таком состоянии, я расстроился, мне стало больно. Разговаривать с ним было невозможно. Этот человек обладал большим чувством собственного достоинства, он был сослан царем в Сибирь, долгое время оставался там, его опыт и знания сочетались с его героическим характером, он был одним из патриотов, которые за-

служили честь и уважение среди горцев. Его смерть в такое время становилась большой потерей для Кавказа.

Сын его, занимавший должность садразама (Великого визиря. – **В.А.**), не был на таком уровне, чтобы мог заменить отца. Он был послушный и безропотный, как нищий. Правительство Ведино оставалось без главы. Собрался Совет Министров. Положение признали безнадежным. От меня попросили поддержку и помощь. Я поговорил с ними, как мог, успокоил и утешил. Шейху пожелал быстрее выздоровления. «Пока душа не покинет нас, есть надежда», – сказал я ему. Вечером нас на чай пригласил молодой кабардинец, министр внутренних дел. До полуночи мы с ним вели беседу. Я спросил его мнение о цели нашего визита. Уклончивые и неопределенные его слова меня насторожили. Он объяснил, что прежде был с большевиками в одной упряжке, и в такой ситуации действовать тяжело. Естественно, мы тоже, знакомясь с бытом Кавказа, не были против большевиков. Рано утром собрались активисты правительства. Сегодня должны состояться переговоры делегации Хасеф Юрта – там не признают правительство Узуна Хаджи – с делегатами из Ведино. Меня тоже попросили принять участие в переговорах в поддержку Узуна Хаджи. Я согласился. Сразу же приготовились всадники Узуна Хаджи. Мне тоже дали коня. В руках у всадников были голубые флаги с надписью «Лайлахе Иллаллах». В дороге мы встретились с делегацией из Ведино. Закончив переговоры, они возвращались назад. Нам сказали, что противники правительства Узуна Хаджи пришли к согласию. Это приятное сообщение нас обрадовало. Выражая свою радость, мы вернулись в Ведино. В знак торжества по поводу достижения согласия в крепости раздались три оружейных выстрела. Все всадники тоже разрядили свои винтовки. Я тоже сделал 5 выстрелов из своего пистолета. Безнадежная ситуация, царившая вокруг, временно ис-

чезла. Внутренняя тяжесть постепенно сменилась легким, приятным настроением.

На другой день утром Узун Хаджи скончался. Ночью стало известно, что министр внутренних дел сбежал в Кабарду и присоединился к большевикам. Служащие монетного двора тоже ушли в отпуск. Всадники остались в ожидании приказа. Правительство развалилось. Надежды на то, что можно создать правительство Узуна Хаджи, не было никакой. Внутри крепости была небольшая оружейная мастерская. Рабочие этой мастерской тоже разбежались. Большевики с помощью денег и пропаганды поддерживали такую развязку. Теперь не было никакой возможности послать в Ахушу делегацию. Единственное, что можно было сделать, это вернуться в Ахушу, собрать вместе с Азизом и Беркоком делегацию кавказской интеллигенции, которая, я надеюсь, имеется в Ахуше, и всех вместе привести в Ведино. Это я объяснил Совету Министров. Нашли приемлемым. Для служащих монетного двора и рабочих мастерской я дал эффективный совет-наставление: попросил потерпеть до моего возвращения, попросил каждого выполнять свои обязанности так, как они это делали при жизни Узуна Хаджи.

Покойного Узуна Хаджу похоронили с почестями, по шариату, с молитвой «Аллах Акбар». Все прибывшие с далеких окраин – с оружием и без, пешие и конные, сотни мюридов присоединились к похоронной церемонии. Здесь собралось такое количество людей, что в истории Ведино никогда ничего подобного не помнили. В этом столпотворении я возносил молитву о воскрешении духа после смерти. Хочу сказать, что у меня было такое состояние, будто я нахожусь не на похоронах, а среди соотечественников, празднующих какое-то народное торжество. Со времени моего нахождения в пути, я впервые чувствовал себя в родной среде. И радость, которую я испытывал от этого, избавляла меня от всей моей усталости. Церемония эта тоже закончи-

лась. Народ разошелся. Мы тоже сразу собрались в крепости. Абубекира вместе с четырьмя солдатами оставили там. Им я выразил благодарность, в удобной форме сообщил, что за проявленное мужество они будут вознаграждены материально и морально. Как мне хотелось в тот момент материально поощрить их. Оставалось только сожалеть о невозможности этого. Вернувшись потом обратно, я узнал, что они, не выдержав давления большевиков, с несколькими другими ушли в горы Грузии. Делегатов в Ахушу при этом тоже не отправили.

При переходе Андских гор я встретился с Нури, которого раньше случайно видел в Тифлисе. Нури родом из Адапазары. Он был с товарищем. Я спросил, куда они направляются. Он ответил, что идет в Ведино к Узуну Хадже. Объяснил им ситуацию в Ведино, попросил оставаться в Ведино до нашего возвращения. Они согласились. Однако, как потом мне удалось выяснить, в Ведино они не задержались, пошли в сторону Терека и Кубани и оттуда уехали в Туркестан.

Как мне стало известно от Киазим-бея, большевики расстреляли Нури. Я думаю, что эти двое молодых людей присоединились в Туркестане к Энверу-паше, и их там уничтожили. Кавказская молодежь, по всей вероятности, не считает за честь погибать за Родину. Когда мы со свечкой в руках ищем людей, они едут в Туркестан, воюют там и погибают.

С тысячей проблем прибываю в Ахушу. Ситуация совершенно изменилась, большевики захватили Дагестан и Чеченистан, Петросфак и Шура оккупированы, около 10.000 казацких офицеров нашли прибежище в Азербайджане. Стало быть, теперь «белые» русские свои места уступили «красным» русским.

Бедняги солдаты, они стали жалкими и деморализованными. Подчиненные Нури-паши бежали в Баку, а подчиненные Киазым-бея – в Карабах. Значит, все силы, дей-

ствовавшие за счет Азербайджана, разбежались. Ахушинцы встретили нас скрытой враждебностью, в глазах читались отвращение, ненависть. Продукты питания и вещи, которые я оставил у Нури-паши, сельчане присвоили себе. Нашим солдатам угрожала голодная смерть. Я собрал активистов села. Возбужденно и взволнованно объяснил им, что, кроме того, что мы подчинились призыву Родины, другой вины у нас нет, что наши отношения с силами Нури-паши сложились чисто случайно, что подозрение и враждебное отношение, проявляемые к нам, противоречат достоинству и благородству, и что мы этим очень огорчены. Абубекир тоже с обидой и резко подтвердил мои мысли. Ахушинцы немного смягчились. Они согласились на некоторое время оставить наших военных у себя. Дали гарантии, что не примут никаких мер противодействия. Я выяснил, что Азиз и Беркок находятся в Леваше, который в тот период был центром Советской Армии. Принял решение направиться в Левашу. Решение это стало причиной раздора между Абубекиром и мною. В этот город, ставший центром большевиков, он робеет идти, а оставаться в Ахуше тоже не согласен. Этот бедняга, простодушный и верующий, невежда в полном смысле этого слова, свободу и независимость понимает как вопрос одного дня. Когда наступали сложные дни, менялась ситуация, он нервничал, впадал в пессимизм. Много белых волос прибавил в мою седину этот почтенный патриот. Сколько раз наша жизнь подвергалась опасности из-за того, что он не умел скрывать свои чувства. Кроме того, что он справедливый и чистый человек, ни в его характере, ни в его возможностях заниматься политическими проблемами. В себе он держит против большевиков глубокую ненависть. И причина этой ненависти и вражды, по его словам, то, что большевики – противники религии. Между тем, нынешнее наше положение никак не позволяет нам портить отношения с большевиками, мы вынуждены быть в друже-

ских отношениях с ними. По пути в Левашу мы встречались с местными людьми, которые шли, нацепив на себя красные банты. Абубекир начинал своими словами и действиями их унижать. Я с трудом заставлял его молчать.

ЛЕВАШЕ

В Леваше я встретил лейтенанта Исмаила Хаки-бея. Он мне сообщил, что Азиз и Беркок вместе с другими товарищами находятся в Шуре. Я ему рассказал о положении в Ахуше. Он сказал мне, что поедет в Ахушу, заберет оттуда солдат и в Шуре присоединится к нам. Бедняга Исмаил Хаки был офицером артиллерии, выросшим в гуще запаха крови и пороха. Нас из Стамбула двигали сюда одинаковые цели и идеи, однако события и судьба распорядились так, что мы разделились. Судьба бросила его в объятия большевиков – он присоединился к группе, находившейся в распоряжении Супхи-бея, и поехал в Восточную Анатолию заниматься большевистской пропагандой. В открытом море близ Трабзона, в лодке капитана Яхви, с ним жестоко расправились. Из членов этой группы лишь пилот-капитан остался жив. Зачем Исмаил Хаки-бей поехал на Кавказ? Жертвой чего стал?

ТИМУРХАН ШУРА

В Шуре я встретился с Азизом Мекер-ипа, Исмаилом Беркоком и другими товарищами. Али Хан Кантемир тоже был там. Радость, которую испытывал я при встрече с этим человеком, намного превыше той, которую я испытывал при встрече с другими. Потому что я понимал: он пошел в народ для работы с интеллигенцией, в то время как

многие представители интеллигенции Кавказа понимают Свободу и Независимость своей Родины как сидение в раздумьях в великолепных отелях Баку и Тифлиса, вместо того, чтобы идти в гущу горцев и указывать им правильный путь. Встретить среди такой интеллигенции людей, думающих и действующих по-другому, для меня было надеждой и благополучием.

Я обратил внимание, что товарищи нервничают из-за финансовых затруднений. С помощью гостиничного служащего продав свои личные вещи, я попытался найти выход из создавшегося положения. Но это удовлетворило бы наши потребности всего на несколько дней. И как мы опять попали в такое положение!?

Город находится под властью большевиков. Отряды всадников постоянно двигаются на Юг. Во главе Меджлиса стоит Джелал Коркмазов. Нет никакого сомнения, что он бесконечно доволен своей работой и удовлетворен получаемой отдачей. Полковник Саликов, наш товарищ из Баку, тоже там и занимает важную должность. Саликов не остался в долгу перед нами за то, что мы его вытащили из капкана, устроенного ему Киазим-беем. Он стал нам помогать. Наше финансовое положение и политика наша вынуждали нас быть с большевиками в хороших отношениях. Азиз-бей и Беркок-бей несколько раз виделись с Джелал-беем. Если судить по его рассуждениям, он сторонник независимости Кавказа, а на самом деле, нет! Он считает, что кавказцы не достигли еще политической зрелости. Мы же защищаем противоположное. Вроде бы не представляется возможным объединить существующие между нами противоречия.

Политическая партия, которая недостаточно высоко ценит свой народ, имеет ли она возможность оказать нам помощь? В глазах Джелала и его товарищей мы выглядели людьми, которых нужно уже похоронить. До сих пор в нашем движении мы не стали оппозицией большевикам. Мы

шли по пути следования их принципам, к тому же, попали в такую ситуацию, когда даже желали им успехов. И это мы действительно доказали. Ведь если бы мы захотели, мы бы могли Саликова сдать людям Киазим-бея, могли бы спасти горцев от большевиков. Однако большевики, которые обещают всем нациям предоставить свободу, выполняют свои обещания, и поэтому мы считали своим долгом оказывать им помощь. Чувство дружбы, которое мы испытывали к ним, они тоже ценили, а то в Шуре они могли бы нас зажать и вынудить вернуться обратно. Как бы там ни было, руководство из местных большевиков сделало все возможное, чтобы помочь нашим офицерам, товарищам и солдатам, когда им угрожал голод. И когда мы пожелали близко познакомиться с мнением населения по поводу независимости и выехать для этой цели в Чеченистан и Дагестан, то Советский меджлис принял решение, и мы красиво разошлись. Выяснилось, что у большевиков очень много своих серьезных дел, и они не хотят нами заниматься, считают самым удобным избавить нас от себя. И нам тоже, когда выяснились эти настроения большевиков, невозможно было стоять перед разбуженной революционной армией. Мы приняли решение: Фуат-бей – умного и грамотного человека, брата каимакама Адапазары, отправить в Баку, чтобы он нас информировал в необходимых случаях; нескольких товарищей оставить в Шуре; Азиза и Беркока отправить в Чеченистан. Абубекира Плиева мы отправили к его семье, на родину, в Гарзан. Он с давних пор не имел никаких сведений о своей семье. Из-за беспорядочной жизни этот беззаветно преданный и порядочный человек впал в пессимизм, его одолевала тоска по родине. От него уже не было никакой пользы.

Один чеченец по имени Ахмед взял на себя обязанность быть нашим проводником. Этот самоотверженный горец лет 40, грамотный, знает арабский язык, знает самые отдаленные уголки и укромные места Дагестана и Чечени-

стана, чудаковатый и бесстрашный человек. Он проявил истинное мужество, сопровождая нас до Тифлиса. И на сей раз нам помог выбраться из самого затруднительного положения. Али Кылыч – он из подчиненных Нури-паши, с ним мы познакомилась в Ахуше, взял взаймы лошадей. Главным для него было желание доставить нам удовольствие. Мы отправились в неизведанную дальнюю дорогу. Куда мы идем, когда вернемся, ему было неизвестно. Но он был согласен со всем. Такое высокое благодушие и самоотверженность свойственны только людям кавказской национальности, горцам с высокой нравственностью и чистым сердцем. Этого никогда не оценит интеллигенция, которая в 1000 раз страстнее хочет находиться в городе. Для них проявление такой храбрости – не признак высокой душевной нравственности, а признак людей первобытных, живущих в степи, в горах, в долине.

Никогда в жизни не забуду ту внутреннюю боль, которую я почувствовал, когда на ледниках Казбека мы возвращали наших сильных лошадей Али Кылычу. Эта внутренняя боль и теперь со мной. Я не знаю, передали этих лошадей хозяину или нет. Но если мне что-то известно, то это то, что беднягу Али Кылыча расстреляли большевики. И если есть что-либо, что может уменьшить боль моей души и совести, то это то, что лошади должны были остаться в Шуре, в Ведино.

Программа наша была такая. Укрепив государственную организацию в Ведино, провести исследование настроений наших соотечественников в Абхазии. То есть, после определения взглядов и мировоззрения народов Северного Кавказа, подготовить нашу программу и перейти к действиям. После Шуры мы любовались великолепной и богатой природой Кавказа. Человек не может не восторгаться дарами весенней природы в этих горах. Величие и привлекательность пейзажа для нас становились подхлестывающей силой. А сила вселяла в наши сердца надежду на достижение

наших целей, и мы желали, чтобы чужая нога никогда больше сюда не ступала.

20 апреля 1336 года (1920 г.), то есть, после недельного похода, мы вернулись в крепость Ведино. На сей раз мы не увидели такого радушия, с каким нас принимали первый раз, когда мы пришли сюда вместе с Абубекиром. Нас преследовала группа людей. Эта группа состояла как из сторонников большевиков, так и из тех, кто уклонялся от большевизма. Главарем этой группы был некий Чолак Юсуф из села Селим Хан. Первый раз, когда мы прибыли в Ведино, мы проезжали это село и одну ночь ночевали у него дома. Тогда он понял цель нашего приезда и хорошо нас принял. А что случилось на этот раз? Рука – на рукоятке кинжала, готова вытащить его из ножен в любую минуту. В первый же день прибытия, Юсуф вынудил нас покинуть крепость. Это было чистое насилие, и мы оказались в жалком положении. Однако, не поддаваясь чувствам и эмоциям, мы это неуважительное отношение к себе пережили без шума, молча. Мы предотвратили кровавое столкновение между большинством наших сторонников и сторонников Юсуфа, примирили и успокоили обе стороны, дерзко стоявшие друг против друга, тем, что покинули крепость Ведино. Мы пошли в другое село – в Дишни Ведино. Гостили в доме одного сельчанина по имени Ески. Посмотрим, с какими приключениями еще столкнемся. Вместе с войсками члены правительства полностью развалились и разбежались. Из офицеров остались только двое, которые обслуживали Узуна Хаджу. С развалом правительства, они превратились в бездельников и бродяг. Теперь уже они обслуживали нас. Я считаю своим долгом в их адрес сказать благодарственные слова и похвалить их. Те услуги, которые эти двое военных оказывали правительству Узуна Хаджи, та самоотверженность, которую они проявляли, выявляют позор кавказской молодежи, а именно, горцев-офицеров, которые служат в

русской армии. Один из этих двоих молодых храбрецов Али Рыза, 1316 года рождения, из Анкарского вилайета Чорумского санджака села Султан, сын Эмира Хусейнзаде Хамзы. Этот молодой турок отважно выполнял обязанности командира в артиллерии Узуна Хаджи.

Другой – Юсуф из села Дешиште, соседствующего с селом Дебрей Зир. Сын дешиштского шейха Мехмет-заде Хусейна Хусню, 1311 года рождения. Он тоже командовал кавалерией Узуна Хаджи. Каждого из них туда занесли события, они влились в войну, которую вел Узун Хаджи с казаками. Чтобы быть полезными, они помогли единоверцам, горцы им глубоко признательны. Эти люди еще до нашего возвращения в Ведино работали вместе с нами. Исполнительностью и добросовестностью покорили нас. С тех пор как жизнь разъединила нас, мы о них ничего не слышали.

На второй день нашего пребывания в Дишни Ведино, в пятницу, в сельской мечети, вместе с большой группой людей мы совершили намаз. Мы с радостью смотрели, как эти простые и верующие люди совершали намаз. Однако, если бы вместо этой обрядовой молитвы мы услышали бы гимн свободе и родине, написанный каким-либо молодым патриотом Кавказа, я бы еще больше расчувствовался и вдохновился. Это загробное и бесчувственное либретто я слушал в состоянии пессимизма и глубокой безнадежности. Древние песни наших отцов, песни ранения и войны я возносил выше этих. Однако, увы!..

После намаза мы получили записку, которая извещала, что нас приглашают в крепость. Записка была составлена в весьма уважительном тоне. Воспринимая наше пребывание за честь и, тем самым поднимая нам настроение, хозяева сглаживали наше изгнание. Мы приняли приглашение. Вновь вернулись в крепость. Во время встречи мы обменивались мнениями с руководителями о положении в стране. Чолак Юсуф, который представился как «110 тысяч крепо-

стей, руководитель и владыка Меджлиса», бахвалился неуместно, болтая о чем угодно. Мы догадывались, что после того, как нас заставили покинуть крепость, возник большой спор между чеченцами. Победили, как полагаю, сторонники независимости, поскольку нас вновь пригласили. Таким образом, они и Юсуфа вывели на правильный путь. Вместе с тем, дальнейшие события показали, что Юсуф Чолак – один из дальновидных и справедливых людей. Юсуф, в целом, от республики и независимости не отказывался. Он отстаивал мысль о том, что это великое дело не может быть успешно решено лишь тремя-пятью людьми из Турции, и боялся того, как бы мы, бросив их в пожар большевиков, не удалились бы. Эти свои мысли он открыто высказывал нам с Абубекиром, когда мы были вместе в гостях. А наше пребывание в Ведино без сил и средств, вместо ожидаемой пользы могло поставить народ в опасную ситуацию. И на этот раз он высказывал ту же мысль, говоря, что наше пребывание в крепости не сулит ничего хорошего для них.

Целью нашего прибытия в крепость Ведино было не осесть там, а не дать правительству возможности развалиться, и если не материально, то хотя бы морально укрепить правительство. Между тем, Ведино мы застали без правительства. Высказывания большевиков о том, что они готовятся оккупировать Ведино, распространялись повсюду. Таким образом, ситуация всецело изменилась. Изменилась и наша программа действий. Идея создания в Ахуше «Национального Совета» осталась нереализованной. И теперь здесь, в Ведино, развалилось правительство. Без руководства Кавказ стоял на грани вхождения в большевистское сообщество, в полном смысле этого слова. На одном собрании было принято решение перейти к действиям в борьбе за независимость. Там было сказано, что к чеченскому и дагестанскому народам надо обратиться с призывом собраться на святом историческом месте – на вершине Каиш Курта

та и принять решение об объявлении независимости. Чеченистан вообще специфичен, и по духу населения очень удобен для демонстрации независимости. Главной задачей народа, собирающегося на вершине Каиш Курта, должно стать избрание общим голосованием одного национального Меджлиса и образование одного Временного Правительства. Тем самым исключалась возможность оставления Ведино во власти большевиков. Ведино становилось столицей независимого государства. После принятия этого решения немедленно перешли к распространению Обращения за подписью Исмаила Хаки-паши. Подготовили всадников.

В то время, когда дивизия под командованием Мета Иззет-паши заняла Петровск, Исмаил Беркок-бей был начальником штаба. Поэтому он среди горцев завоевал славу, был известен как Исмаил-бей. С искренней кавказской любовью и глубокой душевной преданностью он для нас тоже был признанным руководителем и вожаком, мы к нему тоже обращались как к «паше». Народ тоже признавал в нем достойного командира и относился к нему с заслуженным уважением.

КАИШ КУРТ

После принятого нами решения о проведении народного собрания на вершине Каиш Курта Азиз Мекер-бей решил поехать в Назрань и Владикавказ изучать ситуацию. Он отправился туда, чтобы вернуться до начала собрания.

В Ведино мы находимся в гостях у некоего Куси. Пробивной, с резким характером чеченец. Местные его не любят. Через несколько дней после того, как Азиз-бей уехал в Назрань, враги убили брата Куси. Имеет ли отношение к этому наше пребывание здесь, я не знаю. Однако после

этого преступления, мы заметили, что о нашей безопасности стали больше заботиться. Ночью, разведя костер у ворот, вооруженные охранники до самого утра оберегали нас. Что же касается нас самих, то исходя из того, что цель наша была священной, а действия – справедливыми по закону и совести, то мы, не считаясь ни с чем, продолжали вести свою пропаганду. То, что в связи с убийством брата нашего хозяина, наша жизнь оказалась в опасности, ни у кого не вызывало сомнений. Для самозащиты в случае необходимости Куси нам в спальне оставил бомбу. Так же как я не знал как ею пользоваться, так этого не знал и Арнаут Хусейн-эфенди, который тоже спал в нашей комнате. Чтобы не оглашать эту нашу неискренность, мы молчали.

Жители крепости проявляли большое усердие для нашей охраны. Если нам приходилось идти куда-нибудь, то нас обязательно сопровождала вооруженная группа. Такое обращение с нами моментально показало результат. Делегаты стали приезжать со всех сторон. Они беседуют с Исмаилом Беркоком, получают от него нужные директивы, чтобы в назначенный день собраться на вершине Каиш Курта, и возвращаются обратно.

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ. 30 АПРЕЛЯ 1920 ГОДА (1336 г.)

Чтобы совершить намаз, мы пошли в мечеть. В период оккупации царскими войсками крепости Ведино, мечеть была превращена в церковь. После больших народных волнений чеченцы, которые захватили крепость, восстановили мечеть. Во время намаза я обратил внимание на вооруженных горцев, которые у ворот мечети несли охрану. Я задумался над этим. И как раз, когда я приготовился к поклону, заметил в нише мечети напротив меня вооруженного чеченца. Было ясно, что он оберегал нас, чтобы

во время поклона никто не совершил покушения на нас. Эта самоотверженность народа была большим стимулом для нас, призывала уверенно двигаться к цели. Как могла согласиться наша совесть с тем, чтобы этих людей с их высокими благородными чувствами, и этот райский уголок, прекрасную природу, сдать казацким кавалеристам, солдатам? Жаль, что силы, о которой мечтал народ, у нас не было. Кроме искреннего желания сделать хорошее, другой силы у нас не было.

После намаза Исмаил Беркок-бей призвал народ к единству, призвал объединиться вокруг идеала свободы и независимости. Этот призыв был воспринят с большим воодушевлением.

2 МАЯ 1920 ГОДА (1336 г.). ВОСКРЕСЕНЬЕ

Сегодня в крепости наблюдается какое-то необычное движение. Люди собираются, обсуждают что-то, спорят. В дом, где мы гостим, потом стекаются вооруженные люди. Они демонстрируют свое искреннее единство. Мы тоже каждому из них даем свои советы, предложения, приглашаем на большое народное собрание. Но это не просто – показывать народу направление, дорогу в правду. Беркок-бей очень утомился и потому остался дома. Я пошел туда, где собралось много народу. С помощью переводчика объяснил людям наши цели, наши идеалы, во имя которых мы боремся. Вопреки всему, сказал я добрые слова и в адрес большевиков. «Нет сомнения, что вы – уважаемый и почтенный народ, освобожденный от царского деспотизма, получите независимость», – сказал я. Когда мое выступление перевели, я на лицах большинства горцев заметил признаки удовлетворения, радости. У меня не было сомнения, что они сторонники большевизма. Поскольку до сих пор

большевики против нас ничего не предпринимали, причин критиковать их у нас не было. И сейчас наше положение не позволяло враждовать с ними. Поэтому я, обращаясь деликатно, поддерживаю связь с ними. К вечеру нам сообщили: два большевика-офицера остановились в доме поблизости от нас, они следят за нами. По этому поводу мы переговорили с заместителем имама, было решено этих людей пригласить, спросить о причинах их нахождения здесь и предупредить, чтобы они покинули крепость. Обговорив все это, мы ушли от имама. Когда речь идет об этом имаме, то наш сельский имам или обычный имам мечети – это не одно и то же. Этот имам избран народным голосованием, признан всем народом Чеченистана, авторитетное, надежное лицо, почти председатель правительства. Этот имам – аварец. Высокий, с приятным лицом, достойный человек. После смерти Узуна Хаджи он был избран народным голосованием. Выше я говорил о том, что мы его взяли с собой, когда проезжали его село. В пути он попросил меня прочитать одно Касиде – хвалебную оду. Слава покойному Шинасси – часть его известной молитвы сохранилась у меня в памяти. Собрав все, что помнил, я прочитал оду. Имам получил удовольствие. Сейчас этот человек в роли Узуна Хаджи. И мы тоже нашли «убежище» в его тени. И этот достойный имам должен был вызвать на допрос двух революционеров-большевиков и дать делу законное направление. Между тем выяснилось, что эти два большевика, не создав никакой проблемы имаму, выполнили свои обязанности и покинули крепость. Стало ясно, что в их планах было собрать народ в воскресный день и повторно спросить у нас о нашей цели. Я правильно поступал, что относился к большевикам нормально, на народном собрании в их адрес высказывался хорошо. И они поняли, какую цель мы преследовали.

В час ночи один наш всадник принес тревожное сообщение: подготовленная в Грозном большевистская дивизия

направляется к нам и завтра утром нанесет удар по крепости, затем арестует нас. Мы оказались перед выбором: или оставить Ведино и двинуться в горы, или попасть в когти большевиков. Несмотря на всю опасность, мы решили остаться в крепости. Чеченцы взяли на себя организацию нашей охраны, как внутри крепости, так и снаружи. Мы легли, даже не сняв обуви. Стали ждать последствий такой ситуации.

3 МАЯ 1920 ГОДА (1336 г.). ПОНЕДЕЛЬНИК

Большевистская дивизия ночью оккупировала крепость. Надо полагать, что они хотят предотвратить проведение какого-то мероприятия. До утра никому ничего не было известно об оккупации. С раннего утра опять пошел поток посетителей. Пока Беркок-бей был занят ими, я, чтобы разобраться в ситуации, подошел к одному человеку, которого, как предполагал, подослали большевики. Этот молодой горец сказал мне правду. Он рассказал, что большевики плохо настроены по отношению к нам. Сам он обещал быть вместе с нами и помогать. Он даже скрепил это обещание своей подписью. За его услуги республиканскому правительству ему выдали Похвальную грамоту за подписью Исмаила-паши.

В полдень Беркок-бей сделал заявление в мечети. Он объяснил людям, что у нас нет других целей кроме их благополучия и независимости. До всенародного собрания, запланированного на среду, нужно посмотреть, как поведут себя большевики. Подавят нас? Но мы же являемся гостями народа, достойного уважения, мужественного.

От Азиз-бея сегодня пришло первое письмо. Он пишет, что занят разбором ложного объявления независимости, и что перешел в открытую борьбу против большевиков. Если

даже не будет ясно довольны ли мы полученным сообщением, то у большевиков оно обязательно вызовет интерес. Мы были обеспокоены судьбой Азиз-бея. Очень боялись, что он попадет в руки большевиков, которые пошли на нас из Грозного.

ЗВАНЫЙ УЖИН

Кто-то из рода шейха Хамзы по имени шейх Мухаммед пригласили нас к себе домой. В 5-10 минутах ходьбы к западу от Ведино, в красивом лесочке стоит их дом. У шейха есть сын – офицер русской армии. В связи с тем, что мы долгое время были лишены комфорта, ночь в доме шейха Мухаммеда мы провели очень удобно и спокойно. В доме у него пианино, граммофон, много другой мебели – предметов цивилизации. Однако положение не позволяло, чтобы мы увеселяли себя музыкой. Мы не смогли извлечь какую-либо пользу и из сына шейха – он не задержался в доме долго.

Позже, в период, когда русские целыми потоками переселялись в Стамбул, в Бейоглу я встретился с ним. Он был грустный, обеспокоенный. В Бейоглу я его с товарищами пригласил на ужин в ресторан нашего биржевика Ферритбея Тепебаши. Там мы вспомнили его приглашение, гостеприимство, которое он нам оказал, много говорили. Во время беседы он сказал: «Когда вы были в гостях у нас, мне хотелось угостить вас нашими изысканными винами. В подвале нашего дома с давних пор хранятся вина различных сортов. Однако ваш фанатизм меня остановил. То, что я поступил так, меня беспокоит и по сей день». Я ответил ему: «Тогда, потому, что желудки наши были пустыми, а мозги усталыми, мы не придали должного значения нашей встрече. А ведь у нас была крайняя необходимость пообщаться

с таким человеком как вы и оживиться, прийти в себя. Все, что было необходимо нам, было под нашими ногами. Но мы были похожи на тех людей, которые сидели на кладе и не знали об этом».

От сына я узнал, что несчастный шейх Мухаммед умер от волнения при наступлении большевиков. Они не чеченского происхождения, они – аварцы. Народы Кавказа, которые разговаривают на разных языках, постоянно смешиваются. У горцев постоянно происходят какие-то события, случаи, которые порождают переселения. И как конечный результат – кавказские горцы приходят к межнациональному единству.

4 МАЯ 1920 ГОДА (1336 г.). ВТОРНИК

Ход событий ориентировал нас на большие дела. Мы вдохновляем народ и ведем его к революции. Пропаганда наша дает неплохие результаты. Завтра среда. В окрестностях Сунтери, на вершине Каиш Курта должен собраться весь народ и принять окончательное решение. Прибывающие делегаты от андийцев, аварцев, комоков, калфов, ингушей убеждают нас в том, что собрание завершится хорошим результатом. Сердца наши полны надежды. Хотя бы успел Азиз-бей на это собрание. Его отсутствие в данный момент очень осложняет ситуацию. Исмаил Беркокебей, который прибыл на Кавказ физически усталым, не долечив ран, полученных в период Первой мировой войны, крайне переутомился от местных тяжелых условий, от работы днем и ночью, и находится в измученном состоянии, на грани нервного срыва. Но величие нашей цели, великое желание достичь ее, заставляют его действовать. Но я очень обеспокоен нервным и физическим состоянием нашего дорогого друга. Азиз-бея все нет, это очень волнует меня.

Несчастные наши лошади. Взятые 15-20 дней тому назад, какие они тогда были резвые, здоровые! Сегодня они походят на больных. Несколько снопов сена, которые мы с трудом доставали, не были хорошим питанием, наоборот, окончательно истощили лошадей. По всей вероятности, и обезжиренный кукурузный хлеб сделает нас похожими на наших лошадей. Если все наши усилия, все, что мы преодолеваем в борьбе за независимость, дадут какие-либо результаты, то наши лошади заслужат большей благодарности чем мы, поскольку из всех бед нас выручают они.

Речь, которую подготовил Беркок-бей для всеобщего собрания, обязательно нужно до обеда перевести на чеченский язык. Однако поток людей настолько велик, что мы не находим времени для завершения перевода. Наш секретарь – чеченец. Он жил одно время в Турции, поэтому говорит по-турецки. Перевод должен сделать он. Но как? Горцы Кавказа по-чеченски говорят на различных языках (говор, диалект. – **В. А.**). Когда разговаривают андцы, аварцы, дагестанцы, то их язык воспринимается очень легко. Гармоничный язык. Я обратил внимание на то, что ухо режущих звуков очень мало. Гортанных будто бы совсем нет. Могу сказать, что чеченский язык – самый искусный и красноречивый горский язык.

После завершения дел мы к вечеру покинули крепость. Направились в самое близкое от места собрания село Сунтери. Капризная и сырая майская погода. Временами идет мелкий дождь. На завтра ждем хорошую погоду.

5 МАЯ 1920 ГОДА (1336 г.)

В Сунтери мы остановились в доме одного муллы. С нами приключилось то, чего мы больше всего боялись – из-за сильного дождя пришлось отложить собрание,

назначенное на среду. Беркок-бей сильно нервничает. Из жителей села нас посещают немногие. Хозяин наш – мулла – человек авторитетный, у него слово с делом не расходится. Живет он хорошо, самый богатый человек в селе. Глаза ослепляет его современная модная мебель в чистой квартире. В ночь, когда мы покинули Ведино, большевистский отряд атаковал крепость. Такая информация просочилась, а вскоре это злополучное сообщение подтвердилось. Похоже, что большевики вместе с горцами, чтобы не было никаких неожиданностей, ждали нашего отъезда. Настоятельные рекомендации одного из наших надежных людей о том, что нам за день до собрания лучше остаться в Сунтери, я передал Беркок-бею. Однако он воспринял это плохо, что стало причиной нашего небольшого спора. Когда же эту идею поддержал и Куси, Беркок согласился на день раньше уехать в Сунтери. Беркок-бей придерживался мнения, что в среду на собрание надо прибыть вместе с делегатами из Ведино, и менять место за день до собрания он считал бесполезным. Он не совсем был убежден в искренности наших информаторов, которые сообщали о готовящихся для нас капканах. Он не придал значения предложению молодого человека, который сказал, что за день до собрания нам надо перебраться в какое-либо близкое село. Предостережение же Куси его убедило. Крепость мы оставили, иначе мы стали бы для наших сельчан причиной беспредметного спора и самоуничтожения. Ведь отряд, который решил атаковать крепость, действительно арестует нас, а горцы, будучи верными искренним традициям гостеприимства, не отдадут нас противнику, вот и возникнет конфликт. Так или иначе, но то, что в среду ночью большевики нападут на крепость, и наш хозяин, и наши люди знали. Настоять на том, чтобы остаться в крепости, значит, оказаться самим в трудном положении.

То, что Куси после образования большевистского руководства получил очень большую должность, я узнал потом.

После большевистской оккупации Ведино, жители Сунтери недоброжелательно отнеслись к собранию, запланированному ранее. Они заявили, что если будет такая необходимость, то станут с оружием в руках и не допустят собрания. Возникла очень сложная, напряженная ситуация. И хозяин наш оказался в очень затруднительном положении. Теперь получалось, что мы становились причиной столкновения сельчан с приглашенными на собрание людьми.

Чтобы не допустить эту трагическую кровавую бойню, мы решили покинуть село. Подготовили лошадей. Нас изгоняли отсюда, как ранее и из Ведино. Поживем, посмотрим, с чем мы еще столкнемся. Собрание в Сунтери было нашей самой большой надеждой. То, что это собрание могло стать безрезультатным и безуспешным, свело бы всю нашу работу к пустой игре. Это, в свою очередь, вело к тому, что народ терял веру в нашу правоту. В конечном итоге народ есть народ. Желая получить свободу и независимость, народ в то же время страшно боялся большевистских сил. А у нас не было возможности убеждать его. Единственная наша сила – это они – народ. С событиями в Сунтери мы теряли все свои силы.

Расстроенные покидали мы это село. Только мы собрались сесть на своих лошадей, как хозяин дома нам сообщил, что один из авторитетнейших жителей села приглашает нас на секретный разговор и просит отложить отъезд. Мы приняли это как добрый знак и вернулись. Имя человека, который хотел встретиться с нами для разговора, я в своей записной книжке отметил буквой «Ш», а вспомнить сейчас его имя не могу, осталась лишь первая буква «Ш». Поскольку это лицо просило наш с ним разговор держать в секрете, я в блокноте тоже ничего не записал. Учитывая, что у большевиков много возможностей получать информацию, этот человек воздерживался от обнародования своей связи с нами.

Ночевать мы пошли домой к упомянутому выше человеку. В беседе, которая состоялась с помощью переводчика, выяснилось, что все эти окрестности принадлежали сторонникам и представителям большевиков. Говоря об этом открыто, человек «Ш» заявил: «Я и не богатый, и не знатный. Я человек из массы. Я – настоящий враг тех сил, которые давят народ». Мы тоже сказали ему, что в этой ситуации между нами нет никакой противоречивости и непонимания, что мы тоже противники несправедливых сил и являемся сторонниками народа, что руководить нашим народом должны не иностранцы, что мы сторонники самоуправления и поэтому готовы переносить трудности и лишения. Мы «разбавили» все это еще несколькими словами о патриотизме и храбрости. Между нами устанавливалось взаимопонимание и согласие. Хозяин дома, успокаивая противников собрания, становился нашим помощником настолько, что мы ему пообещали выдать после образования Северокавказской республики документ о материальном вознаграждении за настоящие заслуги, подтвержденный нашей подписью. Мы тут же написали обязательство за моей и Исмаила Беркока подписями и вручили ему. Таким образом, одного из тех, кому доверяли большевики, и кто был активистом и авторитетным человеком в селе, мы перевели к себе. Довольные мы вернулись домой, растянулись на кровати и тут услышали винтовочные выстрелы. Спросили у нашего хозяина в чем дело. Он объяснил, что идет война между двумя чеченскими селами из-за земли, и что это не является ничем особенным. Рассказав об этом без особого интереса, он ушел. А нас такие споры и раздоры в период, когда мы все наши усилия направляем на укрепление единства и союза, очень огорчали. Помимо всего этого завтра должно состояться ответственное собрание. Результатами нашей беседы с «Ш» хозяин дома Али Муталиф тоже остался доволен. Муталиф из рода известных шейхов Мансуров. Но я мало что знаю о

жизни их рода. Муталиф, как и все кавказские муллы, пишет и говорит по-арабски. В Дагестане и Чеченистане арабский язык – язык письменности. В каждом селе можно встретить нескольких людей, говорящих и пишущих на языке Корана.

Али Муталиф очень жадный мулла, карьерист. Он больше ни о чем не думает, кроме, как занять место Шейхульислама Северокавказской республики. Он сам нам сказал об этом. Мы его тоже поддержали. Свои надежды на будущее он каждый день повторял.

Сегодня в руках у многих горцев есть наши обязательства и векселя, которые ничего не стоят, как старые русские деньги, но нет никакого сомнения, что владельцы этих бумаг хранят их как Султанскую грамоту.

6 МАЯ 1920 ГОДА (1336 г.)

П риятное весеннее солнце теплыми лучами серебрило вершины и долины Кавказских гор. На небе вместо вчерашних тяжелых и темных туч – приятные, ласкающие голубым цветом облака. Ровно в 10 утра мы видим, как делегаты поднимаются на Историческую вершину. Солнце высвечивает серебряные ожерелья на одежде всадников и на их седлах. Этот блеск и сверкание вселяют в наши сердца радость и надежду. Впечатляет и величие всадников, и их мастерство наездников. Великолепие и величие этого дня я никогда в жизни не забуду. Не могу передать чувства, которые рождаются у меня от вида парада всадников в черкесках. От всего этого зрелища я считаю себя бесконечно счастливым.

К 12 часам дня на полном скаку подъехал к нам всадник. Мы его приняли за делегата. Всадник этот, имя которого я не запомнил, молодой чеченец, полностью преданный

нам. Запыхавшись, он сошел с коня и сказал, что прискакал галопом, чтобы сообщить нам о том, что сегодня один большевистский отряд своими силами и средствами планирует разогнать собрание, а нас арестовать. Эта зловещая весть сразу разлетелась. После мертвого молчания, которое нависло над площадью, вдруг какие-то дикие голоса стали распространяться по долинам и ущельям. Люди взялись за оружие и заняли заранее приготовленные окопы. В момент, когда одна группа заняла оборонительную позицию, другая группа сразу же приготовилась для встречи с всадниками противника. Все эти операции выполнялись так четко и организованно, будто армия выполняла приказ командира. Моментально привели наших коней. Несколько вооруженных горцев взяли нас под защиту, даже нашлись люди, которые успокаивали нас. Мы попали в безвыходное положение. Мы не могли допустить, чтобы люди оказались вовлеченными в войну. Исключалось и наше возвращение в село. В ожидании того, что будет, мы не сдвинулись даже с того места, где находились. Мы делали все, чтобы сохранить хладнокровие. Не было никакого сомнения, что мы находимся на грани кровавого столкновения.

Прошло немного времени, и большевистские всадники показались на противоположной вершине. «Ш» с двумя солдатами направился к ним, посоветовав нам не применять оружие до его возвращения. Неужели этот угнетенный народ мы вовлекли в кровавую битву, конец которой неизвестен? Все революции и широкие народные движения – это результат мыслей и обдумываний, длящихся долгое время, а также результат мыслей, собранных на стороне и обобщенных. Как мы могли взять на себя ответственность вовлечь народ в битву против организованной государственной силы? Как не было у нас никакой информации о внутреннем и внешнем положении большевиков, так не было у нас никакой информации и о чеченцах, информа-

ции, на которую можно было бы опереться. Мы просто шли с потоком событий.

Большевистские делегаты встретили «Ш» дружески. Вскоре он вернулся со следующими новостями: у большевиков нет никаких враждебных намерений, они пришли лишь для того, чтобы присутствовать на этом ответственном собрании – об этом они получили приказ из Москвы, и чтобы противостоять всем возможным кривотолкам. Войска их не пойдут туда, где состоится собрание, они останутся в окрестностях, и только двое делегатов примут участие в собрании и будут изучать народные игры. Некоторые большевики интересовались тем, в каком месте будут проводиться основные народные игры. Переходить к каким-либо принудительным действиям они не находили уместным.

Ровно в три часа все делегаты были готовы. Вооруженные люди выделили одну большую и великолепную комнату. Два большевистских делегата и мы с переводчиками заняли приготовленные кресла. На глазах народа должен был состояться открытый суд. Ибо, если исходить из логики большевиков, горцы еще не созрели до такого уровня, чтобы требовать независимость. Мы же отстаивали противоположное мнение. Каждая сторона стремилась склонить общественное мнение на свою сторону. Мы должны были утверждать, что независимость для народа – это счастье и благо для будущего. Большевики должны были защищать идею преимущества жизни народа под их властью. Народ же, выслушав мнения обеих сторон, должен был высказать свою точку зрения. Мы все четверо, по очереди, соблюдая обычаи и нравы, учитывая обстановку, используя все возможности, защищали свои тезисы корректно. Когда большевики почувствовали, что терпят поражение, один из них спросил: «По какому праву вы вмешиваетесь в дела этого народа?», а потом добавил: «Когда вы в Стамбуле пили чай, они здесь проливали кровь за революцию». Спор между

нами стал накаляться. «Трагическое махаджирство, явившееся результатом политики империализма, не сумело еще вынудить нас забыть свою Родину Кавказ. Народ, живущий в стране, это наши братья по вере и крови, и судьбы наши едины», – сказали мы.

Народ уже нервничал, раздражался. Стали раздаваться голоса, говорили, что нет надобности продолжать обсуждение, что народ требует свободы. Теперь дело выиграли мы. Делегаты большевиков заявили, что результаты должны доложить Москве, что требования народа реально должно быть удовлетворено, и покинули собрание.

Один из переводчиков, который провожал их, сказал, что большевики страшно расстроены и открыто заявили, что их твердость сломлена. Словом, как в той песне: «Рука приготовила большой байрам, а мы в трауре». Действительно, в этот день Бог был с нами, получился большой праздник. Перед лицом делегатов народ дал клятву верности свободе и независимости. К присяге, предложенной Исмаилом Беркоком, присоединился весь народ. Слова клятвы, которые выходили из груди верующих, волнами плыли в горы и эхом возвращались назад. Сразу же избрали и Национальный Конгресс. Члены Конгресса по одному подходили к Исмаилу Беркоку и, прикладывая руку к сабле, кинжалу, винтовке и Корану, которые он держал как символ герба и независимости, присягали. Текст присяги, предложенный Исмаилом Беркоком, и переведенный нашим переводчиком на чеченский язык, привожу ниже полностью. «Наш героический и мужественный народ, годами проливавший кровь для защиты права на жизнь и независимость, за веру и совесть, для того, чтобы жить в условиях свободного и независимого государства – Исламской республике, присягаю, что буду работать своими возможностями и жизнью, присягаю, прилагая руку к Корану Керим, и настоящей присяге никогда не изменю, обязуюсь перед народом и подтверждаю своей подписью».

ЦЕРЕМОНИЯ ПРИСЯГИ

Каждый участник принимал присягу и напротив своей фамилии расписывался. Большевистские делегаты вернулись, за церемонией присяги, которая была полна религиозной одержимости, веры и патриотизма, наблюдали молча, слушали, а затем удалились. Люди тоже стали расходиться. Чеченские всадники во время движения большевистских войск показали конноспортивные игры. Слава Богу, никаких эксцессов не произошло. Большевики, скрывая свою злобу, как пришли, так и ушли. С этого дня нам почти открыто объявили войну. Стрела вылетела из лука. Необходимо было прежде всего организовать, создать регулярную армию. Ситуация сложилась такая, что кроме, как перейти на военное положение, другого выхода не было. В дебатах на глазах у народа стало ясно, что большевики прибегнут к любому способу, чтобы ликвидировать эту независимость. Сегодняшнее молчание соответствовало ситуации. Так что, после этого собрания для нас тоже наступила спокойная жизнь.

7 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Национальный Конгресс ночью провел собрание. Он принял решение внезапным ударом освободить крепость Ведино от большевистской оккупации. Какой будет финал этого ответственного и тяжелого предложения? Мы можем оказаться вовлеченными в состояние неподготовленной войны. Вместе с тем большевики осмотрительно передвигаются, не суетятся как чеченцы. Нам очень осторожно дня на два нужно отлучиться из Сунтери. О том, что волеизъявлением чеченского народа образован Национальный Конгресс нужно сообщить в Баку, Тифлис и пред-

ставителям иностранных государств там. Для этого нужно найти более подходящее, более надежное место и переселиться туда. Там спокойно составить необходимые документы. Озабоченные решением этой проблемы, члены Меджлиса сочли целесообразным перевести нас в село Дарга. Их возвращения из Ведино мы должны ждать там. Правду сказать, Сунтери для нас место не надежное, никакого другого интереса кроме того, что мы находились вблизи от вершины Каиш Курт, оно для нас не представляло. Равнодушие и безразличие, которые к нам здесь проявили в первый день приезда, решение, которое было принято для разгона собрания, нас очень расстроили. Мы тоже приняли решение покинуть село в тот же день, когда прибыли туда. Но в дело вмешался авторитетный «Ш» и ситуацию разрядили. Провели собрание. Однако в каждом из нас до сих пор живет чувство неудовлетворенности. И то, что Конгресс нашел уместным наше перемещение, нам было понятно.

Привожу список членов Национального Конгресса, избранного на собрании в Каиш Курте с целью поддержания независимости чеченского народа. (Действовал с 6 мая 1920 г. (1336 г.) по четверг 1922 г. (1338 г.) по восьмому месяцу лунного календаря).

Из племени Грозного:

1 – Билал Хаджи бин Гуита Хаджи	из села Мертан
2 – Геде бин Жеге	из села Вулерик
3 – Мешка бин Оме	из села Итокаллы
4 – Дече бин Насуха	из села Мертан
5 – Абдулхалим бин Туха	из села Шатуи

Из племени Видан:

1 – Динелхан бин Гини	из села Гюне
2 – Османи бин Бернакте	из села Евтери

- 3 – Юсуф бин Мусхан из села Шали
- 4 – Ислам бин Хени из села Зунтере Хатип Шечи
- 5 – Гаиш бин Киха из села Диши Видан

Из племени Хасаф Юрт:

- 1 – Месхап бин Етю из села Гачелка
- 2 – Абдюлвахап бин Тутаров из села Зендака
- 3 – Гафи Хаджи бин Талха Хаджи из села Бине
- 4 – Исраил бин Абеле из села Биниетюль
- 5 – Меджит бин Гаиберте из села Теджиурт.

Часть членов Меджлиса, чтобы предложить освобождение Ведино, уехала в крепость. Это предложение, в действительности, исходило от нас, ибо после поражения большевиков в Каиш Курте, их злоба по отношению к нам, стремление отомстить усиливались в несколько раз. По этой причине нам необходимо было уйти из Сунтери.

ДАРГА

Нам сообщили, что Дарга для нас самое благоприятное место. Юг села – в одной цепи с Дагестаном. Вершины гор еще покрыты снегом. Эти места были полем героического сражения покойного шейха Шамиля, и для обороны здесь очень удобно. Покойный Узун Хаджи в критические ситуации находился здесь. И мы тоже будем следить за ходом событий отсюда. Как и повсюду, все население Дарги, от мала до велика, вооружилось. В день нашего прибытия они проводили учения, стреляя по мишеням. Для мужчин вообще, кроме, как заниматься военными маневрами, другого занятия нет. Все остальные работы они переложили на плечи женщин.

После пятничного намаза народ пришел сказать нам «Добро пожаловать». Произнесли молитвы в честь наших успехов. Вчерашнее поражение большевиков оказало на население определенное влияние, авторитет нашей миссии это тоже упрочило.

ГЕРОИНЯ ХОЛИМЕТ (ХАЛИМЕТ)

Холимет – Халимет – чеченская девушка, сестра нашего хозяина. В войне с казаками она проявила такой героизм, что об этом можно написать серьезный роман. Коротко расскажу:

Казацкая кавалерия неожиданно атаковала одно чеченское село, в котором гостила Холимет. От внезапной и сильной атаки некоторые чеченские всадники сломались и попытались отступить. Наблюдавшая за этим Холимет схватила винтовку хозяина, перерезала дорогу отступавшим чеченцам и стала стрелять по ним. Пристыженные таким поворотом чеченские всадники тут же развернули своих коней, с криком «погибнем все или победим» они бросились на противника. После кровавой шашечной битвы победа осталась за чеченцами. Казаков почти всех уничтожили. Обеспечившей эту победу Холимет, как символ победы, подарили пистолет. Этот пистолет она повесила у гробницы отца. И мы тоже, чтобы доставить удовольствие хозяину дома, посмотрели гробницу старого воина и оружие Холимет. Помолились за упокой души ее отца

8 МАЯ 1920 года (1336 г.). СУББОТА

Сегодня сюда доставили очень много образцов полезных ископаемых: золото, серебро, медь, олово. Расплавленные, но не очищенные образцы. Спасенные от

казаков подлинные подземные богатства! Молодая кавказская интеллигенция находится под грузом очень большой ответственности.

Я заболел от огорчений. Решил немного полежать. В пустой безлюдной нашей комнате, в углу, положил свою голову на грязную подушку. Через минуту я вынужден был встать: пришло сообщение о том, что делегация, которую направили в Ведино, вернулась. Они поехали, чтобы предложить вывести оттуда находящихся там большевистских солдат. Делегаты сообщили, что командиры в очень тактичной форме передали им, что ждут приказ из Москвы; с получением приказа они покинут крепость. Но до получения официального приказа из Москвы собрание Национального Конгресса считается неправомочным. Это мнение как окончательное передали делегатам и предложили довести его до сведения других делегатов. Это сообщение нами было воспринято как холодный душ. Мы попросили депутатов не впадать в пессимизм из-за этой неудачи. Делегаты, отправившиеся в Ведино, не были пессимистами, наоборот, они вернулись оттуда с серьезной надеждой на успех, так как разлад и разброд, который они увидели в рядах большевистских войск, их вдохновил. Комические моменты их сообщений довольно-таки рассмешили нас. Например: солдаты из большевистского войска, которое оккупировало Ведино, постепенно стали продавать за кукурузную лепешку и яйца свои винтовки, одежду, даже своих коней. Офицеры, устраивая нагоняй солдатам, пытались даже бить тех, кто продавал коней. А те отвечали им: «Вы что вмешиваетесь, вчера мы были кавалеристами, а сегодня стали пехотинцами».

Одному солдату-мужику, который сократил ствол своей винтовки, горец сказал: «Ты же изуродовал винтовку, расстояние стрельбы уменьшилось», а тот даже не среагировал на это и ответил: «Винтовка уменьшилась, нести будет легче». Эти сообщения настолько меня развеселили, что я даже забыл о своем недомогании.

9 МАЯ 1920 года (1336 г.)

ВШуре приняли решение провести собрание народа в Дарге. Разослали приглашения. Население Дарги дало нам обещание, что будет всеми силами помогать нам в нашей работе. Оказание помощи в борьбе за Родину и ее независимость для них является традицией, к этому они добавили, что не пожалеют ничего для нации. В это время нам предложили стать посредниками в споре из-за земли между соседними селами. Мы приняли предложение. Но очень обрадовались, когда пришло известие, что конфликт разрешился, наступило перемирие. Мы тоже освободились от малоприятного лишнего дела.

В этой стране молитвы о Боге «Аллах велик» переведены как национальные песни. Национальные военные песни наводят тоску. Человек чувствует горечь страдания. Может это от того, что мы слов не понимаем? Может это результат воздействия на нацию страшных ужасов кровавых войн? Во всяком случае, здесь еще поют боевые песни шейха Шамиля и Узуна Хаджи.

Я хотел записать переводы этих песен, но не сумел. Огорчен. Вечером был в таком состоянии, будто у меня лихорадка. Причина беспокойства – нервы. Нервирует отсутствие чистоты. А что можно сделать? Ситуация не позволяет давать советы или давать уроки чистоты. Настроение Беркок-бея тоже не очень хорошее.

10 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Сегодня собрание Национального Конгресса состоится на зеленой и свежей траве, в тени под тополями и ивами. Меджлис вступительным словом открыл Беркок-бей. Он рассказал о природных богатствах и географическом по-

ложении Кавказа. Говорил о формах государства, о национальных и военных делах. Он предложил членам Меджлиса высказывать свое мнение по данным вопросам свободно. Обсуждение продлилось до четырех часов. У этих чистых горцев способность произносить речи великолепная. Они все и воины, и ораторы. Этот народ, оставшийся и живущий без государства со времени русской революции, применяя свои старые традиции, управляет собой в форме республики. Все, что положено – суд, управление решают законом. Увидев такую организацию, я вспомнил покойного Ахмеда Митхата Эфенди и освятил его дух. Покойный в одной своей книге подробно писал, что самая лучшая организация государства – у черкесов. И действительно, на Кавказе лучшей формой государства является республика. А должность главы республики принадлежит Совету старейшин.

После обсуждений Национальный Конгресс избрал Председателя и членов. Исходя из профессиональной подготовленности каждого, их распределили по направлениям – финансы, управление, армия... Таким образом, фактически, приступили к исполнению своих обязанностей.

Если бы не снег, что лежит на вершинах гор напротив нас, я бы чувствовал себя как в июле, настолько теплая погода. Это тепло воздуха, которое придавало силу ослабевающим нашим нервам, укрепляло надежду и веру в наших душах. Для нас сегодня день исторический и счастливый. Пережитые лишения и невзгоды забыты. Увидев плоды своей работы, мы оказались во власти радости и спокойствия. Однако радоваться пришлось не долго. Вечером агенты наши принесли нам новости: остается в силе решение большевиков прибыть сюда, чтобы нас арестовать. Имена некоторых предателей, купленных за деньги большевиками, сообщили нам. Им поручили уничтожить нас. Я полагаю, что этот список с именами находится у Беркок-бея. Потому что в моей записной книжке имен этих несчастных людей

нет. С осложнением ситуации вокруг нас, мы вынуждены были предпринять меры, обеспечивающие нашу безопасность. Мы старались более двух-трех дней в одном месте не оставаться, каждую ночь мы меняли место расположения и делали все, чтобы неизвестно было, где мы находимся.

Чтобы избавить нас от нервных срывов, получаемых от этих злополучных сообщений, на лужайке напротив нас собралась большая группа людей. Они образовали круг. В середине круга один чеченец с обнаженной шашкой произносит речь. Молитвы во имя Аллаха разносились по полям и долинам, бывших ареной кровавых битв шейха Шамиля.

10 часов вечера. Покинув очередное место нашего нахождения, мы перебрались в дом одного муллы на окраине села. Странно, когда во всех консервативных странах меняется форма государства, самым фанатичным образом ведут себя попы, на Кавказ же муллы становятся инициаторами этого дела. Больше всех нас охраняют и защищают муллы, народ к независимости и республике стимулируют муллы. В этом вопросе больше всех отстала интеллигенция, воспитанная в духе русской культуры.

Дом муллы находится на окраине густого леса. Он сам изъявил желание пригласить нас туда. При необходимости удобно нас защитить и устроить побег. Если бы не сильное чувство голода, то хороший повод для смеха.

Мысли Беркок-бея настолько загружены, что он даже перепутал своего коня. Коней приготовили и вывели во двор. И мы вышли во двор. Сели на своих коней. В этот момент Беркок-бей вместо своего коня сел на чужого. На его коня тоже сел кто-то из чеченцев. В темноте трудно было заметить, что перепутали коней, но когда немного проехали, Беркок-бей неожиданно сказал, что на его коня лень какая-то напала, и что ему седло тоже поменяли. Приблизившись к нему, я внимательно посмотрел и обнаружил, что это не его конь. Сказал ему об этом. От того, что нам приходилось

путешествовать только в диких горных условиях, можно быть не только рассеянным, но и нервным. Нервничал я и в ту ночь тоже. Когда мы садились на своих коней, я просил взять с собой наши сумки. Но Беркок-бей решил, что сумки лучше оставить там. А я наоборот. Однако, учитывая то, что продолжать спор по этому поводу не было ни времени, ни настроения, ни подходящего места, мы оставили сумки там.

Когда выезжали из Ведино, я, чтобы не спорить с Беркок-беем, сумку свою оставил там. Позже прибыла моя сумка. Однако все, что было в сумке: носовые платки, носки, электрофонарь, запонки и т.д. было похищено. А поручение сохранить все это, было нами передано. И это происходит тогда, когда мы для них подвергаем себя таким неимоверным трудностям!? Я был страшно зол на тех, кому мы оставили вещи на хранение, а они закрыли на все глаза. Вместе с тем чеченцы, которые относились к нашей охране серьезнейшим образом, к вещам отнеслись равнодушно. Я, понимая хорошо все это, внимательно следил за седлами и другими вещами, когда мы готовили коней, и в гостях тоже старался быть внимательным. Благодаря этому я смог сохранить все принадлежности моего седла. Поскольку Беркок-бей не считал нужным интересоваться седлом и конем, и конь, и седло остались голенькими. На седле и узде уже ничего не оставалось, все унесли. Остался голый конь без узды.

11 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Эту ночь тоже мы должны провести в другом доме. До самого утра я не смог сомкнуть глаз. С одной стороны я был страшно голоден. А с другой – наш охранник Джума во сне говорил молитву «Лаилахе иллаллах» и не дал мне заснуть. Бедняга днем и ночью только и занят тем, что читает молитву. Он настолько потерял здравый смысл, что и во сне повторяет молитвы.

В 10 часов дня Национальный Конгресс вновь собрался. Мы тоже присоединились. В конце этого собрания от имени Северного Кавказа в чеченском селе Дарга для письменной связи, создающейся у республиканского временного правительства с другими иностранными правительствами, назначили уполномоченных и делегатов. Полномочие подписывать документы от имени Национального Конгресса дали нам. Бумага, подтверждающая наши полномочия, была написана на арабском языке, подписались все члены Конгресса.

Ночью мы гостили у одного кузнеца. Эту ночь тоже мы проведем в Дарге. Однако выяснилось, что мы и это место должны покинуть. Больше мы не можем оставаться здесь. Мы оказались почти в положении партизан. Стало ясно, что большевики приняли решение нас уничтожить. По существу, наша миссия тоже была закончена. Пока Национальный Конгресс продолжал работать, мы, находясь вне Конгресса, должны были довольствоваться информацией о делах. В каком положении находятся правительства в Баку и Тифлисе? Каковы их позиции в отношении Северного Кавказа? Каково настоящее внутреннее лицо большевиков? Познать все это в условиях гор невозможно. Некоторые из нас или все вместе вынуждены были поехать в какой-нибудь цивилизованный город. Впоследствии, когда я встретился с Азиз-беем, он предложил мне остаться в горах Чеченистана, а им поехать в Тифлис и ознакомиться с положением дел. Я не принял это предложение из-за незнания русского языка, остался на месте и занимался делами.

Кузнец – хозяин нашего дома угостил нас курятиной и напоил чаем. Честно сказать, немного подкрепились. Я растянулся на кровати, даже не сняв обувь. Вообще, сколько дней я не раздевался. Мы ходили на фронтовиков. Когда ты вынужден ночью менять квартиры, есть ли возможность раздеться? Было смешно наблюдать, как Беркок-бей заво-

рачивал в кукурузные листья раскрошенные табачные листы и курил. Поскольку я не был таким курильщиком как Беркок-бей, отсутствие табака так сильно не отражалось на мне. Ночью спал спокойно. В 11 ночи Беркок меня разбудил. Необходимо стало переселиться в другой дом. В полночь мы пошли в другой дом. Мы были вынуждены принимать такие меры, чтобы в борьбе против внутренних врагов опережать события.

12 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Сегодня мы вынуждены оставить Даргу. Так решено. Наши дела – без системного порядка, не определено ничего, все перемешалось. Весь народ беззаветно предан, все смелые, все республиканцы, однако ни у кого нет никакой идеи. Как дети. Каждым из них нужно управлять, каждого направлять. Глава Национального Конгресса должен быть как учитель школы. Материальных возможностей нет. Сделать нужно еще очень многое.

Кончилось терпение у Беркок-бея, стал иногда вспыхивать, если кто-нибудь переборщит. С одной стороны большевики не оставляют нас в покое, следят за каждым нашим шагом. С другой, наемники, наши внутренние враги, самые опасные для нас.

Есть крайняя необходимость в нескольких молодых образованных людях, могущих стать во главе революционного широкого народного движения, способных показать путь и возглавить Национальный Конгресс. Несчастливая эта молодежь Северного Кавказа, возможно, на ней отразилась русская культура. На сколько частей нам разделиться? Я не хочу упрекать народ, но интеллигенция никогда не расплатится за слезы Беркок-бея, которые он иногда, в минуты сильного душевного расстройства, проливает. Мы не теряем надежды на народ. Зерна, которые мы посеяли в

их сердцах, зажженных горячей любовью к свободе и независимости, рано или поздно дадут свои всходы.

Беркок-бей сегодня очень слаб. Худое и смуглое лицо совершенно бледное. Кто знает, как выгляжу я? После долгой утомительной беседы с большим числом людей, я взял бурку и устроился на берегу речки, что напротив нас. Отдохнул немного. У меня все внутри горит от жажды. Нахожусь на берегу реки, а умираю от жажды. Счастливые горцы, у них, как будто, нет никаких отношений с водой. Они воду пьют не ради жизни, а как красивую, приятную вещь. У меня нет никаких сил для сопротивления. Наконец, вопреки всем опасностям взяв с собой проводника, я пошел к роднику, расположенному далеко от нас. На окраине одной голой и глубокой долины я нашел воду, чистую и холодную как лед, сладкую точно шербет. Напился. Вернувшись, обратился к хозяину дома и попросил принести кувшин воды. Это тоже стало поводом конфликта между мной и Беркоком. Он стал нервничать от того, что я излишне утруждал хозяина дома. Я объяснил, что утруждаю не ради капризов, а по необходимости. Воду принесли. Моя потребность в воде вызвана моей болезнью, которая почти равна сахарному диабету. Я похожу на создание, которое называется Агуатигиме и живет постоянно в воде. За все время нашего путешествия единственной бедой для меня была проблема воды.

Эту ночь тоже мы провели в другом доме. По всей вероятности, если и дальше идти по такому пути, то наши охранники-даргинцы скоро окажутся в безвыходном положении.

13 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Хусейна Эфенди отправили в Калфу к ингушам. Мы по сей день не получили никаких сведений от Азизбея, который находится в гостях у Абубекира Плиева в На-

зрани, занимается там расследованием. Отсутствие вестей о нем нас беспокоит. Хусейн Эфенди из Дебре должен разыскать Азиз-бея, проинформировать нас о нем по поводу положения дел там. После напутственных слов мужественному Хусейну Эфенди мы тоже решили переместиться в другое село. Двинулись ночью. Мы нашли новое место, где можно было спрятаться. Вид этого села, название которого я не запомнил, был очень привлекательным. Как бы мы были счастливы, если бы дня два могли бы провести здесь тихо и спокойно.

14 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Все очень неопределенно. Остаться нам до возвращения Хусейна Эфенди и Азиз-бея или сразу направиться в Тифлис? Беркок считает более целесообразным направиться в Тифлис. Находимся в крайне первобытной среде. По-настоящему тоскую по глотку чистой воды и по куску чистой еды. В Дарге я исследовал проблему воды и проблему еды тоже. «Гость не тот, кого ты ждешь, а тот, кого ты нашел», говорят там. Я, отложив в сторону правила вежливости, попросил солидную порцию яичницы и сливочное масло. С помощью переводчика объяснил им, что это избавит их от лишних хлопот, а нам доставит удовольствие. Такой простой обед очень удивил нашего хозяина. Но без сомнения он остался доволен. Горцы пользуются сливочным маслом лишь при приготовлении пищи. Намазывать масло на хлеб и кушать – они этого не знают. Удивлялись. Поскольку местечко, где мы находимся, это пастбище, то молока, сыра, масла здесь предостаточно, в продуктах не было никакой проблемы. Мы с горцами были в одинаковых условиях. Однако мне не подчинялся желудок. Временами меня тошнило. Очевидно, это результат моего нервного

состояния. Даже в Стамбуле, если кто-то плевал на улице, меня начинало тошнить. Такое состояние со мной бывало не раз, особенно в Дагестане. Не принимая ни пищи, ни воды я полностью истощился. Постоянно мучили мысли, каково будет положение этого народа, который потянули мы за собой? Можем ли в Тифлисе найти кого-нибудь, кто поддержит новую республику, станет ей опорой? Каково положение самой Грузии? Какое иностранное государство найдет для себя выгодным и станет помогать Северному Кавказу? Пока мы найдем себе ясные ответы на все эти вопросы, будет ли исполнять свои обязанности Национальный Конгресс? А большевики, с каждым днем приобретающие все новые силы, не займут ли они крайне резкую позицию в отношении Конгресса? На многие вопросы, которые тревожат и беспокоят нас, нет ответа. Время 5.30. Беркок-бей вытянулся на деревянной грязной и жирной лавке, которая стояла у нас в комнате. Я направился на лужайку, чтобы прилечь, отдохнуть и вдоволь наслушаться раздающихся со всех сторон трели соловья. Лег под одним деревом. Сливавшиеся с приятным весенним ароматом соловьиные трели пронизывали меня, отдаляли от всех моих мыслей. Я растворился в единении с природой, в этой стране, среди желаемого спокойствия и божественной красоты.

В это время я услышал резкий и твердый голос нашего хозяина. Подняв голову, я увидел, что он знаками звал меня домой. Сразу поднялся. И что я вижу? Горцы-кавалеристы – 30-40 всадников, вооруженные, идут по тропинке на расстоянии 5-10 метров. Я решил, что мы окружены, что попали в капкан. Что говорить неправду, я испугался. Сразу подумал, что сейчас откроют огонь по нам. Не оглядываясь назад, не показывая свое волнение, каждую минуту ожидая выстрела, я направился в дом. Вошел в комнату, в панике разбудил Беркок-бея. От волнения я не мог ему ничего объяснить. Лишь из окна показал ему солдат. И тоже ввел его

в шок. В это время отряд подошел. Напротив нашего дома они прошли почетным строевым шагом. Оказывается, это был отряд чеченских всадников – сторонников независимости. Они пришли навестить нас и показать свою преданность. «Да, воздай Бог вам по заслугам!», – сказал я про себя. Беркок-бей дал некоторые советы. Я тоже пожал руку одному 15-летнему воину. В его лице я поздравил независимую армию с независимым офицером, чем воодушевил их. Они вскоре ушли. Мы тоже облегченно вздохнули.

На тахте, которая стояла в нашей комнате с тяжелым воздухом, я растянулся, стараясь успокоить свои нервы и волнение.

Мустафа Бутба с супругой Гулым-пха Аише

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

15 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Сегодня утром один чеченец пригласил нас на завтрак. Сливки, яйца, холодное отварное мясо – завтрак был приготовлен от души. Если бы горец, пригласивший нас, чтобы сказать нам «Добро пожаловать» не стал бы нас обнимать, мы бы позавтракали с еще большим аппетитом. Но в процессе объятий меня затошнило от тяжелого запаха одежды, сделанной из шкур, у меня стала болеть голова. От этой горской традиции обнимать гостя, сколько раз у меня все внутри выворачивалось. А что поделаешь! Это почти религиозная необходимость. Благородной щедростью горского народа не восторгаться невозможно. В каждом доме вас сразу же встречают 5-10 душ детей. В грязной и рваной одежде, а если говорить правду, то и полуголые, эти дети своими трепещущими взглядами обвораживают человека. Светло-каштановые волосы, сверкающие глаза этих горских детей. Избавятся ли они когда-нибудь от опиума шейхских законов? Вместо убеждений о потустороннем мире, сумеют ли они воссоединиться с поколением, которое будет им прививать идеи о Родине и независимости?

МЕДЖИТ И БАШКА

Новости, которые нам сообщили двое храбрецов о положении дел в Национальном Конгрессе, были для нас не из приятных. Из-за угроз со стороны больше-

виков, сообщало нам население Дарги, провести собрание Национального Конгресса будет нельзя, т. е. нам открыто предлагали покинуть Даргу. Чтобы определиться, что делать, куда скрыться, к нам послали Меджита и Башку. Из-за сложившейся ситуации они оба были очень расстроены. Что можно сделать с сильной армией хорошо вооруженной и обеспеченной деньгами. Посоветовать Национальному Конгрессу столкнуться с большевиками означало оставить его без обеспечения, без поддержки – сорвать все планы. Если вести речь о том, чтобы им тут же разойтись – это равносильно тому, что мы покажем народу свою беспомощность, свое бессилие. Надо было найти золотую середину. Вместе с тем, горцы были согласны столкнуться с силами большевиков, во что бы им это ни обошлось. Однако мы находили этот путь опасным, потому что у нас не было никаких сведений о внешнем положении большевиков. Мы не могли допустить того, чтобы, не имея четкой информации о реальном положении, бросить в огонь своих соотечественников. «Потому в настоящее время, на всякий случай, необходимо дать передышку месяца на два, чтобы не дать им почувствовать наше бессилие», – сказали мы нашим гостям, не скрыв от них насколько слабо наше положение. И, наконец, пока мы не доведем до совершенства наши исследования о внешнем положении, Национальный Конгресс должен продолжать свою работу. Во всех случаях, даже если он будет изгнан из Дарги и не найдет другое подходящее место, пусть даже подпольно, но работать необходимо, сказали мы Меджиту и Башке, пробудив в них чувство героизма. Чтобы это решение довести до сведения Национального Конгресса, они пообщались с нами и удалились.

ПЕРЕМЕНА МЕСТА

Прежде чем расстаться с нами, делегаты посоветовали нам переселиться куда-нибудь поближе к границе Грузии. Большевики, как в отношении Национального Конгресса, так и в отношении к нам, открыто высказывали свои не очень мирные планы, и в связи с этим с завтрашнего дня нужно перейти в более надежное место. «Это необходимо и неотложно», сказали нам. И мы, смирившись с этим доброжелательным и справедливым советом, с раннего утра следующего дня решили пойти в отдаленное село, которое находится на границе между Чечней, Грузией и Ингушетией. Разум и логика мои были против военного столкновения с большевиками, но чувства мои желали этого. Русские бунты и восстания разбудили в горцах их боевые, воинственные чувства. Но после того, как оказались в плену у русских, они перестали воевать и убивать, под воздействием опиума шейхов опустились до уровня безобидного муравья. Теперь они думают не о реальном мире, а о потустороннем. Большинство песен, которые я слышал, были сплошные божественные молитвы. Значит, вместо боевых песен эти песни оказались сильнее. Народ в период восстаний вместе с молитвами, которые произносились перед началом кровавых битв, возлагал надежду на боевые песни тоже, чтобы не притуплять боевые и героические чувства, во что бы то ни стало вступить в боевую схватку с большевиками. Я этого желал. Сколько раз об этом своем желании я говорил Беркок-бею. Однако в ответ я получал, что темная неясность, в которой мы находимся, против такого хода развития. Беркок-бей был прав в этом. Ибо мы не владели информацией о положении в Турции, в Европе, у большевиков. Мы оказались в роли пропагандистов, путешествующих в горах. Пока большевики занимались Севером, эту пропагандистскую

работу по организации освободительного движения как в Турции, так и на Кавказе, мы проводили достойно. Однако, когда Красная Армия успешно завершила свои дела и начала двигаться прямо к Кавказским горам, наше положение осложнилось. Теперь мы оказались в таком состоянии, что нам постоянно находиться в одном месте было нельзя. Если большевики пройдут Чечню и Дагестан, полностью их покорив, для нас это явится сигналом полного молчания. Выше я говорил, что являюсь сторонником войны с большевиками. Причиной усиления этого желания было не только мое внутреннее чувство, но и события вокруг. Например, сегодня в Чеченистане и Дагестане не осталось ни одного казачьего воина, военного руководителя, казармы и крепости превращены в руины. На горцев, которые одержали эту победу в войне против регулярной казачьей кавалерии, я смотрел с надеждой.

Пишу о некоторых войнах между горцами и казаками. Часть этих войн произошла под руководством Узуна Хаджи. Героизм и храбрость показали в них Хусейн из Дебре и Али Риза из Чорума. Эти двое мусульман, молодые турецкие парни, оказавшись вдали от родины, служили у Узуна Хаджи, который в крепости Ведино объявил о независимости и образовал государство. Один из них командовал кавалерией, другой – артиллерией. После смерти Узуна Хаджи и развала государства их жизнь стала жалкой и ничтожной. В горах Чеченистана они остались без дела. После нашего прибытия в Ведино они присоединились к нам. Они были вместе с нами, пока мы не покинули Чеченистан.

Хусейн Эфенди из Дебре, который был командиром кавалерии, в Первую мировую войну, в партизанской борьбе против армян, очень усердствовал. Потом, после окончания войны, в связи с жестокостью, которую он проявил по отношению к армянам, он был вынужден бежать, и нашел убежище на Кавказе.

Али Риза Эфенди из Чорума был командиром артиллерии в турецкой армии. Морально устойчивый, с прекрасным характером, одаренный природой достойный молодой человек. Командовал артиллерией в войсках Узуна Хаджи, добросовестно, храбро и честно выполняя свои воинские обязанности до смерти Узуна Хаджи. Судьба забросила этих двоих мусульман в горы Кавказа. Безупречная служба этих простых и чистых парней, их самопожертвование должны были стать пробуждающим уроком для кавказской интеллигенции, для пробуждения ее от глубокого сна. Я ниже хочу показать некоторые казацко-чеченские войны, в которых принимали участие эти два героя. Все эти войны завершились победой горцев. Что эти два патриота сыграли очень большую роль в достижении победы, я много раз слышал от самих горцев, которые с большим уважением отзывались о них. Вместе с названием поля сражения привожу данные о потерях с обеих сторон:

<i>Место боевых действий</i>	<i>число погибших казаков</i>	<i>число погибших горцев</i>	<i>Дата</i>
Бохунюртская война	60	20	15.11.1917 г.
Сиврикуртская	20	12	26. 11.1917 г.
Пердигюльская	70	16	10.VI.1918 г.
Мельчикская	250	35	15.V.1918 г.
Кестекская	80	40	5.V.1918 г.
Чеченюртская	400	200	3.VIII.1918 г.
Сасенюртская	1000	400	10.V.1919 г.
Мескерюртская	60	35	15.V.1918 г.
Чиркская	40	15	
Кюдюрмесская	500	300	
Гюзельавтская	50	12	
Берчинюртская	800	300	

В период войны против казаков в Чеченистане и Дагестане силами Нури-паши, которые были сосредоточены вблизи азербайджанской границы Дагестана, объявление войны горцам большевиками выглядело очень странно и противоречиво.

На рассвете следующего дня, до отъезда Меджита и Башки (Меджита потом казнили большевики, мне было очень больно услышать об этом), мы решили уехать. Теперь нам больше ничего не оставалось, кроме как ждать наших проводников, которые должны были явиться рано утром. Мы с Беркок-беем сидели перед домом на лавочке и разговаривали. Начался страшный дождь, настоящий потоп. Окружающий нас мир окутался темнотой. Страшный гром, раскаты, пугающие человека. От молний, сверкающих слева и справа, невозможно было сохранять самообладание. Беркок-бей пошел домой. Чтобы немного успокоить свои нервы, я хотел посмотреть, как над горами Кавказа сверкают молнии. Однако молнии одна за другой стали ударять по большим, высоким деревьям, так что нервы мои вообще перестали подчиняться мне. Я тоже вошел в дом. Никогда в жизни я не видел такого захватывающего зрелища – сияние неба и удары молний. Совершенно другой нрав у этого чудесного мира природы.

16 МАЯ 1920 года (1336 г.). ВОСКРЕСЕНЬЕ

В 6 часов утра я поднялся со страшной головной болью. Как мне необходима одна таблетка аспирина. Хотя какая польза от аспирина, даже если он найдется? Такое состояние, будто со дня рождения я не употреблял ни воду, ни мыло. Страшный запах от подушки и одеяла мутит мне желудок и крутит голову. Горцы равнодушные, пренебрегающие чистотой, испытывают большие трудности с

мылом в связи с войной и восстаниями. В результате они «плавают» в невообразимой грязи. Из наших проводников, обязанных явиться на рассвете, пришел только один. Ждем второго. Мы сделали очень вкусный завтрак. Независимо от того придет или не придет второй проводник, мы должны выйти в дорогу. Мы принимали решение о том, что переместимся ближе к границе Чечни, Ингушетии и Грузии. Это решение Беркок-бей отменил. Предпочел уйти в Дагестан. Но находиться там и делать что-то полезное невозможно. Мы окажемся в окружении большевиков, от которых уходили. В том, что большевики стали полновластными хозяевами Дагестана, не было никакого сомнения. Посмотрим, что покажет ситуация. В то же время не было сомнений, что Чеченистан для нас наиболее подходящее место. Подошел и наш второй проводник. С восходом солнца мы двинулись в путь. Андские горы с прекрасным обзором мы одолели за 7 часов верховой езды.

Прибыли мы в Гагатлы и еще более приблизились к большевистской опасности, стало быть, наше положение еще больше ухудшилось. Наблюдения в Гагатлы показали, что наше возвращение в Дагестан было ошибкой. Стало известно, что это село полностью находится под контролем большевиков. Поэтому нам в Дагестане делать было нечего. Найти какое-либо надежное место в Дагестане сложно.

17 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Одну ночь мы спокойно провели в Гагатлы. Гагатлы – это огромное село рядом с границей с Чеченистаном. Первобытное село с густым населением, как в Анатолии. Однако дом, в котором мы остановились, сверх всякого нашего ожидания чист и аккуратен. Среди этих дремучих лесов, в первобытном селе, мы не полагали, что встретим дом, в котором можно найти все условия для от-

дыха. Оказывается, наш хозяин коммерсант, торгует бурками. Средства, добытые торговлей, и опыт жизни позволили ему свить себе культурное гнездо. Дай Бог продлить ему спокойную жизнь! Ночью в теплой комнате, зарывшись в накрахмаленное белье мягкой кровати, по которой мы давно истосковались, мы спокойно и сладко спали. Нашему хозяину Садуллаху благодарность мы высказали в особом расположении души.

Садуллах, который жил на широкую ногу благодаря торговым доходам, не был сторонником большевизма. Поэтому он нам очень подробно рассказал о положении дел большевиков, оккупировавших Дагестан. В то же время он посоветовал нам уйти из Дагестана. В личных размышлениях мы тоже убедились в правомерности совета хозяина дома. Он встревожил нас, и мы пали духом. Что нам теперь делать? Выяснилось, что нам нельзя оставаться в Дагестане. Возвращение же в Чеченистан исключается!

Как выражаются женщины, сегодня мои нервы выше меня. Без конца хочу смеяться. Меня смешат мои худые пальцы, которые вылезли из дырявых носков. Это разве смешно? Это же нервы!

В эти минуты мы похожи на чужестранца, потерявшего дорогу в темноте. После того, как мы немного взяли себя в руки и обдумали положение, решили направиться к границе Грузии.

РИКА

Первое чеченское село на границе с Дагестаном. Мы шли к Рике верхом, под дождем, 7 часов, преодолев изумрудные Кавказские горы, достигавшие неба. Продумали пути, которыми мы хотим приблизиться к границе. Если предоставится такая возможность, то хотим встретиться с

ингушами, затем перебраться в Грузию. Беркок-бей говорит, что нет никакой возможности подойти к границе Кабарды. Моим единственным желанием было: после Дагестана попасть в Чеченистан, а оттуда перейти в Ингушетию и Кабарду, изучить там положение, потом перейти в Абазинские горы и спуститься в окрестности Сухума. Однако, в связи с тем, что я вовремя не сообщил о невозможности исследовать эту дорогу, мы отдали предпочтение грузинской дороге и пошли по ней.

ОВЕЧИЙ ПРАЗДНИК «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

Вечером, во время нашей беседы с Беркоком о положении дел, мы услышали залповые выстрелы. Мы решили, что нападают на нас, и просто оцепенели. «Что нам теперь делать, каков путь спасения?», – хотели спросить мы. Однако очень скоро узнали, что у нас нет повода для беспокойства. Оказывается, с горного пастбища спустилась отара овец. В честь благополучного возвращения отары с гор, хозяева овец свою радость выразили выстрелами. Это обычай!

По всей вероятности, горцы-чеченцы переправляют на пастбище стада друг друга. По возвращении они этими выстрелами сообщают людям о том, чтобы они встретили свое стадо.

Я говорил, что Рика – первое чеченское село на границе с Дагестаном. Приграничное население не похоже на других сельских чеченцев. Если даже их характеры схожи в гостеприимстве, в мужестве и храбрости, то эти более жестокие и грубые. Думаю, что причиной этому является постоянная жизнь на границе, которая требует всегда быть бдительным, а отсюда и нервное напряжение.

18 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Сегодня беспокойный день, канун Рамазана. Вообще, с некоторых пор каждый наш день стал беспокойным, тревожным. Исходя из сведений, которые я получил, большевики и в этом районе назначили своего отдельного комиссара. Если иметь в виду, что большевики влезли и в этот уголок, становится ясно, что они взяли под свой контроль весь Кавказ. В эту дождливую туманную погоду нам вновь приходится карабкаться на Кавказские горы.

19 МАЯ 1920 года (1336 г.). СРЕДА

Сегодня праздник Рамазана. Мы решили двигаться прямо на Восток. Вместе с надежными и храбрыми нашими товарищами, вновь пройдя козьей тропой, мы пришли на берег реки Аргун, в город носящий такое же название. Здесь мы устроили обед. С приходом в город Аргун выяснилось, что мы еще ближе оказались к месту расположения большевиков. Возникла необходимость покинуть Аргун без ночевки. Не встретив никакого сопротивления, мы покинули это место.

ХАЛКИЛЛА

Ночью мы прибыли в большое и ухоженное чеченское село Халкилла. Природа очень привлекательная. Встретившись с такой красотой, забываешь свою усталость. В наших сердцах оживают новая решимость и надежда. Душа наполняется желанием сильной мести оккупантам.

Стало известно, что большевики два часа назад оккупировали крепость Шатуй. Крепость как раз над нашей дорогой. Нам необходимо ночью пройти крепость так, чтобы

нас не обнаружили большевики. Если же не реализовать эту возможность, нам придется идти крутыми отвесными дорогами. Посмотрим, что из этого получится.

3 часа ночи. Мы еще сидим. Беседуем, обсуждаем. Нас в достаточной степени освобождает от переводчиков то, что Беркок-бей знает русский и арабский языки. Мы продумали программу нашего движения от Ингушетии до Тифлиса. Руководящее лицо из Министерства финансов Временного правительства обещало нам, что найдет деньги необходимые для Национального Конгресса. Он высказал надежду, что в случае необходимости можно будет выпустить новые деньги на имя Конгресса. После решения выйти в путь на рассвете, каждый из нас растянулся на своей кровати. До самого рассвета я не смог сомкнуть глаз. Тревога в связи с тем, что через некоторое время мы должны покинуть крепость Шатуй, отогнала от меня сон. Петухи начали петь, а проводники наши спят, похрапывая. Могу лопнуть от злости. Если бы не языковая преграда, я бы крикнул им: «Что же вы спите, братцы? Ради сна жертвовать решением, принятым вчера, преступление, которое нельзя прощать в подобного рода путешествиях». Увы! Как быть?

20 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Готовились мы выйти в дорогу в полночь, а вышли примерно в 9 часов утра. Намерены безостановочно идти к ингушам.

Окрестности крепости Шатуй прошли без приключений. Мы так близко проходили мимо большевиков. А они нас не обнаружили? Этому можно только удивляться. Для нас это тоже большой успех. Но кто знает, может они нас «не заметили» во избежание каких-либо неприятностей?

КРЕПОСТЬ ИТОН

Пройдя реку Аргун, мы пришли в крепость Итон. Юг этого края окружен горами Грузии. Они еще покрыты снегом, и пройти их пока невозможно. В долине реки Аргун много обломков разрушенных крепостей. Проводники нам сказали, что это крепости времен Шамиля. Но я думаю, что это не так. Возможно, это остатки средневековья. Крепость Итон действительно окружена высокими горами. И все они покрыты снегом. Чтобы жить здесь, человек должен быть либо ненормальным, либо отшельником. Выше я писал, что решил пойти к ингушам. Решение это было отменено. Мы решили пойти к горцам-чеченцам, живущим на границе с Грузией, поскольку обстановка требовала нашего перехода в Грузию. Однако в настоящее время преодолеть эти горы невозможно. Не увидев июньского солнца, эти горы не откроют дорогу. Посмотрим, как что сложится.

В крепости Итон одну ночь мы провели спокойно. Хозяин обеспечил хороший отдых и нам, и нашим лошадям. Стоило посмотреть на наших лошадей, после того, как они одолели по ящику ячменя, а по такой еде они истосковались. Бедные наши животные, оттого, что они целыми днями ели только зеленую траву и каждый день по 12 часов находились в пути, у них не осталось ни сил, ни мощи.

21 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Ранним утром мы вышли из крепости Итон. Даже черт не проходил в тех местах, где мы прошли. Чтобы дать лошадям немного отдохнуть, в 3 часа дня мы устроили привал на берегу реки Аргун. Я в свой маленький блокнотик занесу одну-две строчки, размышляю о судьбе красивого и изумрудного Кавказа, и от волнения почти плачу. Волнение это вызвано не пессимизмом.

КРЕПОСТЬ ВЕЛИКАНОВ

От берега реки Аргун поднимается гора высотой метров 15-20, на ее вершине мы заметили крепость. Она находится близко к нашей дороге, желая осмотреть ее, мы спешили. Подошли к крепости. Верхняя часть крепости напоминает дымовую трубу фабрики, открытую. Яма глубокая, сверху лежит деревянная решетка. В яме полно человеческих костей. Как сказали нам проводники, эта крепость служила когда-то кладбищем для местного населения. Покойников клали на эту деревянную решетку, и после того, как их съедали дикие птицы, кости падали в яму. Позже отказались от такого обряда захоронения. Покойников клали в усыпальницу и оставляли в каменной комнате крепости. Теперь отказались и от этого – покойников предают земле. По поводу этих кладбищ подробнее напишу ниже.

Прибыли мы в чеченское село, оно состоит из 8-10 домов. Место как орлиное гнездо. У подножия горы, где расположено село, протекает река Аргун. Берега реки заполнены обломками крепости. Вокруг – заснеженные горы, вершины которых достигают небес. Доисторические божественные предания о Великанах и Феях, связанные с Кавказскими горами, я думаю, рождались здесь.

Горцы-чеченцы, населяющие эти места, отличаются от других чеченцев. Красивые лица, стройные, высокие. Удивительно то, что в доме нашего хозяина, живущего в таком диком и отдаленном месте, я увидел швейную машинку, бинокль, оружие и другие предметы цивилизации. Жаль, что я не запомнил имя нашего хозяина и название села. На ночь мы не остались в этом селе. Мы двинулись, чтобы успеть добраться до другого села, которое называют Кей. Село первобытное, но чистое. Много домов средневекового периода, и находятся они внутри крепости. Оборонительные сооружения крепости используются в качестве жилья.

Благородство и нравственно-духовная чистота, которые я видел у этих людей, живущих среди диких гор и развалин древних крепостей, неповторимы. Если я буду доказывать, что такие качества свойственны только кавказцам, то не преувеличу.

Начиная от крепости Итон, оба берега реки Аргун заполнены крепостями. Какой бесценный клад для науки! Как жаль, что мы должны уйти, осмотрев совсем мало. Нет времени, чтобы получить даже самую маленькую информацию. А эти окрестности – живая история.

КЕЙ

Сегодня ночь мы проводим в селе Кей. Состоит оно из 3-4 домов – хутор. Маленькие чеченские села, расположенные на вершинах Кавказских гор, называют хуторами. Не знаю, это слово чеченское или русское. Мы гостим в семье Мет, в которой 12 братьев. Действительно нужно восторгаться стремлением этого горского народа к росту, размножению и его тяготением к культуре. Старшего из братьев мы спросили, с какого времени они здесь живут. Он ответил, что их дедов сослали сюда из Екатеринбурга и Ставрополя. Мы обошли крепость, которая находится севернее дома, в котором мы гостим. Ничего подобного в истории крепостей я не встречал. Высота ее приблизительно 20 метров. От хозяев дома мы тоже ничего не узнали об этой крепости. Вероятнее всего, в середине века это место являлось центром, где собирались люди. Аналогичные крепости находятся в южной части села, на берегу реки. Но мы не нашли нужным пойти туда.

Как оказывают честь и уважение женщине горцы Кавказа я впервые увидел здесь. В Дагестане и Чеченистане я не имел возможности познакомиться с этим из-за социаль-

ного положения женщины в обществе. Горцы в этом плане достойны похвалы.

22 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Готовимся в дорогу. Но куда? Здесь полная неизвестность. Что бы ни случилось, я, пройдя через Ингушетию, через Калфу и Кабарду, хочу выйти к вершинам берега реки Аргун и оттуда через Ашуа спуститься к югу Абхазии. Но и карта, которая у меня в руках, и положение на Кубани, а также слова Беркок-бея говорят о том, что это невозможно. Позже я сам тоже понял, что Беркок-бей был абсолютно прав. То, что в районе Кубани и Терека ситуация очень напряженная, я осознал с возвращением Азиза. Посмотрим, в какую сторону поведет путь. Мы похожи на людей, перепутавших в темноте дорогу.

23 МАЯ 1920 года (1336 г.)
ИАЛХАРВИ

Мы в Иалхарви. Это маленькое село, окруженное высочайшими, покрытыми снегом горами. Долина вдоль дороги также завалена останками древних крепостей. Крутые, достигающие небес горы и скалы. Находящиеся между ними крепости наводят страшный ужас. Бедняги наши отцы!

Эти древние крепости и теперь выполняют функции жилищ. Я в восторге от тонкости действий, от сердечной искренности, свойственных этим людям, которые приспособились к жизни в таких местах. Высокие башлыки, блестящие под ними меткие и огненные взоры, действуют ошеломляюще. Но одновременно, суровый и серьезный взгляд этих людей рождает любовь и уважение к ним. Помимо

традиционного гостеприимства нельзя не чувствовать и их глубокую внутреннюю обязательность.

Разве допустимо не быть преданными будущему этого безгранично чистого и героического народа?

А как просты восприятие и видение религии. Я думаю, что ни в одной исламской стране не встретишь такого чистого отношения к религии. Много раз случалось такое: в пути, как только настает время намаза, все как по команде в армии, спешиваются, лошадей оставляют, каждый привязывает узду к седлу и сразу же становится на намаз. И только после исполнения своего обязательного религиозного долга, с большой радостью, что они выполнили святое дело, вновь садятся на своих лошадей, и – в путь. Все начинают петь в один голос. Величие и святость этого зрелища и сейчас перед моими глазами. Эти песни могут быть религиозного или военно-героического содержания. И стрелки они исключительные. Иногда в пути так увлекаются, что останавливаются и вступают в спор, потом достают свои маузеры и начинают стрелять по мишени. Скажу без преувеличения, я видел стрелков, у которых 9 пуль из 10 попадали в цель. Никогда не забуду такой случай: один из горцев, проводник, стал хвалить простой турецкий маузер, который был у него. Чтобы доказать нам, что из всех видов оружия, которое имеется на Кавказе, самый лучший и самый дорогой – это турецкий маузер, он с расстояния, приблизительно, 500 метров выстрелил в птичку величиной с воробья. Мы не верили, что птичку эту можно поразить маузером, и не проявили особого интереса. Но птички не было. «Очевидно, птичка улетела», сказали мы. Молодого чеченца задело наши сомнения, и он сошел с коня. Перейдя речку, пришел к месту, где была его цель. Нагнувшись, что-то взял, вернулся к нам и показал кусочки несчастной птички. Конечно же, все мы сказали: «Молодец!» Если бы с нами был поэт, то он бы ему посвятил хвалебную оду.

Резюме. У этого горского народа моральная чистота и духовное благородство настолько высоки, что я стал бояться, что все это может быть извращено, испорчено цивилизованной жизнью в лице государства.

«Эй, Кавказ, тебе почет и тысяча благодарностей из глубины души! И сотня тысяч проклятий тем, кто не ценит тебя!».

Кобылица, которая возила меня до сегодняшнего дня, от бессилия и изнеможения упала. Теперь обязанность тащить себя возложена на меня самого. Несчастное животное заболело, находится на грани смерти. Спасибо чеченцам, благодаря принятым мерам, они спасли лошадь от смерти. Не только настоящая жизнь моя, но и болезнь лошади, с которой я связал свое будущее, беспокоят меня. В этой нищете, мой верный и любимый друг, половина моей жизни, моя любимая кобыла! Как тебя накормить и напоить?! Я ведь понимаю, твоя болезнь, твое бессилие – все от голода. Денег – 16 тысяч рублей, которые я получил за свои вещи, проданные на рынке, хватило на два дня, чтобы накормить и напоить мою любимую лошадь. Как жаль!

С уроками, которые преподала мне жизнь, с моим малым или большим опытом нахожусь здесь, в краю больших восстаний и волнений. Мысленно вспоминаю сложности, которые я пережил из-за некоторых бесхарактерных товарищей, которые возвратились назад, с полпути.

24 МАЯ 1920 года (1336 г.). ПОНЕДЕЛЬНИК

Увидев свою лошадь, которая, вытянув ноги, лежит напротив меня, я потерял всякое желание идти. Но надо, я силой ее поднял, немного погладил, оседлал. Вышли в дорогу. Идем в Мереджуй.

МЕРЕДЖУЙ

В середине леса с высокими деревьями расположилось красивое село. Лошадь, которую я притащил сюда, отпустил на волю. Бедняга, она как волк бросилась на зеленую траву. Если дать ей немного кукурузы, я уверен, она оживет.

В Мереджуре и мы, и кони наши, отдыхаем. Ни из Назрани, ни из Владикавказа не можем получить какую-либо реальную надежную информацию. Наконец решили отправить во Владикавказ нашего товарища Ахмеда Юха. Возможно, он вернется с какими-то новостями, обрадует нас. Но в это самое время мы получили сообщение, которое испортило всем настроение.

Дорогу, на которую мы больше всего надеялись, захватили большевики, стреляют. Большевики отбирают оружие. Даже если мы не уверены в том, насколько достоверны эти сообщения, все равно нужно полагать, что это не простые разговоры. В любом случае, для нас это не очень приятная ситуация.

События вынуждают нас к столкновению с большой силой без необходимости и желания. Стрела уже вылетела из лука. Что вытворяет сегодня эта страшная сила? Каково положение внешнего мира? В каком положении в мире мир? Какие части Кавказа находятся под властью Красной силы? Одним словом, мы ничего не знаем, что сегодня происходит в мире. Для нас со всех сторон – круглая темнота. Посмотрим, с какой стороны появится искра надежды?

25 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Хозяин дома и наш проводник в 00 час. 30 мин. направились в Назрань для выяснения неприятных нам новостей. Там они должны найти Абубекира и Азиз-бея. Их задача – выяснить ситуацию и вернуться назад.

Нервы наши с Беркок-беем очень натянуты. Мы оба взвинчены. Иногда беспричинно спорим и обижаем друг друга. Сегодня Беркок-бей устроил мне даже скандал. Не съел обед. Как капризные дети. Но хорошо, что мы оба сразу прощаем друг друга, обида долго не длится, миримся. Весна, блестя всей своей силой и красотой, распространяется. Наблюдаю за изумрудными скалами гор напротив нас. Какая притягивающая и поражающая панорама! Что это? Панорама меняется мгновенно. Точно как на киноэкране. Скалы, которые минуту назад казались зелеными, сейчас покрыты белой скатертью. Глазам своим не верю. Оказывается, это такой необыкновенный климат. Если кто желает увидеть зиму весной, то пусть посмотрит Кавказ. В феврале в Дагестане убирали хлеб. А теперь на ветвях деревьев маленького села, в котором мы находимся, раздаются трели соловья, а на склонах окрестных гор идет снег. Не насладиться вдоволь этой панорамой! Всем этим изменениям природы я говорю: «О, Боже мой!».

26 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Свежая весенняя погода. Ждем возвращения наших товарищей. Нет табака, и это усугубляет наше душевное беспокойство. Немного табака все же достали. В селе, где лишь три дома, мы провели сегодняшней день. Общее число людей только в нашем доме – 24. Исходя из этого, я могу предположить, что в этих трех домах вместе проживает около 100 человек. Этот прогрессирующий рост числа горцев-чеченцев и их естественный настоящий характер – достойны восхищения. Поскольку наше нахождение здесь безопасно, мы еще пару дней останемся тут. Не только разваливавшаяся и нищая Красная Армия, но даже если Ленин создаст армию из дьяволов

мира и направит против нас, они не смогут причинить нам никакого вреда. Недалеко, метрах в 10 от нас, такой дремучий лес, что даже черти испугаются туда зайти. Хочу сказать, что мы находимся на краю самого дикого леса Кавказских гор.

27 МАЯ 1920 года (1336 г.). ЧЕТВЕРГ

Сегодня мы заняты детьми. Более правильно будет сказать, что дети заняты нами. Каждого из нас считая странным, нас атаковали сельские дети 7-8 лет. Пока мы с ними шутили, они стали все больше смелеть, стали навязчивыми, взвинченными. Отвязавшись от них, мы еле забрались к себе в комнату. Но они не ушли, столпились у двери. Может быть хозяин дома, чтобы прогнать нас, специально натравил этих ребят на нас? В конечном итоге я нашел способ, как защититься от них. Из кармана я достал складной ножичек и ножнички. Схватил самого шустрого, как будто захотел сделать ему обрезание. Вырвавшись из моих рук, он убежал, и ни один из них больше не появлялся около нас. Так мы спаслись от этих маленьких агрессоров.

Прогремел гром. Начался сильный дождь. Сверкали молнии, из темных облаков, которые гнались друг за другом, лил дождь как из ведра. Все превратилось в ад. Беркок-бей в такой обстановке поднялся, посмотрел на небо и прочитал такое двустихье:

Это не дождь идет, а небо плачет обо мне.

Вероятнее всего время, проведенное в этих местах, очень больно отразилось на Беркок-бее.

Пока не будут реализованы все наши планы на Кавказе, без сомнения, наши боли и страдания будут расти.

28 МАЯ 1920 года (1336 г.)
МЕРЕДЖУЙ

Мы в Мереджуе. Отдыхаем. Восполняем упущенное нами в еде и сне. Отношения между мужем и женой здесь очень свободные и спокойные. Моральные устои, характерные для народов Кавказа, особенно черкесов, здесь, т.е. у горских чеченцев, отсутствуют. Свобода и искренность, которые мы видели между невестой и женихом, на таком уровне, что ни у одного европейца такого не обнаружишь. В этом чудесном климате нет недостатка ни в тумане, ни в снеге, ни в дожде. Со дня нашего нахождения здесь, на вершине гор, окутанных тучами, постоянно идет снег, а в селе, где мы живем, каждый день льет дождь. Мы привыкли видеть облака на вершинах гор. А здесь облака видны или у подножья гор или на склонах.

29 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Опять дым и туман. Видимость ограничена каким-то кольцом. Это тоже создает нам проблему. Обстановка не удобная для свободных действий. Хоть бы обзор был не ограничен. Но сияющая панорама, высокие горы, покрытые белым снегом, слепые долины, так или иначе, но как-то отвлекали нас. Но уже несколько дней, как обзор вокруг минимален, дальше 5 метров ничего не можем видеть. Как писал Фикрет: «Темно-белое что-то постоянно растет». Нечто подобное этому упрямо нас преследует. Не видно будет даже тирана, врага свободы и справедливости, появления которого мы ждем. Но это тоже счастье.

Азиз-бей прибыл. Шурин Абубекира тоже с ним. Абубекир притворился больным. Что еще можно ожидать от этого невежды-патриота? Поговорили немного о том, как быть, по какому пути идти. Пришли к такому выводу: или мы все

вместе или какая-то часть из нас должна поехать в Тифлис. Из-за отсутствия денег оставаться здесь теперь не имеет никакого смысла.

30 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Опять погода туманная, дождливая, тоскливая, угнетающая. От всего этого я в грустном состоянии. Вчера ночью и сегодня днем занимались письменными и печатными делами. Уже 4-5 дней, как мы находимся в ленивом и пассивном состоянии. Но скука, вызванная ожиданием, подошла к концу. Вновь мы начали работать. Аллах поможет нам достичь успеха в работе и добиться намеченной цели.

В 1.30 мы направились прямо в Кей. Я желаю нашим коням силы, а нам – благополучия. В 6.30 мы вновь прибыли в Иалхарви. Почти зима. Мы все сразу окружили горящий камин. Только приготовились к легкому разговору, как страшное сообщение будто холодом пронзило нас. Стало известно, что полтора часа назад один большевик, назначенный командиром в отдаленном селе, получил приказ о нашем аресте. Во исполнение этого приказа он принимает меры для нашего захвата. Узнав об этом, наш хозяин расстроился вместе с нами.

Мы все-таки надеемся, что хозяева так легко нас не отдадут. По этой причине, рассчитывая на счастливую судьбу, мы, что бы ни произошло, но эту ночь спокойно отдохнем здесь.

31 МАЯ 1920 года (1336 г.)

Ночь мы провели спокойно. Вчерашний холод превратился сегодня в снег. Вокруг все бело. Горы, скалы, долины – все белое, все окутано холодным покрывалом. Этот снег в начале июня для нас, действительно, холодный и

печальный, как саван. Значит дороги, открытия которых мы так ждали, закрылись вновь. Этот снег стал преградой всем нашим надеждам.

Должны вернуться наши товарищи, которых мы послали в Кей и Назрань, мы ждем от них сообщений, после чего должны решить, что предпринять дальше.

Мы и сегодня в гостях у задушевного, жизнерадостного, с веселым лицом Хамзета. Чистая и теплая комната, простой, но вкусный и сытный ужин. Чем мы можем ответить на его высокую человечность и гостеприимство? Как и прежде наша благодарность заключается только в молитве: «Да будет Бог милостив к тебе!».

Да и они тоже, как люди верующие, убеждены, что отдадут дань религии и от гостей кроме молитвы ничего другого не ждут. И вообще, разве не показатель искренности горцев то, что они уже столько месяцев охраняют нас от кровопийц-врагов? Мы – под защитой этих чистых чувств.

Единственная дорога в Тифлис для нас – это ледники, так как все вокруг закрыто. Нужно дождаться горячего июньского солнца. В это время года только одна дорога. И эту дорогу знают лишь одни горцы-чеченцы. Да и то не каждый чеченец. Только несколько. Сейчас наших отважных озорных спасителей – коней, мы вынуждены либо продать кому-нибудь, либо оставить на хранение. Мы вынуждены избрать второй вариант. Неприлично и нечеловечно продавать коней, не принадлежащих нам. Это предательство по отношению к тем, кто нам сделал доброе дело, к тем, кому принадлежат эти кони. Без коней и без вещей карабкаться в дикие горы, в бездорожье. Получится ли? Как и на каком уровне мы решим проблемы в Тифлисе? Все под сомнением. Безрезультативность, если мы с ней сразу там столкнемся, вынудит нас вернуться в Стамбул. Именно в Стамбул. Потому что вернуться к горцам с пустыми руками, равносильно тому, что мы сами, собственными руками, накинem на себя петлю.

Есть и другая сторона, которая тревожит нас: можем ли мы вернуться назад, не побывав на Кубани и в Абхазии? Посмотреть их, и, по возможности, познакомиться с жизнью наших соотечественников там – одна из целей нашего путешествия.

1 ИЮНЯ 1920 года (1336 г.)
ИАЛХАРВИ

Мы в Иалхарви. По обычаю, для нас порезали барашка. Получается, что мы, вращаясь среди горцев-чеченцев и поедая все время мясо, возвращаемся в разряд диких животных. Меня здорового, в широкой бурке, с длинной бородой, каждый встречающий может принять за горного разбойника-абрека. Преданность, которая проявляется горцами при охране наших жизней, достойна удивления и благодарности. Охрана жизни гостя у этих храбрых и щедрых людей стала национальной традицией.

Слабое зимнее солнце. В деревне снег растаял, но окрестности еще покрыты им. Если этот снег не растает, то для нас удобные дороги закрыты.

Мы должны направиться в Кей. Второй день наши лошади «крутятся» в камнях, ищут зеленую траву. Возможно, в пути им встретятся пастбища, где можно попасть и набрать немного сил. Мы же пока отложили выход. Проводники считают целесообразным и сегодня остаться здесь.

Азиз-бей и Беркок-бей сегодня устроили большую беседу по поводу будущей обороны Кавказа. Им «удалось» все: тоннели готовы, шоссейные дороги открыты, по-новому проложена железная дорога, заменены поезда! Короче. Выслушав все это, я понял, что день провел очень интересно и красиво.

2 ИЮНЯ 1920 года (1336 г.)
ПОСЕЩЕНИЕ МОГИЛ ОТЦОВ

Сегодня тоже какой-то беспокойный день. Не можем определиться, что делать. Уезжать? Остаться? Ни из Кея, ни из Назрани нет никаких сообщений.

Вчерашний спорт нам помог приобрести хороший аппетит и спокойный сон. По предложению нашего хозяина, мы вчера поднялись на вершину горы, что на северо-западе от нас, осмотрели пещеры, оставленные первобытным поколением, т.е. осмотрели дома и кладбища наших отцов. Одновременно полюбовались долиной реки Терек. За три часа мы поднялись на вершину. С нее через бинокль видны северокавказские нефтяные скважины, находящиеся в долине.

В нижней части пещер, которые мы осмотрели, т.е. первые ступеньки – это могильники, а ступенькой повыше четко видно, что это место выполняло функцию дома-жилища. А в той части пещеры, которая выполняет функции могильника, лежит огромная масса костей, останки наших дедов.

Чтобы легче можно было защищаться, обитатели пещеры верхнее углубление выбрали для проживания. Среди этих многочисленных пещер одни – широкие, другие – узкие. Каждая семья, в зависимости от числа ее членов, выбирала или же сооружала пещеру. Следы пеших троп, по которым они могли ходить друг к другу, сохранились до сих пор.

Интересно, сколько лет тому назад наши отцы жили здесь, вернее прятались здесь. По моему мнению, окрестности Иалхарви и Кей свидетельствуют о трех исторических периодах, пережитых человечеством. Если эти окрестности назвать страной пещер, то это будет очень точно. Оба этих маленьких села находятся на склонах горы: одно – на западном, другое – на восточном. На северном и южном склонах села Кей тоже очень много пещер. Нет

никакого сомнения, что в минувшем историческом периоде одно из самых густонаселенных мест горного Кавказа было здесь. По середине этой страны пещер протекает маленькая речушка. Была дорога, которая обеспечивала условия жизни и обороны. То, что это место было ареной трех исторических периодов, подтверждается следующими исследованиями:

1. Древние пещеры,
2. Крепости средневековья,
3. Современные дома, каменные жилища.

Получается, что предки людей, проживающих сегодня в этих краях, жили в пещерах, которые мы видели, следующее поколение – в крепостях, а нынешнее – в каменных домах. Кто знает, сколько столетий прошло для того, чтобы из пещер переселиться в современные дома. Крепости и сегодня частично выполняют функции домов или храмов для моления. Есть еще крепости, специально приспособленные к семейным, родственным группам. Полагают, что поверхности этих 30-метровых крепостей зарешечены, а на дне у них глубокая яма. Покойников клали на эти решетки и оставляли на съедение птицам. Эта традиция сохранялась и до недавнего времени.

Эти места очень доступны и удобны для исследования периодов истории человечества. Как было бы важно и полезно какой-либо кинофирме побывать в этих местах и снять фильм. Эти места – живая история. И сегодня мы здесь.

Чтобы отдохнуть душой и телом, мы устроились на зеленом склоне восточнее села. Солнце, чистый воздух успокоили наши нервы. Немного сладко вздремнули. Ночь мы должны провести в другом доме. Значит, сельчане решили так: те, кому позволяют положение и время, по очереди будут приглашать нас домой. С первого дня нашего пребывания здесь мы стали тяжелой обузой для Байду. То, что нами будут заниматься по очереди, удобно

и для нас, и для нашего хозяина. Целыми днями прокидать в одном доме! Да и для сельчан это тоже накладно. Пусть эту обузу поделают между собой, и нагрузка на каждого уменьшится. Сельчане тоже приняли этот путь облегчения.

3 ИЮНЯ 1920 года (1336 г.)
БЕНИХУ ХОДЖА

Сейчас возникли проблемы у ходжи Бениху. Этот ходжа эфенди связался с сектой Кунту эфенди и представляет ее здесь. Бениху ходжа и Пасу из Кея не уживаются. Бениху изгнал Пасу. Между тем, Пасу должен стать нашим проводником, он обещал сопровождать нас до Тифлиса. Теперь же выходит, что идти с ним в дорогу опасно. Соперника Бениху ходжи взять себе в проводники для нас равносильно смертному приговору. Для предотвращения этой опасности проводника нужно выбрать из мюридов. Бениху ходжа тоже этого желает. Для нас, естественно, это тоже хорошо!

А Пасу? Он против нашей поездки с мюридами Бениху. Он хочет заслужить благодарность за благополучную доставку нас в Тифлис. Оспаривать это тоже небезопасно. Короче, пониже – борода, повыше – усы. Палка с двумя горячими концами. Посмотрим, сумеем ли мы схватиться за середину?

Слава Богу! Не обидев и не разозлив его, от Пасу мы избавились. Посмотрим, какой будет финал? Если бы Пасу знал действительное наше положение, он бы давно бросил нас и избавился бы таким образом от невыносимых условий путешествия в Тифлис. Однако, этот несчастный горец, оставшись вне чести составить нам кампанию в походе, был сильно расстроен!

КЛЯТВА ВЕРНОСТИ И БРАТСТВА

Сегодня вроде бы настал конец нашим тревожным дням. Байду, Хамзет и Юмит – эти трое патриотов и храбрецов, чеченцы, готовые отдать свои жизни и добро за независимость Северного Кавказа, поклялись, положив руку на святой Коран, что будут добросовестно сотрудничать с нами. После церемонии присяги мы обнялись. Это – традиционная и национальная по форме наша преданность вере. Для нас большое достижение, что среди горцев-чеченцев, преданных нашей идее, мы и на Западной стороне Кавказских гор подготовили еще один плацдарм для работы. Самая маленькая удача нас радует и избавляет от пережитых трудностей. Надеемся, что постепенно в один прекрасный день удача покажет нам свое красивое лицо. И этот угнетенный, искренний народ избавится от угнетения и вражеского ига. Сильное желание и несгибаемая решимость пусть всегда будут нашими спутниками!

Из Назрани прибыли Абубекир Плиев и его шури с двумя всадниками. Это тоже нам повод для радости. Сейчас мы остались с всадниками, которым Бениху ходжа поручит сопровождать нас. С их появлением у нас не остается других дел, кроме как сразу выйти в дорогу.

Мы решили двинуться завтра. Девять наших товарищей готовы в дорогу. Наши сердца наполняет надежда. Успокаивает то, что эти молодые, красивые и крепкие рыцари, сжав руками рукоятки своих кинжалов, озабоченно и серьезно сидят напротив нас. Спасение этой яркой, героической нации для нас не только национальный и религиозный, но и человеческий долг.

Шурин Абубекира из Владикавказа привез такие новости:

1. Турция остается в своих старых границах.

2. Между Грузией и большевиками подписан Договор о мире.

3. В Баку началось забастовочное движение против большевиков, так как большевики, не поддержав бакинское правительство даже как «так называемое», захватили его.

4. Большевики у ингушей начали искать золото и серебро. Драгоценности и все домашние вещи, которые нравились им, насильно отбирают. Обозленные ингуши тоже готовы выступить против Красной Армии.

Даже, если в правдивости этих новостей есть какие-либо сомнения, самое главное то, что Турция остается в пределах своих старых границ. Это обрадовало. А то, что Азербайджан ждала именно такая судьба, и так было ясно, ибо азербайджанцы полностью растеряли боевой и героический характер турецкой нации, превратились в нацию, довольствующуюся торговлей мыслями. Говоря о грузинах: «История состоит из повторений», они повторили общие правила. Ведь последний царь старого грузинского государства Жоржи (Георгий), не проявив никакой силы, оставив русской армии народ и царство, совершил этим поступок, не подобающий патриоту. И нынешние правители тоже, кроме как подражать старым и последнему царю, ничего полезного показать не смогли.

Притеснения ингушей Красной Армией, связанные с поиском в их домах золота и серебра, благоприятная ситуация для оказания сопротивления. Посмотрим, что покажут события?

Мы находимся на одном из хуторов Иалхарви. Пасу мы погладили, подсластили и избавились от него. Что ему наши друзья пообещали, не могу сказать. В любом случае, эти обещания настолько были сильны, что Пасу с удовольствием отказался от почета быть нашим проводником и ушел.

В эту ночь мы гостим у Бениху. О многом договорились с ним. Завтра мы выходим в путь. Этот хутор, состоящий из пяти домов, я назову пастбищем. Расположен он в самом диком месте – в долине, опоясанной тремя ущельями,

тремя скалистыми и отвесными вершинами. Одно из ущелий ведет в долину Терека, другое – в Грузию, третье – в Дагестан.

Отвесные склоны полностью заполнены пещерами древних веков. Отчетливо видно, что в доисторический период эти места были густо заселены. Нельзя не удивляться тому, как русским удалось захватить эти укрепления, защищаемые природой. Сегодня уже нет возможности оказывать сопротивление боевым порядкам и интригам цивилизации, а также уничтожающей силе боевых средств.

4 ИЮНЯ 1920 года (1336 г.)

Теплое летнее солнце своими лучами осветило окно нашей уютной, чистой комнаты, и я проснулся. Открыл двери, чтобы выйти на улицу, и увидел двух страшных собак, стоящих перед нашими дверями, будто в ожидании своей очереди на дежурство. Я двинулся назад. В Ведино вооруженные горцы до самого утра охраняли нас у дверей. А здесь эту службу несут крупные пастушеские собаки. Чем выходить на улицу по одному, мы решили выйти все вместе и под охраной проводников. После того, как мы умылись и помылись, выполнили все естественные потребности во дворе дома, стали ждать своих товарищей и свои вещи.

Этот маленький домик Бениху ходжи, а точнее, опиумокурильня, очень походил на орлиное гнездо. Дом расположен в ущелье высокой вершины, ущелье ведет на север к Тереку.

Сидя на зеленой и свежей лужайке, смотрю на змееобразно простирающееся глубокое и узкое ущелье, на пещеры напротив меня.

Я верю, что эти места когда-то были заполнены горнокавказскими великанами. Интересно, являются ли наши современники внуками тех, кто выдолбил пещеры на склонах скал и был их первыми обитателями? Не знаю.

Известно то, что первые убежища кочевников, идущих с караванами, были здесь. И мы, чтобы спастись от преследования большевиков, единственный выход нашли в этих убежищах. Посмотрим, с чем нам придется еще знакомиться. Честно говоря, мне приятно возвращаться среди живых памятников истории. Этому чуду начинают завидовать. Понятно, что это мое чувство рождается от внешнего великолепия и величия природы.

Наши проводники пришли с запасными конями. Значит, мы расстаемся с этим первобытным краем, с мужественным, гостеприимным местом. Ох, эти местные, совсем недавно переселившиеся из пещер люди, я сердечно привязался к ним – серьезным, чудесным, почти обезумел от них. Разговор на сложном, но слаженно-гармоничном чеченском языке я воспринимаю как музыкальную мелодию. Не хочу разлучаться.

Утром, в 7.30, вышли в дорогу. В 1.30 прибыли в Акку. Несмотря на то, что мы не хотели отдыхать, нас насильно пригласили на обед. На столе перед нами в медном блюде лежало что-то величиной с яблоко, и такое же круглое, цвета между черным и бордовым кофе. Я моментально решил, что эта халва, сделанная из муки и сахара, которую я столько времени в глаза не видел, и по которой сильно соскучился. Одну штуку схватил и положил в рот. Боже мой, что это такое? Браво тому, кто это знает! Тесто, приготовленное из ржаной муки, политое маслом и сварено в топленом масле. Это точно первобытное блюдо для первобытного общества! А нашему желудку это переварить невозможно! Мои дорогие друзья понимающе посмотрели на мое разочарование. «Проглотил ты халву?», – хотели они сказать. Как верблюды, проглотили мы по одному куску и поднялись.

В этом виноваты мы. Когда мы сказали, что не можем остаться на обед, что мы хотим продолжить свою дорогу, они на скорую руку приготовили нам горский обед. А если

бы мы остались, нам бы наверняка порезали барашка и угостили бы им. Этот случай с обедом очень долго был поводом для шуток и смеха между нами и отвлекал нас от тяжести дороги.

Несколько слов о знаках на гробницах, с которыми я встретился, когда мы проходили Акку. Эти знаки очень распространены и у черкесов. Думаю, что это семейный герб. На Кавказе на овец, и, особенно, на лошадей, каждая семья наносит свой знак. Я даже хорошо помню наше тавро на лошади и на овцах тоже.

Не знаю, знаки на гробницах – это отличительные знаки различных семей или же просто первобытные надписи? Как было бы хорошо иметь время и возможности для исследований.

У абхазцев есть одна поговорка «Ар ушьтоума?», т.е. «Армия за тобой гонится, что ли?» Скажу вам с сожалением, мы точно в таком положении были. За нами, действительно, армия гналась. Не было никакой возможности изучить научные и исторические предметы. Непрерывная усталость в течение восьми-девяти месяцев, безрезультативность, сплошные недомогания, разочарования, бессонница – все это морально надломило нас, подавило настроение. В этой обстановке даже жаловаться друг другу было невозможно.

В час дня мы попали под град с дождем. Слава моей бурке, человек чувствует себя в ней будто в шатре. Она защищает от дождя, снега, града. Мы почти застрахованы от небесных бедствий.

ПОХОЙ

В 9.30 мы прибыли в Похой. Деревушка, в которой нижние этажи средневековых крепостей используются как жилище. Здесь тоже каждый дом – своя крепость.

Каждая семья, запирая крепость, защищает себя и деревню от набегов.

Мы тоже провели ночь в одной из таких крепостей. В чистой и теплой комнате нижнего этажа крепости мы отдохнули. По традиции зарезали барашка, нас угостили. В одной большой деревянной кружке подали бульон. Каждый из нас по очереди из этой посуды для сохранения здоровья выпил бульон.

Долина, которую мы только что прошли, должно быть, в средние века была очень густо населена, судя по числу крепостей. В этих крепостях и сегодня живут люди.

Проходя через Похой, я обратил внимание на брошенные кладбища. Они представляют собой четыре угла и одну комнату, одноэтажные. Я заглянул в окошко одной такой могилы. Она была заполнена множеством останков, кусками одежды и обломками досок. В другой могиле из остатков одежды доносился неприятный запах. Значит, когда-то хоронили покойников в одежде. В этой могиле имелось подобие железного гроба, в связи с этим нужно полагать, что могила относится к очень далекому времени. По сведениям наших проводников, знатных людей вместе с одеждой клали в гроб, заталкивая через окошко внутрь, и оставляли там. Потом от такой традиции отказались, закрыли окошки, выполнявшие функции дверей, и знатных людей тоже стали предавать земле.

Эти кладбища разделены на три части:

1 – Общие кладбища, принадлежащие всем. Достаточно большие сооружения.

2 – Семейные кладбища, сделанные более скромно.

3 – Персональные, приведенные в порядок, и прочные.

В определенные дни люди ходят на кладбище, молятся. Значит, уважение к духам отцов по традиции продолжается. После распространения ислама от этих традиций отказались. Между тем, в Турции, в Анатолии, до сих пор духовные

лица надеются спастись от болезней и найти исцеление подобным образом.

В 7 часов мы пришли в еще одно село, заполненное развалинами крепостей, приводящих в ужас человека. Это место близко к границе Грузии и к ущелью Дарьяла. Находится оно у подножия горы Малый Казбек. Хозяин дома, где мы остановились, почтенный и строгий человек. Его действия не произвели на нас хорошее впечатление. Мы немного растерялись и в этом состоянии совершили намаз без аптеса (омовение), как будто мы уже сделали аптес. Предать нас – вопреки традициям гостеприимства. Но то, что он с рождения не был равным человеком, нас заставляло колебаться и сомневаться. Но то, что наши волнения были напрасны, потом подтвердилось его гостеприимством. Но все-таки он вынудил нас совершить намаз без омовения!

Хозяин нам объяснил, что покинутые могилы, которые мы видели в окрестностях села, когда-то выполняли функции храма, свидетельствовали об уважительном отношении к духам предков. Затем он сообщил нам, что со времени распространения мусульманства в этом крае прошло только полвека. Если христианство стремилось стать всеобщей религией, стремилось к независимости, оно все равно больших результатов не достигло. А мусульманство распространилось очень легко. Он объяснил, что церковь, построенную русскими, он, будучи в молодом возрасте, взорвал, и по этому поводу был обвинен и сослан в Сибирь, потом, найдя какую-то возможность, сбежал! Один ходжа, связанный с сектой Накшибенди, прибыл в этот район и успешно распространял мусульманство. Короче говоря, вместо христианства, которое насильно распространялось, и к которому народ относился с презрением, очень легко распространилось мусульманство, и народ его принял с огромным удовольствием.

Это село, в котором мы находимся, расположено у подножия ледников на северной границе Грузии. Мы смотрим

на белые вершины, смешавшиеся с голубым небом гор. Мы на своем языке спрашиваем друг друга: «сумеет ли найти проход?» В любом случае мы вынуждены карабкаться в эти горы. Другого пути и выхода нет. Однако, что будет с нашими мужественными конями? Сумеет ли их перевести через эти горы? Сомневаемся, но будем пытаться. По существу, уже несколько дней как не они нас тащат, а мы – их. Уже два дня коня веду я, а сам иду пешком. Сегодня мы должны пешком преодолеть гору Казбек.

Здесь много ледников. 8-10-километровая площадь, вся покрытая ледником, ослепляет наши глаза. Мы сейчас находимся в нижней части самой высокой вершины Кавказских гор, т.е. 5000-метровый Казбек – напротив нас. Дарьяльский проход – на востоке от нас. На 2300-метровой высоте проход между севером и югом, т.е. между Владикавказом и Тифлисом, захватили большевики. Значит, мы должны со своими лошадьми преодолеть проход на 3500-метровой высоте восточнее Малого Казбека. Посмотрим...

С запада на восток тянется высокая стена, а точнее Великая Китайская стена. За минувшие годы и из-за ее непроходимости все здесь стало диким. Для многих племен эта стена превратилась в места их убежища. Какие необходимы причины, чтобы одно племя с места своего проживания, не задумываясь, совершило бы переход в другое место. Вершины, которые возвышаются над Кавказскими горами, мне напоминают амбразуры Китайской стены, которые встречаются через каждые 200 шагов. Между ними есть различие, одно – природное, другое сделано руками человека.

В 5.30 утра мы направились прямо к ледникам. Чтобы добраться до площадки, покрытой снегом, нужно идти 8-10 часов. В 13.30 мы подошли к снежному району. Вслед за проводниками идем прямо к вершине ледников, лошадей ведем за уздцы.

ХЕЗИМЕТ

После 10-часового изнурительного похода мы, практически, остаемся на месте. Идти в другую сторону не было никакой возможности. Наши проводники тоже растерялись. Не нашли дорогу в проход. Появилась опасность провалиться в белые и глубокие пропасти ледников или же остаться захороненными в снежной чаше. Мы вынуждены вернуться назад. Лошадей без уздечек свободно отпустили. Бедняги, они раньше нас бросились к зеленому полю и водопою. Мы тоже, сильно вспотев, спустились со склона, куда с таким трудом поднялись. Полоса слияния белых и зеленых полей смотрится очень красиво. Как приятно возвращение из мертвой зоны в точку спасения, и какая прелесть спускаться вниз! Мы почти бегом спускаемся, будто бы, добравшись до изумрудной площадки, сразу забудем разочарование свое, полученное от первой неудачи и усталости. С моего лба льется пот величиной с зерна сои. В первую же встретившуюся мне холодную, как лед, и прозрачную воду я окунул свое лицо. Напился вволю. Жажду и усталость преодолел. До конца своей жизни не забуду вкус этой чудесной воды. Если человек, вспотевший так сильно как я, выпьет такую холодную воду, он наверняка умрет. Между тем, я даже маленького недомогания не почувствовал. Мы вволю пили воду, а лошади вволю щипали траву.

Беркок-бей со своей армейской закалкой и молодостью поднялся на вершину, которая находилась южнее той, на которую мы не смогли подняться. В окрестностях он стал искать какой-то след. Но скажу с сожалением, этот его труд тоже оказался напрасным. Он вернулся как виноватый в чем-то, как пострадавший. Невозможно не восторгаться гигантской силе Беркока, тому, как он без усталости может ходить! Стало темнеть, и мы оказались вынужденными ноче-

вать здесь. Однако где? Если говорить чистую правду, лучше получить большевистскую пулю в лоб, чем те муки, которые пережили мы сегодня.

Мы решили устроить ночлег у подножья ледника в траншее. Проводники разрешили нам развести костер, но с условием, чтобы пламени не было видно. Мы разожгли костер, разместились вокруг. «Ох, – говорю я, – если бы не чувство страха, я бы развел костер из костей старых огнепоклонников Кавказа. Пусть даже частично, но растопил бы ледник!». При наличии такого количества дров, не разжечь костер, у которого мы могли бы полностью согреться, мне было обидно также, как и возвращение с ледников. После утоления жажды и голода кукурузной лепешкой, преодоления бурчания в желудке, я укутался буркой и растянулся. Это было мало похоже на сон.

Часть наших бесстрашных проводников пойдет к одному из жителей хутора. Они должны найти проводников, которые знают, как пройти ледники, и привести их к нам. С началом темноты проводники ушли. Точно перед рассветом они вернулись с двумя проводниками. Ровно в четыре часа мы опять стали карабкаться на тот перевал, с которого возвратились. Впереди шли наши новые проводники, за ними – наши старые проводники, позади них идем мы, лошадей ведем за уздцы. Двигаемся все в одну линию, шагая след в след за проводниками, поднимаемся на вершину. Порою от сильной усталости цепляюсь за хвост своего коня. Бедняга, у него не хватает сил, чтобы нести себя. Отдохнув только одну ночь и пощипав немного зеленой травы, он тащит меня. Пройдя немного, конь останавливается. Я тоже не отпускаю хвост. Проводники, не знающие усталости, задевают меня, называя «старинной».

Ровно в 12 часов, т.е. после 8-часового похода, мы достигли высоты на уровне 10.500 метров. Преодолев первую ступень, мы достигли своей цели. В 14.30 поднялись на

площадь, являющуюся самой высокой вершиной и второй ступенью. После десяти с половиной часов безостановочного похода, без сил, мы оказались огражденными от большевистской опасности и ледников. На этих ледниках порой бывают такие метели и бураны, что путешественники оказываются погребенными под снежным покровом. По этой причине наши проводники никак не дают нам отдохнуть в пути 5-10 минут. Частенько они внимательно смотрят на горизонт, изучают, есть ли какие-либо признаки метели. К тому же, после первой ступени, от бессилия нам захотелось отдохнуть на белом и вечном снегу. Обратив внимание на маленькое облако, обнаруженное в западном направлении, проводники нам не разрешили отдыхать более двух минут. И, действительно, когда мы поднялись на высоту 3.500 метров, попали под град. К счастью, град был мелким, он скоро перестал идти, а сзади нас грело такое солнце, что почти слепило глаза – ледник как зеркало отражал солнечные лучи, и они как иглы вонзались в наши глаза. В это время глаза Азиз-бея стали наливаться кровью, ему стало тяжело дышать, поднялось давление. Мы оказались перед серьезной опасностью. Боязнь потерять дорогого друга давила нас всех изнутри. Временами подавали ему глоточек воды, которую мы собрали в баклажках, забрасывая туда кусочки снега. Потихоньку продолжали свою дорогу.

Слава Богу, что после преодоления вершины Азиз-бей пришел в себя. И мы тоже глубоко вздохнули. У некоторых есть такая болезнь – влияние высоты. По-видимому, у Азиз-бея она есть.

Теперь мы на самой вершине. Зеленая панорама грузинских долин наполняет наши сердца надеждой и спокойствием. Подножие вершины, на которой мы находимся, все в зелени. Отары овец, которые мы видим вдаль, означают, что жизнь продолжается и спасение есть. На западе, с высоты 1.000 метров, мы наблюдаем Дарьяльское ущелье. Высо-

та его 2.300 метров. И мы смотрим на это ущелье, которое сначала не дало нам прохода, как победители. Этот проход, ставший источником всех наших бед, единственный проход между Северным и Южным Кавказом. Мы этому узкому и глубокому проходу говорим: «Как же ты так, не дал нам дорогу, однако мы тебя покорили!»

Напротив нас – Большой Казбек, высотой 5.000 метров. Самая высокая вершина – Эльбрус, божественная, покрытая вечными снегами, клинообразно врезающаяся в небо, возвышающаяся своей гигантской величиной в космическом пространстве. Мы решили, что своих коней переведем через ледники, доставим их в Грузию, а там дорого или дешево продадим, соберем деньги на дорожные расходы от Дарьяла до Тифлиса. А хозяев коней, если не успеем отблагодарить сейчас, то сделаем это на том свете. Коней подняли на высоту 10.500 метров.

В этих диких и суровых горах, разделенных сложными проходами Кавказа, человеку для собственного удовольствия путешествовать, должно быть, очень соблазнительно.

На вторую ступень коней поднимать не представлялось возможным. Передав их одному из наших проводников, отправили его назад. Кто знает, с какой радостью спускались вниз эти божественные создания, как они бросились на зеленую траву и водопой, которые они оставили еще утром и по которым скучали.

ЗАЛПОВЫЙ ОГОНЬ В ГОРАХ

Поднявшись на вершину, мы присели отдохнуть на камнях на южном склоне Казбека. Осматривая зеленые луга и отары овец, мы потихоньку приходили в себя. После короткого отдыха несколько проводников поднялись и пошли посмотреть, как нам двигаться дальше. Их уже не

было видно за поворотом дороги. Только собрались подняться и мы, как услышали выстрелы. Среди наших проводников был один чудаковатый Ахмедов, но очень меткий стрелок. Я предположил, что на него опять напала охотничья жилка, и он стреляет по коршунам. Время ли сейчас для этого? Но в этот момент пули стали ложиться совсем рядом с нами. Стало ясно: цель – мы, стреляют по нам. Слава Богу, что пули летят издалека, не попадая в цель. Однако откуда они летят?

Кто же покушается на нас, когда мы почти вышли к точке спасения? Кто наш враг? Неужели Красная Армия, которая контролирует ущелье Дарьяла, получила сообщение о нас, и теперь в ледниках охотится за нами, перерезая нам путь? Не успели мы обсудить все это, как вопрос прояснился. Грузины, которые внизу охраняют границу и одновременно пасут скот, решили, что чеченцы собираются устроить набег. Прежде всего, стреляли по нашим проводникам, но как только те окопались, под прицел взяли нас. Хорошо, что мы успели сориентироваться и, растянувшись на земле, спасли себя. Как нам избавиться от этой беды? Как им объяснить наше положение? До того, пока мы им объясним все, они нас расстреляют. Что же делать? Придумали. На палки, с помощью которых мы карабкались на перевал, привязали по одному платку, начали размахивать, прекратите, мол, огонь. Пастухи поняли наше предложение, прекратили стрельбу, в ответ тоже стали махать платками. Воспользовавшись этим прекращением огня, проводники вернулись назад, велели нам оставаться на своих местах, сами же пошли на встречу с пастухами. Мы договорились, что в зависимости от ситуации, они нам покажут знаками спускаться вниз или бежать назад. Мы остались на месте. Увидели, как наши проводники подошли к пастухам, охранявшим границу. Интересно, какой знак они нам подадут? Слава Богу, мы получили приятный сигнал, нас приглашали

вниз. Сейчас впереди идут остававшиеся с нами проводники, за ними – мы. Идем мы к людям, которые стреляли в нас, заподозрив в покушении на них. Посмотрим, как поступят с нами эти горские грузины? Как потом мы выяснили, грузины были правы, что начали обстреливать нас. Уже было не раз, что в сезон, когда ледники открывают дорогу в Грузию, горские чеченцы устраивают набеги, и все, что попадает им в руки – мелкий и крупный скот, угоняют. Пастухи, решив, что это опять подобная ситуация, сразу же сообщили об этом во все посты района и открыли огонь. Как бы там ни было, но эта опасность была предотвращена.

После небольшого спора с пограничниками, к которым мы подошли, они у нас отобрали проводников и наше оружие. К нам тоже они отнеслись как к пленным. Вооруженные охранники поставили нас вперед, единственное, что они не сделали, – не связали нам руки. Они сдали нас в первый же грузинский пост в ущелье Дарьяла. Здесь, после небольшого допроса, отобрали у нас наши пистолеты тоже. Мы не дали им знать, что являемся турками. Сказали, что мы горцы и убегаем от преследования большевиков. Ситуацию здесь спас Азиз-бей. На ночь нас уложили в армейской палатке. Разместились кое-как на свободных армейских кроватях. Спали до самого утра. Утром вместе с солдатами нас тоже угостили чаем. Ранним утром 8 июня нас освободили. Мы пошли в гостиницу «Европейскую», что в Казбеке. Ох! Как глубоко мы вздохнули! Однако путь от палатки до гостиницы нас достаточно изнурил. В этой гостинице мы будем отдыхать один день. 16-часовой пеший переход оставил нас без сил. Если бы даже мне приснилось, что у меня появилась сила, которая мне позволит с вершины Казбека пойти пешком, никогда бы этому не поверил. Нет живой точки на теле, что ни тронь, все болит. Слава Богу, что я не болен, а просто обессилен. Не хватает даже сил, чтобы хоть что-нибудь записать в свою записную книжку. Ощущаю острую

необходимость в долгом отдыхе. Эти древние горцы, в течение полувека гнувшие спины перед вражеским народом, одурманенные опиумом шейхов Накишбенди, которые насаждают больше мыслей о загробном мире, чем о реальной жизни, оценят ли они когда-нибудь нашу безответную, искреннюю самоотверженность? Если не смогут, пусть не оценят. Но эту самоотверженность мы считаем своим долгом. Если даже не сможем выполнить этот свой долг, то чувство долга порождает силу, которая успокаивает нашу совесть. Этого достаточно.

Сейчас думаем о том, какой нужно найти выход, чтобы поехать в Тифлис. На чем? Слава Богу, выход тоже нашли. Хлопоты, которые выпали на долю Азиз-бея, не легче тех, что он пережил в дороге. Сложности, создаваемые нам грузинами, были бесконечны. Объяснять все им и пришлось Азиз-бею. Встречая все тяготы без лишнего шума, спокойно принимая все преграды, чинимые его дальновидным действиям, Азиз-бей находил пути выхода из самых сложных положений. Сдав в залог все, чем мы располагали, наняли грузовик, который должен доставить нас в Тифлис. Шофер, по прибытии в Тифлис, вернет нам наши вещи, и мы заплатим ему за труд. Здесь нам очень пригодились мои мелкие вещи.

ТРАНЗИТОМ В ТИФЛИС

С 6 июня наши продукты состояли из воды и сухой кукурузной лепешки. Кукурузный хлеб, который я не брал в рот в течение 5 лет войны, оставил мой язык в ранах. Ночь мы провели в благоустроенном и спокойном номере гостиницы станции Пасанаури. Мягкая и чистая постель, обед из яичницы и чая вернули нам желание жить. 10 июня. После завтрака мы готовы выйти в путь. Азиз-бей, мягкий, терпеливый, спокойный, без лишнего шума, от ха-

рактера которого я всегда был в восторге, вот уже второй день сильно нервничает. Такое его состояние меня тоже расстраивает. Вообще, усталость, тяжесть нашей политической и личной жизни сделали всех нас нервными. Если наше такое состояние сумеет разрушить отношения между нами, наше единство и наш союз, то я не представляю, каково будет наше положение? Единство цели нас собрало с разных сторон, объединило, и нам необходимо до самого конца быть терпимыми друг к другу, уметь без обиды преодолевать возникающие между нами мелкие недоразумения, уметь уступать друг другу и прощать.

В 4 часа на автомобиле мы двинулись в путь. Панорама очень красивая и величественная. По пути мы заглянули в минеральный источник Боржом. В полупустые свои желудки мы пропустили по стакану воды. По всей вероятности, мы поступили неправильно. Поскольку нам нужно было выпить воду, не вызывающую аппетит, а наоборот, прекращающую его. В пути наша машина остановилась у одного моста. Нас стали допрашивать. Опять мы столкнулись с тысячей и одной проблемой. Грузинская полиция и здесь показала свою дерзость. Опять вся тяжесть легла на Азиз-бея. Да будет благодарность Аллаху, здесь он тоже нас спас. Нас он спас, но было ясно, что он тоже отличал белое от черного. Хвала Аллаху, вечером мы прибыли в Тифлис.

В Тифлисе находимся в новой гостинице. В цивилизованном городе даже отравленный воздух создает человеку хорошее настроение. В тот вечер в Тифлисе мы получили такие новости.

1. Мирные переговоры с Турцией еще не завершились. Условия мира были настолько тяжелыми, что правительство Мустафы Кемалю их не приняло. Анатолийское правительство выступает против Англии.

2. Большевики сожгли Гянджу, расстреляли 16.000 мусульман.

3. На месте Бакинского правительства гуляет ветер. Власть полностью перешла в руки большевиков.

4. Национальная турецкая армия стала союзником большевиков. Оказывается, они одного поля ягоды.

То, что Азербайджан ждет такая же участь – известно. Ситуация показывает, что и Грузию тоже ждет аналогичная судьба.

Одним словом, оба правительства не смогли оценить и тысячной доли тех политических возможностей, которые преподнесла им судьба. Они не смогли оценить по достоинству благоприятный случай, который представился им. Азербайджан, Грузия и Северный Кавказ решили, что Россия будет занята своими делами, и вместо того, чтобы объединить силы против России, каждая республика занялась захватом земель: Азербайджан решил захватить Дагестан, Грузия – Абхазию, а в это время на их головы обрушилась русская сила и раздавила их как лавина. Не забуду никогда, во время моего нахождения в Дагестане распространился слух о том, что азербайджанцы собираются оккупировать Закатальский округ. Услышав об этом, горцы стали негодовать и заявили, что если азербайджанцы, которые кроме как заниматься торговлей больше ничего не умеют делать, захватят Дагестан, то они будут биться до последнего человека и никогда не отдадут Дагестан азербайджанцам.

Не забуду никогда еще и такой случай: когда я следовал поездом из Грузии в Азербайджан, в поезде грузинские солдаты пели песни. Песни были очень захватывающие, поэтому я обратил на них внимание. Я спросил сидящего рядом со мной проводника, о чем эта песня. И что бы вы хотели услышать? Это была песня о завоевании грузинами нашего Трабзонского округа. Боже упаси, какая фантазия! Увлекаясь подобными фантазиями, мечтая о несбыточном, они упустили золотое руно, которое было у них в руках, и на свою шею надели рабское ярмо.

Не имея в кармане ни гроша, живу в великолепной гостинице. Комната моя со всех сторон освещена электричеством. Эта гостиница и моя комната мне хорошо растолковывают, почему кавказская интеллигенция без интереса, равнодушно относится к судьбе своей родины. Молодежь, которая покинув эту цивилизованную среду, даже в рамках переходного периода лишенная всего, возвращается среди суровых гор, живет, подвергая свою жизнь опасности, не видит в этой среде никакой пользы. Та же часть молодежи, которая выросла под влиянием русской культуры и жила в аристократической среде, – молодые интеллигенты – не желают переживать трудности, которые мы пережили, подвергаться тем опасностям, которым мы подвергаемся. Между тем, для революционеров и мятежников, не является ли самым главным лозунгом способность выдерживать лишения, грудью встречать опасности? Сидеть в роскошном номере отличной гостиницы цивилизованного города и рассуждать о политике – это последующие дела, это уже признак победы. Закон сабли: «Прежде труд – потом благо!»

Что касается нашей горской молодежи, то она поставила себя в такое положение, когда хочет пожинать благо без труда, так и действует.

Мы поужинали в опрятном ресторане гостиницы. У меня поднялось настроение. А в кармане-то нет ни гроша, чтобы после прекрасного ужина выкурить сигарету. Как говорил мой отец: «Слепой пожелал изысканное». Если закажу пачку сигарет, швейцар тут же принесет. Делегат Чеченистана, гость Северокавказского правительства пожелал сигареты. И ему откажут что ли? Ну а если подадут сигареты за деньги? Что делать? Не лучше ли отказаться от сигареты? Нужно смириться...

После ужина я сел на террасе гостиницы. В голову приходят мысли: как мы осилим взятую на себя тяжелую обязанность? Каково будет положение наших товарищей-

единоверцев, соотечественников, которых мы оставили в Дарге? Как мы обеспечим возвращение проводников, доставивших нас сюда и проявивших неимоверную самоотверженность? Думаю отдельно о каждом из них. О политических событиях осмысливаю такие предложения:

1. Сможем ли мы воспользоваться пока еще свободной Грузией?

2. Сможем ли мы получить какую-нибудь пользу от разбросанных сил азербайджанцев?

3. Возможно ли получить помощь от правительств государств, отделившихся от России и ведущих борьбу за свою независимость?

4. Не можем ли мы от какого-либо правителя получить помощь?

Думаю над этими и многими подобными вопросами. В конце концов, сможет ли правительство Северного Кавказа в пределах своих собственных границ образовать независимое Советское государство? Я во власти многих мыслей, заслуживающих обсуждения.

12 ИЮНЯ 1920 ГОДА

Османские деньги, которые были у наших товарищей, мы обменяли на грузинские и расплатились с шофером. Заложенные вещи получили обратно. В ресторане этой гостиницы кушать не будем. Потому что это дорого нам обойдется. Объединив обед и ужин, пойдем к одному персидскому повару, за углом. Таким образом, за счет одного усиленного обеда мы проведем 24 часа, и в подарок к этому поедем дешево. А на завтра? Бог милостив!

На расстоянии одного часа от нашей гостиницы, недалеко от города, за одну тысячу грузинских рублей поели четыре человека. Обед с мясом, с пловом. Нам этого доста-

точно до завтра, до полдника. Вечером к нам пришел министр иностранных дел Северного Кавказа Хайдар Бамат. Просветив о нашем общем деле, ушел, чтобы завтра вновь встретиться с нами.

13 ИЮНЯ 1920 ГОДА

Два бардака (стаканчика) чая и по одному кусочку хлеба – из этого состоял весь наш завтрак. Здесь неприлично говорить слово «бардак», надо – «истекан» (бардак по-турецки стакан – **В. А.**). Пока привык мой язык, наговорил кучу глупостей.

Вчера Хайдар Бамат обратился к представителю Франции. Сегодня в час дня идем к нему, будем говорить с ним.

В назначенное время Хайдар Бамат, я, Беркок и Азиз пошли к представителю Франции. Хайдар и Азиз рассказали о положении на Севере, высказали свои пожелания. Попросили помощи. Беседа длилась полчаса. Назад возвращались мы с надеждой, что наши пожелания приняты хорошо. Посмотрим, что покажут завтра события. Какую форму приобретет общее положение?

Даже если кавказцы и хотя, отделившись от России, жить независимо, вероятнее всего, образование Кавказского мусульманского государства не по душе русским.

Опять объединив обед с ужином, поели во вчерашней столовой. Вечером на террасе гостиницы я закурил сигарету, по которой очень соскучился. В салоне гостиницы оркестр струнных инструментов таинственно пронизывает звуками воздух. Чувствую себя так, будто вся моя усталость прошла. В то же время болят пятки. Беркок-бей и Азиз-бей редактируют ноту, которую завтра должны передать представителю Франции.

Невыносимая жара. 40-градусная температура после ледников на меня очень сильно действует. Четырехмесяч-

ное мое путешествие прошло среди невероятных трудностей и опасностей, но ни одного дня я не болел. Однако, находясь в этом цивилизованном городе, в момент, когда я получил возможность отдохнуть, похоже, что я заболел. Ломит все тело, совершенно обессиленное состояние.

14 ИЮНЯ 1920 года

Азиз-бей пошел печатать ноту, которая готовилась ночью. Сегодня нота будет вручена представителю Франции. Основные пункты ноты таковы: деньги, военное снаряжение и материалы.

Посмотрим, как все это завершится. Если все будет согласовано с представителем, мы опять вернемся в свои горы и будем воевать с большевиками. На этот раз не большевики будут искать нас, а мы их.

15 ИЮНЯ 1920 года

Мы перевели на французский язык повестку дня съезда, доверенность и полномочия выданные нам.

Эти документы передадут представителю Франции, который обещал нам помощь. После обеда Азиз-бей и Беркок-бей при посредничестве Хайдара Бамата пошли к представителю Франции и передали ему документы. Будем ждать результата. Свои обед и ужин мы заменили чаем и хлебом. Самая большая наша проблема – это возвращение назад наших проводников. Им не следует знать о нашем тяжелом положении. Проводники думают, что мы располагаем какой-то силой. Если бы они знали о нашей нищете, о нашем одиночестве, кто знает, насколько бы они расстроились, насколько бы они сожалели о

той беззаветной самоотверженности, с которой относились к нам. Я верю, что теперь у меня нет никаких дел в Тифлисе. Если будет у меня такая возможность, поеду прямо в Сухум. О своих желаниях я рассказал дорогим моим товарищам. Они мне ответили, что относятся к ним с пониманием. Сейчас дело за деньгами. Последняя надежда – это Хайдар Бамат. Если бы они выделили нам десятую часть того, что получают из Турции, то мы бы ушли от этой опасности. Однако падение Азербайджана, анархия в Грузии осушили источники их доходов. Что будет с нами в этой ситуации? С неба-то на блюдечке ничто не спустится к нам!

Город заполнен патриотами, стекающимися сюда с Севера и из Азербайджана. Город стал приобретать вид города, находящегося на осадном положении. Вооруженные грузинские солдаты выполняют функции полицейских. Задерживают всех, кто с оружием, и отбирают его.

Случай, который я видел сам, подтвердил, как важны мероприятия, которые они проводят. Солдат, выполнявший функции полицейского, задержал одного гражданина с пистолетом. Потребовал у него пистолет. Хозяин пистолета не отдает. Между ними начался серьезный скандал на грузинском языке. Солдат тут же взвел курок своего маузера и приставил к груди гражданина. Я со страхом ждал, что вот-вот раздастся выстрел. Дай Бог здоровья гражданину, он понял насколько серьезно дело и отдал пистолет. Я тоже вздохнул с облегчением.

Желание уехать внесло раскол в отношения моих друзей. Они поняли, что своей политической деятельностью никакую пользу никому не принесут. Посмотрим, какой будет конец.

Вдруг появилось сообщение в газете, которая обеспечивает правовую защиту Северного Кавказа. Оно сделано на основании публикации в другой газете, пользующейся

доверием большевиков. В сообщении говорилось: имам Хаджи Мухамед, заменивший Узуна Хаджи, потребовал от большевиков накопившуюся зарплату для солдат, которые вели пассивную войну, не оплаченную покойным Узуном Хаджи. Когда это предложение не приняли на вершине Каиш Курта, он объявил войну большевикам. Нет ничего более позорного и отвратительного, чем опубликовать такое сообщение в мусульманской газете, тем более в газете, защищающей независимость Кавказа. На исторической вершине Каиш Курта вражду большевикам объявили мы, и мы вынудили их без надежды покинуть эти места.

Горцы на вершине Каиш Курта не зарплату потребовали от большевиков, а независимость. Что эти права они будут защищать с оружием в руках и своей кровью, они открыто заявили большевистским делегатам. Я не сомневаюсь в том, что о событии в Каиш Курте издатель мусульманской газеты должен был хорошо знать. Сводить этот конфликт к какой-то зарплате и деньгам вызывает у меня отвращение. Не может быть более отвратительного примера моральной низости и падения человека.

16 ИЮНЯ 1920 года

Все мое тело ломит. Со вчерашнего дня из-за страшной головной боли я весь разбит, весь в заботах. Вероятно, ходить по горам, даже в опасности и мучениях, мне больше подходило. С первого же дня прибытия в город пошатнулось мое здоровье. Нахожусь в неопределенном состоянии, без денег, это меня страшно расстраивает. Вообще, для меня здесь уже нет никаких дел, которыми я должен заниматься. Заниматься политическими делами – это конек Азиз-бея и Беркок-бея. Не мое это дело.

17 ИЮНЯ 1920 года

Азиз-бей и Беркок-бей опять заняты писаниной. О чем пишут, что чертят, я не знаю. И сами ничего не говорят. После короткой поездки на трамвае, сижу на террасе гостиницы, наблюдаю за прохожими, думаю о судьбе горцев, которых мы оставили в Дарге один на один со смертью.

18 ИЮНЯ 1920 года

Чтобы избавиться от душевной тоски, вновь совершил прогулку на трамвае. Ужинал чаем. Уже четвертый день, как весь наш обед состоит из одного-двух стаканов чая и стольких же кусков хлеба. Теперь я привык к этому и не расстраиваюсь. Лишь похудел.

Где-то около полудня я поднялся на южную высокую гору Тифлиса. Так как я уже хорошо натренирован, то поднялся туда без особого труда. Хорошо сделал, что поднялся туда. На этом голом месте, которое мне очень запомнилось, я сделал очень интересное открытие для себя. На эту гору, возвышающуюся над Тифлисом, я поднялся, чтобы посмотреть оттуда на Куру, на город, на долину. Между тем, за этой горой, т. е. на ее южных склонах, оказались необозримые поля, зелень, леса. Я увидел изумительную картину. Тифлисы, задыхающиеся от жары, чтобы подышать свежим воздухом, стекаются в эти места, известные своими речушками, лесами. А я не имел понятия об этом. Походил, обошел, проветрил. Возвращаясь обратно, поднялся и на гору тоже. На город и на Куру смотрел, как с высокой башни. Со всех концов я осмотрел город, смотрел на быстрое течение мутной Куры и восторгался. На самом деле это величественное и привлекательное зрелище. До Первой мировой войны на эту гору поднимался электротрамвай. После войны он пришел в негодность. Сейчас человек, надеющийся на свои ноги, поднимается пешком. Однако в настоящее время этим

сказочно красивым местом, цветочным садом, прохладным, свежим воздухом пользуется только определенное сословие людей. Все, кого я там видел, только из народного сословия. Это хорошо заметно по их внешнему виду.

19 ИЮНЯ 1920 года

Мы приглашены на вечерний банкет к одному из грузинских генералов Арслан-паше. Мне это доставило большое удовольствие. Мы тогда действительно соскучились по столам, которые вызывают аппетит. Не знаю, как мои товарищи, но я скучаю. Чай и сухой хлеб засушили мои кишки. Они отказались действовать. Хоть кишки мои начнут работать немного. Я тоже развеселюсь. Томительная однообразная жизнь изнурила меня. Все это снимается одним стаканом ароматного грузинского вина. Словом, надеясь, что приобрету свежую бодрость, приглашение я принял с удовольствием.

С Арслан-пашой мы почти незнакомы. Лишь один раз он нас посетил в гостинице. Поскольку мы были из Турции, а он тоже раньше бывал в Турции, он с достоинством гражданина искренне сказал нам: «Добро пожаловать!».

Приглашение совпало с первым днем праздника Рамазана. Праздник провели очень хорошо. Поели, попили, послушали красивую музыку. Паша известен в Тифлисе как озорник, кутила и гуляка. Сам он не был военным. В связи с тем, что он из грузинской знати, то после завоевания Грузией независимости, ему тоже присвоили звание генерала. Симпатичный, стройный, внешне очень интересный человек. Он умеет создать климат, при котором человек чувствует свое достоинство.

Уже позже, когда Грузию завоевали большевики, он бежал в Стамбул и таким образом спас свою жизнь. В Стамбуле ему дали работу служащего таможи. В связи с его привязанностью к алкогольным напиткам, любовным при-

ключениям, бесконечным развлечениям, он в молодом возрасте на этой должности и умер. Царство ему небесное.

А в тот день мы поздравили пашу с праздником Рамазана. Действительно, если бы не благожелательность и тактичность паши, мы бы ничего и не знали о байраме, мы бы сидели и просто молились Аллаху.

И в прошлом году праздник Рамазана я отмечал в Генене, в комнате на постоялом дворе. А ведь все святое, что содержится в байраме, проявляется лишь в семье и вокруг семьи. Уже несколько лет, как я лишен радостей, рождаемых такими счастливыми днями. Все, что связано с семьей, считаю превыше всякого наслаждения. Между тем, судьба меня оторвала от семейной жизни и бросила в круг приключений.

20 ИЮНЯ 1920 года

Ответ, который мы получили сегодня от политических деятелей, вынуждает нас ждать еще несколько дней. Но мне кажется, что ждать для нас не имеет смысла, да это и невозможно. Не от того, что страшно тоскливо, а от безделья можно задохнуться. Что делать? Чтобы преодолеть эту тоску долго ходил пешком, а затем опять совершил короткую поездку на трамвае. Более обидного и огорчительного состояния у человека не бывает, если он без денег и без дела находится в цивилизованном городе. Все еще ждем ответа от представителя Франции. Я совершил еще одну пешую прогулку. Одновременно поел порцию плова у дешевых поваров.

21 ИЮНЯ 1920 года

От представителя Франции мы не получили ожидаемого ответа. Теперь у нас не осталось никаких дел в Тифлисе. Было принято решение направиться в Анатолию.

Однако не определено в какой день. А 22, 23, 24 июня мы провели в однообразном, полубморочном ожидании...

24 ИЮНЯ 1920 года

Сегодня вечером Арслан-паша пригласил нас в кино. Мне было очень смешно там. Но мой смех не имел никакого отношения к тому, что показывали на экране. Ибо суть фильма не комедия, а горькая любовная история. Вы можете спросить: «Почему же ты смеялся?» Расскажу. Чрезмерное увлечение одного учителя работой, пренебрежительное отношение к молодой и красивой жене, и как результат – его жена начинает общаться с другим и изменяет мужу. Переводивший нам этот фильм Арслан-паша не пощадил ни учителей, ни тупости. Сидевший рядом со мной Арслан-паша подталкивал меня, подстрекал, я хохотал от души. Я думаю, что паша, в силу своего характера, не знал, кто мы такие. Азиза и меня он принял за военных, ибо учителей поносил без зазрения совести. Как бы ни было, Бог, спаси его, ведь даже, если мы и получили кучу брани, то все равно в тоскливый вечер он развеселил нас.

25 ИЮНЯ 1920 года

Сегодня Азиз и Беркок принесли 30.000 рублей. Должно быть, здесь помог Хайдар Бамат. Основным нашим делом было как можно скорее отправить наших проводников назад. Поскольку в Дарьяле командир грузинского отряда не вернул нам наше оружие, которое они отобрали у нас еще в начале, мы сказали проводникам, чтобы они вместе со своим оружием забрали и наше. Оружие и своих коней мы подарили нашим проводникам. Правда, мы не сомневались в том, что грузинский командир не от-

даст им наше оружие, но дай Бог, чтобы проводники сумели взять свое.

СТРАШНОЕ ИСПЫТАНИЕ

Находясь в Дагестане и Чеченистане, я отрастил бороду. За время этого длительного путешествия борода и волосы так переплелись, что я стал похож на шейхов Бекташа. После прибытия в Тифлис, когда у меня появилось 5-10 рублей, я сразу же пошел в термальные бани, что в исламском квартале города, и волосы, и бороду сбрил подчистую. Стал чистым и легким. Но стал походить на совершенно лысого американца. Проводники, которые увидели меня в гостинице, смотрели на меня кислым взглядом. Что-то по-чеченски друг другу сказали. Мне в лицо стали смотреть очень строго. Они с помощью переводчика спросили меня на арабском языке, умею ли я читать Коран. Я ответил утвердительно и добавил, что я хафиз. «Прочти отрывок из Ясин-Шерифа», попросили они меня.

Прочитал. Спросили о различных сурах намаза. Ответил. Затем спросили, почему я сбрил волосы на голове и бороду. Я ответил, что все это я сделал для легкости тела и чистоплотности.

Я понял, бедняги решили, что я христианский шпион. Позже подошли наши товарищи. Объяснили ситуацию. Мы убедили проводников, что мы мусульмане. Вместе с этим предупредили по-дружески, чтобы впредь такой грех они на душу не брали. Я тоже сказал им, что буду слушать их советы, и что ошибки мои вызваны на этот раз заботой о здоровье. Слава Богу, сомнения, которые родились, рассеялись. Не то они по всему Кавказу объявили бы об этом. А может, там меня и разрубили бы кинжалом.

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

30 ИЮНЯ 1920 года

Мы проводили наших проводников. Когда мы убедились, что от нашей политической деятельности не будет никакой пользы, то тоже пришли к выводу, что наше нахождение в Тифлисе не имеет никакого смысла, и решили, что нужно возвращаться в Турцию. Так мы оказались вынужденными оставить Северный Кавказ на произвол судьбы.

Так как Азербайджан был полностью оккупирован, и теперь на очереди была Грузия, то оставаться там дальше для нас было очень опасно. Отношение к сторонникам независимости в Азербайджане было настолько жестоким и кровавым, что наши волосы становились дыбом, когда мы сталкивались с фактами. Не было никакого сомнения в том, что мучения, которые ждут сторонников независимости Северного Кавказа, будут еще более страшными. Самым большим подтверждением этому является заявление лидеров большевиков, сделанное два с половиной года тому назад: «Лучше объединиться с русским Деникиным, чем объединиться против Деникина с независимым Кавказским правительством».

И поэтому большевики, вопреки всем своим обещаниям, были постоянными врагами Грузии, Азербайджана и, в особенности, Северного Кавказа. А те, отбросив все свои страсти, объединившись в мощную силу, могли бы организоваться, чтобы вести необходимую работу. К сожалению,

они этого не сделали. Они смирились с исходом своей горькой судьбы.

В погоне за такими бредовыми идеями, как захват Грузией Трабзона и Абхазии, а Азербайджаном – Дагестана, они не смогли сохранить свое родное Отечество. Какое убожество мыслей. Даже председатель Национального Меджлиса Азербайджана доктор Хасан заявил: «Лучше в Азербайджане видеть большевиков, чем Северокавказцев». Да, большевиков у себя на Родине он увидел! Но какими он их увидел? И во что это обошлось? Для того, чтобы это понять я приведу ниже письмо Хасана, написанное на имя Энвера-паши, не меняя в нем абсолютно ничего. Может быть, это письмо станет поучительным уроком для подрастающего поколения.

Его могущественному Превосходительству Энверу-паше
Тифлис, 13.VI.1920 г.

С давних времен азербайджанская печать – газета «Единение» – публикует фальшивые сведения о русских большевиках, а также различные высказывания турецких офицеров, живущих в Баку и работающих в контакте с азербайджанской знатью.

В соответствии с договором между Верховным Советом Москвы и семьями знати, армии обеих сторон, объединившись в одну, в Анатолии будут воевать против Антанты и тем самым спасут исламский мир в целом и конкретно – в Турции. Пропагандируя эти идеи, газета проводила большую работу среди азербайджанских турок. Из всех высказываний самым главным было следующее: русская армия должна пройти в Анатолию через Азербайджан и, оставив в стороне Баку, с помощью Карабаха пройти Армению и прибыть в Анатолию. Чтобы народ привык к такого рода сплетням, не имеющим под собой почвы, офицеры, о которых

шла выше речь, стали вести себя серьезнее. Халил-паша, Баха Саит, доктор Фуат, Бахаттын и другие стояли во главе этого дела. Говорили еще и о том, будто армия, которая из России должна перейти в Анатолию, состоит лишь из турецких пленных, венгров и немцев, их Главнокомандующий – Энвер-паша. Азербайджанский народ, вроде бы поверил этим сплетням, ибо распространяли их турецкие офицеры, присланные знатными семьями.

Персоны, стоявшие во главе этого дела, достигли своей цели. Вместе с тем в душах людей поселились различные сомнения, потому что многие не хотели верить русским большевикам. Их настоящие мысли и намерения были известны. Их политика, их подходы подтверждали, что население совершенно правильно думает о них. Даже большевистская печать открыто сообщала, что Россия должна вернуться к границам 1914 года. Так открыто они выдавали в публикациях свои националистические устремления.

Чем дальше, тем хуже становилась политическая ситуация в Азербайджане. Военная организация, выросшая внутри Баку за счет азербайджанских денег, управляемая офицерами, уполномоченными знатными лицами, стала принимать российских большевиков. И за очень короткое время она тоже приняла цвет большевистской организации. Когда дело пошло таким образом, то находившиеся в Баку русские и армянские добровольцы тоже стали серьезно готовить свои силы к противостоянию с государством.

В первых числах апреля, на северных границах Азербайджана, независимость которого была признана, была сосредоточена армия Российского Верховного Совета. Армия эта постепенно увеличивалась.

На вопрос нашего министра иностранных дел: «С какой целью и с каким намерением войска Верховного Совета России собираются около границ Азербайджана?», от Чичерина никакого ответа не последовало.

До этого времени со стороны Азербайджана против Российского государства не было сделано ни одного враждебного шага. Наоборот, были сделаны предложения о добрососедском сосуществовании, о заключении Договора о дружбе.

24 апреля, ночью, русская армия безо всяких причин двинулась и стала переходить северные границы Азербайджана. Азербайджанская армия, 99% личного состава которой были заняты войной в Карабахе против армянской знати и лишь 300 солдат находились на севере, не смогла оказать нужное сопротивление русской армии. Но все-таки, сопротивлялись сколько могли. Раненых и убитых с обеих сторон было много. Через два дня большевики похоронили своих убитых с большими почестями.

27 апреля, в вечернее время, русская армия столкнулась с Бакинской 15-ой патрульной группой. Как только русская армия вступила в Баку, Халил-паша и доктор Фуат встретили русских, отвлекли население от оказания им сопротивления, сказав, что русские – наши союзники. Русские войска вошли в Баку, прикрепив поверх красной повязки на рукавах белый бантик с изображением полумесяца. Но через два-три дня, как только они достигли своей цели, ленту с полумесяцем на рукаве выкинули. Пока русские войска были в Баку, находящиеся в городе русские большевики с помощью многих мусульман-большевиков, опираясь на русские штыки, предъявили ультиматум Азербайджанскому национальному Меджлису, потребовав сдать им государство. Независимость Азербайджана была признана Верховным правительством. Русские войска ни за что не войдут в Баку с оружием, убеждали большевики. В связи с тем, что в городе не было азербайджанских войсковых сил, Национальный меджлис был вынужден сдать государство Комитету, который был избран большевистской партией.

27 апреля, в ночь, между часом и двумя, правительство, фактически, перешло в руки большевиков. На второй день русская армия, не придерживаясь никаких условий, вошла в Баку. Тут же разоружили мусульманских полицейских, и все оружие раздали русским и армянским добровольцам. Многих мусульманских служащих посадили в тюрьмы, многих – расстреляли. Члены правительства бежали, ушли в подполье, прятались в горах и селах.

Магазины и рынки закрылись. Среди исламского народа распространился страх. Среди заключенных в тюрьмы были и члены Национального Меджлиса.

1. В прошлом губернатор г. Баку Мурат Черраи-паша
2. В прошлом начальник полиции г. Баку Рюстем Мирзаев-бей.
3. Сулейман-бей.
4. Абу Чебраилоглу.
5. Еждер Эминоглу.
6. Хасан Кадыроглу...
7. Мир Мухсиноглу Мир Рахим.
8. Хабиб Незароглу.
9. Абдуррахман Курбаноглу.
10. Шехдери Хюсейноглу Вели.
11. Шахварли Али Акбер-бей.

6 человек из мусульман, назначенные на различные должности: Мирза Давут Хасанов, Караиоев Али Хайдар, Бюнат-заде Муса Екиов, Ченгиз-бей, Султанов, Гандалиев, были задержаны русскими и армянскими большевиками. Теперь без разрешения русских и армянских военных они не имеют права где-либо работать или принимать какое-либо решение. Мусульмане, увидев во главе армии вместо Энвера-паши армянина Микояна, пришли в ужас. В настоящее время Совет старейшин отобран у мусульман и передан русским и армянам, имена которых приводятся ниже: Микоян – армянин, Хаджиян – армянин, Каприян –

армянин, Орджоникидзе – грузин, Ливановский – русский, Шевелев – русский, Либерман – еврей.

Исламисты, увидев это, не стеснялись напомнить мартовские горькие дни 1918 года. Они хорошо осознали, что армия пришла для того, чтобы свести «на нет» независимость Азербайджана. Русские даже в печати распространяли свои мысли и планы.

С одной стороны – открытая публикация намерений и планов русской армии, с другой стороны – решения и приказы русской армии об изъятии оружия у азербайджанского ислама и исламской армии. Аресты и заключения османских офицеров, возглавлявших различные посты и действия, не оставили никаких сомнений. Халил-паша, Баха Саит, Бахаттын, доктор Фуат арестованы и отправлены в Россию. Нури-паша – брат Энвера-паши – сбежал. Армянское правительство абсолютно без труда, совершенно спокойно переправляло из Еревана карабахским армянам армию, пушки и оружие.

В это время в Азербайджане политический кризис и экономическое положение с каждым днем обострялись. В местечке Дживаншир Шекинский кавалерийский полк отобрал оружие у многих солдат Армии Верховного Совета России, многих расстреляли. Генджинские исламисты, опираясь на армию из 350 солдат, восстали и, войдя в город, за 2-3 часа отобрали оружие у русских – в последние дни местные армяне, соединившись с русскими большевиками, окружили город и начали его бомбить.

Однако, от независимости Азербайджана осталось только сухое название. В связи с восстанием исламского турецкого народа, все паши ислама в Баку, полковники, все остальные офицеры арестованы, заключены в тюрьмы и сосланы на остров Нарген. Остров Нарген – самое дикое место на Каспийском море.

Азербайджанских турок армяне лишили руководства, нет тыла, нет полиции, нет армии. В соответствии с договором, заключенным между Россией и Грузией, неотделимые части Азербайджана такие как Зерки, Тала, Рагатлы отводятся Грузии. Рагатлы – это место, где живут лезгины. Что касается лезгин, то они себя считают северокавказцами. Это действительно так. Их моральные, нравственные, правовые устои и характеры, их история идентичны северокавказским. В такое тяжелое время проявление холода и ненависти друг к другу – результат недалковидности Азербайджанского руководства.

Подводя итоги сказанному выше: коммунисты-большевики с одной стороны и Колчак, Деникин, барон Врангель ничем не отличаются друг от друга. Цели и намерения их одни и те же. Если один преследует эту национальную идею слева, то другой эту же идею преследует справа. Азербайджан, который стал жертвой русских интересов, по всей вероятности смог бы защитить свою честь и независимость, если бы некоторые политические авантюристы и дезинформаторы не парализовали бы наши силы сопротивления. Сейчас эти «некоторые» думают над своими ошибками. Население не очень верит словам, произнесенным большевиками: «Востоку мы дадим независимость».

Ваше превосходительство, Паша Всемогущий!

Письмо наше без сомнения содержит много недостатков. Я написал, как мог. Горит все во мне пламенем, потому что я – азербайджанец. За недостатки в письме я готов принять ваше прощение, мой господин.

Если со стороны их величества будет оказана помощь, то у турецкого Азербайджана хватит силы защищать и сохранить свои права и свою независимость.

По поводу трагических событий, обрушившихся на Азербайджан, мы выразили свой протест в европейские государства!

Покорнейше умоляю вывести русскую армию из Азербайджана.

Председатель Комитета помощи азербайджанским махаджирам, бывший Председатель палаты Меджлиса

Доктор Хасан.

Июнь 1920 года, Тифлис.

Я удивлен, что такой политический и государственный деятель как Хасан-бей не знал ситуацию того периода. Тяжелейшее положение Турции того времени не позволяло ей оказать Хасан-бею ту помощь, которую он хотел. Азербайджанское правительство вместо того, чтобы ждать помощи от Турции, у которой связаны руки и ноги, не доверило бы защиту огромнейшего Баку 300 солдатам. В противном случае результаты были бы совсем иными.

Велика вина интеллигенции Кавказа. Не воспользовавшись представившимися большими возможностями, она снова надело ярмо на шею. История не простит ей этого никогда. Вина же интеллигенции Северного Кавказа, закрывавшей глаза на героизм и самопожертвование народов, еще больше. Во время нашего пребывания в Дагестане и Чеченистане мы не увидели ни одного горца-интеллигента, за исключением нескольких членов Совета обороны. Если скажу, что мы не смогли встретиться ни с одной готовой пропагандистской организацией, я нисколько не преувеличу. Вообще, в этих своих воспоминаниях я ничего не придумывал, не пошел по пути преувеличения, фиксировал только правдивую действительность во всей ее наготе. Да, делегации Северного Кавказа на Парижских бульварах и в салонах Перепаласа, тратя на каждую голову в час по одной лире, конечно же, «занимаются политикой», и с удовольствием тратят на всевозможные забавы те 40 миллионов, которые взяты в долг.

Только 10 тысяч лир, взятые у министра Национальной обороны Энвера-паши, Азиз Мекер, Хайдар Бамат и Агаев,

поехавшие в Швейцарию и находившиеся там 6 месяцев, использовали по назначению: издали карту, книгу и газету. Они дали знать Европе и ее политическим лидерам, что Северокавказское правительство существует и действует. Из суммы, которую получила интеллигенция, лишь эти деньги были израсходованы с пользой.

Из 37.000 франков делегатами, прибывшими в Париж, 2000 потратил на себя бывший председатель Правительства Чермоев.

Короче, я лично считаю кавказскую интеллигенцию виновной в разрушении возможностей и осуждаю ее за то, что она в Париже занималась собственными развлечениями.

Русская культура опьянила кавказскую знать и интеллигенцию. Досадно и печально, что их беспутство тяжело переживает народ.

Представитель Северного Кавказа Хайдар Бамат подготовил для каждого из нас по одному паспорту. На Кавказ мы прибыли с паспортами, полученными в Батуме. Поскольку эти паспорта были непригодны для нас на Северном Кавказе, мы их уничтожили еще в Баку. Теперь, при нашем возвращении, ситуация изменилась, и мы не имели возможности ни в Азербайджане, ни в Грузии получить фальшивые паспорта. Поэтому, кроме того, как возвращаться с паспортами Северокавказского государства, другого выхода у нас не было. Вообще, мы грузинам себя представляли делегатами Северного Кавказа, документы, которыми мы располагали, подтверждали это. И на самом деле все это было так. В гостинице мы тоже были зарегистрированы как чеченские делегаты Северного Кавказа. Другого варианта, кроме как представить себя англичанам северокавказцами, у нас не было. В Батуме при въезде и при выезде мы должны встретиться с англичанами и пройти их контроль.

Рано утром собравшись, мы пошли к поезду, который направлялся в Батум. Когда мы подошли к кассе за билетами, несколько грузинских полицейских преградили нам путь. Нас пригласили в комнату около билетной кассы. У дверей мы заметили двоих военных, стоявших со штыками. Мы поняли, что арестованы. Полицейские сразу же нас обыскали с ног до головы. Имевшиеся при нас личные записи и некоторые официальные документы, связанные с Кавказом, сразу же конфисковали. В это время заглянул грузинский генерал Арслан-паша, о котором я уже говорил, но, заметив нас, сразу скрылся. Беркок-бей окликнул его: «Паша, посмотри сюда, нас задержали! Почему?». Но ответа никакого не последовало. Человек был страшно недоволен, что увидел нас. Больше мы его не видели. После обыска нас вывели на улицу. Посадили в две машины. Под надзором вооруженного караула нас повезли в город. Отвели в помещение, которое в это время считалось тюрьмой. Служащие ушли.

Наша камера представляла собой одну голую комнату. Здесь ничего не было, что могло бы напоминать о мебели. Четыре стены и все. Лишь в одном углу был стол. Я на него бросил свою бурку и шубу. Сам сел сверху, раскачивая ногами. Был так рад, будто досталась мне роскошная комната. Мой товарищ тоже разложил свои вещи по углам и сел. Спрашиваем друг у друга причины задержания. Однако вразумительного ответа по поводу нашего ареста не нашли. Против грузин никаких намерений мы не вынашивали и до настоящего времени не имели с ними никаких политических связей, да и впредь налаживать их тоже не считали нужным. Мы были здесь только как гости. Грузия не была большевистской, чтобы нас могли арестовать, обвинив в национализме. В таком

случае, что могло стать причиной нашего ареста в момент, когда мы покидали страну?

Что бы ни было, ясно только то, что мы сейчас находимся за решеткой. Конечно, потом выяснится и причина нашего ареста. Но сейчас мы должны отдохнуть на этих голых нарах и ждать, чье лицо отразится в зеркале времени.

Через несколько дней мы познакомимся с некоторыми из тюремных обитателей. Одним из них был артиллерист, генерал Шахлинский из Азербайджана. Интеллигентный, с очень мягким характером, покладистый и справедливый человек. Он сказал, что абсолютно не в курсе того, почему его посадили. Девять из десяти арестованных обвинялись в большевизме или же в сочувствии большевикам. Какая-то часть сидела из-за личных неприязненных, враждебных отношений. Большинство было арестовано из-за проблем, связанных с женщинами, например, из-за соперничества в отношении к дамам. Вероятно, генерал тоже стал жертвой личной вражды. Ибо, в связи с захватом русскими города Баку, бежавший и скрывающийся в Тбилиси патриот, вне всякого сомнения, не мог стать большевиком. Как и мы, которые бежали от большевиков. Как и генерала, не было оснований и нас обвинять в поддержке большевиков. Допустим, что мы сторонники большевиков. Но что это дает? Мы покидаем их страну. Состояние Грузии, т. е. грузинской полиции, к тому времени можно охарактеризовать как образец неуважения и распушенности. Видно, есть за что им достается!

Мы сообщили северокавказским представителям о нашем аресте. Там, чтобы установить причины этого и добиться нашего освобождения, тоже ищут пути. Обо всем этом сообщают нам, советуют не расстраиваться, успокоиться.

Мои первые мысли после нашего ареста были о том, как организовать побег из тюрьмы. В тюрьме мы были достаточно свободны. Можно было ходить по всем камерам, коридорам. Мы даже могли ходить в женское отделение.

Туалет был расположен достаточно далеко. В день по два раза ходили туда. Выйдя из нашей комнаты, надо было войти в дверь напротив. В конце двора был туалет. Уборщик выводил нас из камеры, открывал нам дверь, что ведет во двор, сам заходил в сторожевую будку, что во дворе, и ждал нас. Сторожевая будка служила и винным лотком. Сторож-дворник одновременно продавал и вино.

При каждом посещении туалета я внимательно осматривал окрестности. Обращал внимание на то, как относится к нам сторож. Через несколько дней нашего «маршрута» туда и обратно, я заметил, что некоторые из заключенных угощали охранников вином. Я подумал, что эта затея может продлить перерыв. Иногда даже кто-то из уважаемых арестованных поднимал стакан вместе с охранником и в будке охраны оставался дольше. Пристрастие грузин к вину было больше, чем пристрастие мужиков к водке. Это могло стать для нас дорогой к спасению. При каждом выходе угощать охранника бутылкой вина, отвлекать его, напоить, и в это время найти момент, чтобы сбежать. Это вроде бы не составляло особого труда. Каждый раз я возвращался из туалета с хорошим настроением, убедив себя в том, что есть возможность сбежать. Но куда бежать? Где прятаться? Это уже другая задача. Конечно же, этому тоже найдем решение. Утешая себя мыслями об удачном исходе побега, я проводил время.

В этот период я познакомился с одним заключенным абхазцем, которого обвиняли большевики. Я хотел наладить с ним связь, объяснить свое намерение, попросить у него помощи. Сожалею, что разница в возрасте не позволила мне поделиться с ним своими секретами. Но необходимость в этом тоже отпала, поскольку представители Северного Кавказа уже начали действовать в целях нашей реабилитации и освобождения.

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

В период заключения распорядок нашего питания был таким: один стакан чая на завтрак, а второй по времени ближе к ужину; хлеб, иногда добавляли белый сыр. Наш бюджет не позволял большего. В этот период к нашему столу прибился один незваный гость. Это была женщина-большевичка. Она была настоящей коммунисткой. Мы тоже пару дней проявляли к ней внимание и уважение как к женщине, любезно угощали ее за нашим столом. Смотрим, она устроилась с нами и не собирается уходить. А наши возможности позволяли лишь один-два стакана чая, кусочек хлеба, и содержать четвертого человека мы были не в силах. Женщина обиделась, обвинив нас в эгоизме, и ушла от нас.

Наконец, деятельность представителя Северного Кавказа Хайдара Бамата, направленная на освобождение, дала результаты. В один день всех нас вместе повели в кабинет начальника полиции. После допроса, якобы, установили нашу невиновность и отпустили на свободу. Настолько были внимательны к нам, что вернули нам наши записные книжки. Впервые в жизни я встретился с грузинским полицейским, у которого были признаки вежливости. Я искренне благодарен им за то, что они не разорвали и не выкинули наши записные книжки, в которые мы заносили свои впечатления.

Как только выбрались из тюрьмы, обосновались в самом дешевом отеле. Деньги, с огромными трудностями добытые на дороге, мы потратили в тюрьме и остались совсем без денег. Разместились мы все вместе в одном трехкомнатном номере. В отеле, как и в тюрьме, в день два раза пили чай с хлебом, только чтобы выжить. Иногда ходили в дешевые столовые, наполняли пловом свои желудки, и этого нам хватало дня на два. Мы готовы были двинуться в Батум, как только достанем деньги на дорогу. Однако до-

стать деньги было очень трудно. Опять оказались мы в зависимости от Азиза-бея. Он обращался ко многим. Иногда он приходил с пустыми руками, а иногда с 5-10 рублями, добытыми у кавказцев.

ПРИЧИНА НАШЕГО АРЕСТА

Причину нашего ареста мы узнали от внука бывшего Садразама Кипрского Камиля-паши – Фуат-бея. И о закрытии английской полицией Стамбульского Черкесского общества взаимопомощи мы тоже узнали от него. О Фуат-бее ни у кого не было хорошего мнения. Вероятно, причиной этому являлись его бесконечные хождения без дела и цели, и зажиточная жизнь. Все вместе это делало его каким-то подозрительным. Других богатств и достоинств, кроме того, что он внук Камиля-паши, он не имел. А Камиль-паша среди османских Садразамов был известен как добропорядочный человек, жил только на зарплате, и такие пороки, как взятки и злоупотребления, не доставляли ему удовольствия. Жизнь Фуат-бея была тесно связана с политическими деяниями. Так было определено в Стамбуле. Поэтому нам все должно было быть известно от него. Может быть, все это так, может быть и не так. Однако, он все-таки был под подозрением.

Значит, под предлогами, под которыми был совершен наш арест, он решал и свои вопросы. Верно это или не верно, я не знаю.

Я несколько раз встречался с ним на улицах Тифлиса. Каждый раз он говорил о распространенном здесь подозрении к нам, убеждал меня в этом. Но сам утверждал, что подозрения эти не имеют никакой почвы.

Однако приговор моих товарищей по отношению к Фуат-бею был категоричным. Возможно, они были правы.

Фуат-бей тоже хотел снять с себя это подозрение и наладить отношения с нами. Но мои товарищи изгнали его из своего круга в полном смысле этого слова. Наше материальное положение к этому времени очень ухудшилось. Мы пришли в такое состояние, что даже не могли заплатить за чай. И наш противник, дай Бог ему добра, в это время пришел к нам на помощь.

ТЫСЯЧА МАРОК И ПОЛОВИНА АНГЛИЙСКОЙ ЛИРЫ

Однажды с Азизом и Беркоком мы сидели в читальном зале, который обслуживали патриотки русских, а вернее, знатные женщины. В это время вошел сюда Фуат-бей и попросил меня выйти с ним. Мы вышли. Я внимательно смотрел на него, думая о том, что, интересно, он сейчас скажет. Мои товарищи, хорошо зная, что у меня с Фуат-беом нет никаких искренних дружеских отношений, удивились тому, что он пригласил меня, и гадали, о чем мы говорим друг с другом. Я тоже был в недоумении. Пригласив меня одного, отдельно от товарищей, угощает меня чаем и сигаретами. Я нервничал. Фуат-бей спросил меня в процессе беседы о том, когда мы собираемся в дорогу. Я ответил, что как только соберем достаточно денег. Я не находил нужным скрывать от него это обстоятельство. Он прямо спросил меня едем ли мы в Стамбул. После этого он сделал абсолютно неожиданное предложение. В Стамбуле, в Фатих Кызташи, в особняке Камиля-паши, живет его сестра. Он хочет отправить ей деньги. Из-за отсутствия почтовой связи или каких-то других причин, деньги отправить ей он не смог, а сам вынужден еще некоторое время оставаться в Тифлисе. И эти деньги, он просит, чтобы я передал его сестре Акилеханум. Он сказал, что, выполнив его просьбу, я сделаю ему очень доброе дело. В моей голове сразу возникла другая

мысль: когда он мне передаст эти деньги, и какую сумму? Он будто бы уловил мои мысли и сунул руку в портфель. Из него он достал 1000 немецких марок, половину английской лиры и передал их мне в руки. Я обрадовался, будто выиграл огромную сумму денег в лотерее. О чем думали мои товарищи, искоса поглядывая на нас, когда я брал эти деньги, я не знаю. Пусть думают, что хотят, но на какой-то период наша жизнь гарантирована, мы обеспечены. Теперь уже нас не могли попросить из гостиницы, голодными тоже мы не останемся. Только после расплаты со всеми нашими долгами, останутся ли у нас деньги на дорожные расходы до Батума?! Даже сказать не могу, насколько я рад тому, что мы выходим из такого затруднительного положения.

Передав мне деньги, Фуат-бей сразу поднялся, попрощался и ушел. Даже не взял у меня расписку, по-видимому, не захотел больше утомлять ожидавших меня товарищей. Я тоже сразу поднялся и подошел к друзьям с особой гордостью. Объяснил им все. Если скажу, что они не обрадовались, буду не прав.

1000 немецких марок, полагаю, составили около 50 000 рублей. Ценность же грузинских денег к тому времени не только каждый день, но и каждую минуту падала, и через 10 дней их достоинство могло упасть до нуля.

Мы расплатились за отель, отдали долг за чай и решили сразу двинуться в Батум. Мои товарищи планировали из Батума поехать в Трабзон, оттуда в Анкару и уже там соединиться с регулярной правительственной армией. Я же, прежде всего, решил попасть в Стамбул, повидаться с семьей, которую я создал и через неделю оставил, уехав на Кавказ. И уже после этого думал либо остаться в Стамбуле, либо поехать в Анкару. Исходя из той информации, которую мы получили в Тифлисе из разных источников, направиться прямо в Анатолию для нас было опасно. Но наперекор всему, я хотел поехать прямо в Анатолию. Положение в Анатолии

такое: полная оккупация Стамбула силами союзников, горький случай с Шахзадебаша, истина о дисциплинарном позоре в армии – самая скандальная информация того периода. Все это мы получили от штабного майора Митхат-бея, который сбежал из Стамбула в Тифлис. Митхат-бей – это молодой уважаемый человек, у которого слова не расходятся с делом, с очень большим достоинством, полный энтузиазма, характер активный. Но опасность ехать в Анатолию настолько велика, что это равносильно тому, чтобы идти в огонь, и все это усиливалось, если возникало какое-либо недовольство или недоверие к черкесам. Вместе с тем, мы не были против Анатолийской государственной армии. В период всего нашего путешествия мы вели пропаганду в ее пользу. Но в такое время объяснять свои беды, внушать доверие было очень тяжело. Тем более, для таких как мы, которые страстно выступали за образование национального государства меж гор, растянувшихся от Каспийского моря до Черного, т. е. – Северокавказской республики. Наше нахождение в Анатолии будет встречено с подозрением, и мы можем оказаться в опасности. К этим выводам я пришел еще до выезда в Стамбул.

Однако на сей раз свою поездку в Стамбул я решил немного отложить. О родине моих предков в Абхазии я в детстве слышал столько очаровательных сказок, исторических былей, и они в моем сердце и душе заняли столько места, что уехать, не повидав Абхазию, для меня было невыносимо тяжело. Вообще-то, посещение Абхазии на обратном пути было у меня в плане. Однако осуществлению этого плана препятствовало мое безденежное положение. На этот раз удача устранила это препятствие, счастливую возможность посетить Абхазию мне предоставили деньги, который дал Фуат-бей. Упустить эту возможность, которую я в своей жизни второй раз мог и не получить, я не имел права. Свое мнение я высказал товарищам. Конечно же, они нашли это

самым верным. 50 000 рублей, что были у меня в руках, могли доставить моих товарищей до Трабзона, а меня, после посещения Абхазии, в Стамбул. Позже я объясню, как мои домашние расчеты не сошлись с рыночными. Если эти деньги преспокойно доставили моих товарищей в Трабзон, то меня они оставили на полпути. С товарищами своими я попрощался. Я один остался в гостинице и стал искать возможность поехать в Абхазию наиболее кратчайшим путем.

В это время в Тифлис прибыл внук прославленного героя Кавказа шейха Шамиля – Саит-бей вместе с двумя чеченцами из Сирии. Я встретился с ними. Выяснил, что он собирается в Дагестан. В тот период ситуация так резко изменилась и стала настолько против нас, что в горах и среди горских народов предпринимать что-либо было практически невозможно. Большевики держали в полной оккупации Дагестан и Чеченистан. Эти свои мысли и убеждения я открыто изложил Саит-бею, но я не смог скрыть своего мнения о необходимости организации каких-либо действий среди горцев. Если бы тогда, когда мы были в Чеченистане, с нами оказались бы Саит-бей и майор Киазим-бей, собрание на Каиш Курте приняло бы характер большого народного движения, и в глазах мировой общественности оно смотрелось бы как форма живого действия на Кавказе. Жаль, что в то время мы не нашли возможности результативно использовать их обоих.

Навсегда остающаяся в памяти достойная восхваления героическая жизнь шейха Шамиля возбуждала любовь и уважение и к его детям и внукам. Когда смотришь на горцев, предводимых его внуком, не остается никакого сомнения, что вместе они возродят героизм прошлого. Телосложением Саит-бей отличается от других. Его рост необычен. Своим авторитетом он мог всех горцев, находившихся под его влиянием, собрать в один союз, представляющий собой внушительную силу и направить против русских. Что же ка-

сается Киазима-бея, то сочетание таких качеств как молодость, смелость, дерзость снискали ему большой авторитет среди горцев. Единство и сплоченность отряда, которым он должен был командовать, могут дать достойный отпор любой силе.

Если бы Саит-бей не упустил возможность возглавить правительство, созданное Узун Хаджи в Ведино, то в истории могли остаться его крепкие следы.

Жаль, что мы без оружия, преодолевая ледники, буквально дотащили себя до Тифлиса, а те силы, которые были в распоряжении Киазима-бея галопом бежали в восточные края Турции. Теперь все ущелья и проходы перешли в руки большевиков. От Каспийского до Черного морей вся территория до последнего клочка земли оказалась под русской властью.

Если теперь с нашей стороны и могли быть проведены какие-либо акции, то никакого другого результата, кроме как: принесение в жертву нескольких сотен горцев, сожжение и разорение нескольких сел и городов, они не дали бы. Вместе с тем, хочу добавить и то, что многие горцы, уже полвека, как забыли о прежних воинских подвигах своих земляков, и сегодня, одурманенные шейхами Накшибенди, отказавшись от реальной жизни, они живут мечтой о потустороннем мире. Чтобы пробудить их от этого сна рабства, нужно их втянуть в какую-нибудь отрезвляющую войну. С этой позиции действия Саит-бея, даже если они были бесцельными, все-таки оправдывали себя. Я желаю ему успехов.

В это время от Хайдара Бамата я узнал о том, что в Тифлис прибыла делегация из Абхазии для переговоров с грузинским правительством, узнал и отель, в котором остановились делегаты. По адресу, который мне дал Хайдар, я пошел к ним в отель. Они были очень рады. В один голос, очень искренно, они мне сказали, что непременно повезут меня в Абхазию и считают своим долгом показать мне

Родину. Из членов делегации я запомнил следующие имена: Миша Муаноглу (Маан. – **В.А.**), Лева Кап (Капба. – **В. А.**), Мехти Челикоглу.

И еще двое были в составе официальной делегации. Добропорядочные и приятные люди. Их лица я никогда не забуду, но имена трудно запомнить.

Два молодых интеллигента Михаил и Рафаил, не зная ни одного слова на родном языке, были так преданы своей Родине, что во мне укрепилась надежда на счастливое будущее Абхазии.

Эти двое однажды вечером пригласили меня на ужин в клуб Тифлисского парка. Клуб был специально для знати и офицеров. Кроме них и без их приглашения никто не имел права входить сюда. С высоких террас парка раздавался нежный женский смех, веселый щебет. Мягкий смех как мелодия приятной музыки проникал в заржавевшие глубины моей души.

В зелени великолепного сада женские голоса «мелькают» в темноте как огненные светлячки. Под сильным светом электрических ламп наш стол, щедро и со вкусом накрытый, вызывал аппетит, но чарующая панорама не давала возможности насытиться. Отражение электрических ламп, бриллиантовый и рубиновый вид винных и водочных фужеров и рюмок делали меня пьяным изнутри. Пить, пить до самого утра, вместе с этими счастливыми людьми! Я хотел забыть свое нищенское существование. Но, увы!..

По рюмке водки, курица и лепешка – так просто выглядел наш ужин, состоящий из национальных блюд. Весь вечер мы говорили о возвращении турецких абхазцев на Родину. Будущее Абхазии, определение ее статуса, спасение от грузинского порабощения – все зависит от возвращения абхазцев на Родину, считают они. Говорили об одном молодом абхазском художнике, имя которого я сегодня не могу вспомнить. (М.Бутба имеет в виду художника Александра

Чачба-Шервашидзе. – **В. А.)** Они были расстроены тем, что в этот момент его не было среди нас. Они сказали, что несколько дней тому назад он покинул Тифлис, чтобы уехать в Лондон. Этот молодой абхазский художник был автором декораций прославленных лондонских театров. А я подумал: кисть, талант, свои познания в искусстве, ум, которые ты используешь для украшения чужих театров, лучше бы ты использовал для изображения трагического положения нации, которой ты принадлежишь. Как бы желало этого мое сердце! Бедняга молодой человек! Если бы ты использовал свою кисть для изображения тяжелой трагедии, которую переживает Абхазия и абхазский народ, это стало бы траурным плакатом истории, памятью и символом, призывающим подрастающее поколение к пробуждению. Так думал я.

Теперь уже я устал смотреть на мутные и теснящее мое сердце воды реки Куры. Из-за безделья и лени, которые мне портят настроение, я не могу пойти посмотреть незнакомые мне далекие места Тифлиса.

На юге Тифлиса есть высочайшая гора. Чтобы отогнать душевную тоску, я пешком поднялся на нее. Оказывается, действительно стоило посмотреть это место. Панорама чрезвычайно красива. Весь город Тифлис и долину Куры, извиляющуюся изгибами, я осматривал как с высочайшей башни. За вершиной тянется зеленая роща с обилием речушек. Очень был рад, что здесь я спасся от удушливой тифлисской жары. До самого вечера я находился на свежем воздухе. Если бы не такое расстояние от города и трудности с восхождением, я бы каждый день ходил туда, и весь свой день проводил бы там в безделье.

До Первой мировой войны туда из центра Тифлиса ходил электропоезд. Задыхающийся от дневной жары народ, чтобы подышать прохладным воздухом, поднимался поездом сюда. Однако сейчас люди, надеющиеся на свои ноги, наподобие меня, и не платящие за проезд, как и я, пешком

поднимаются сюда. После отъезда моих товарищей я совсем остался без дела. Обеды я ел в дешевых азербайджанских столовых, что расположены в исламских кварталах Тифлиса. Здесь кварталы со своими кофейнями, серными водами, рынками полностью походили на жалкий тоскливый уголок Востока. Начиная с 1300 года, будто совсем ничего не изменилось. Как об этом пишут историки, с периода Османского владычества эта земля перешла в руки исламской армии, после этого ею владели сельджуки, хорезмшахи, персы, Чингисхан и, наконец, османы. Земля эта много раз становилась ареной исторических событий. Сейчас, кроме мечетей и башен, ничего другого не осталось.

Город больше стал грузинским, чем русским. Вместе с тем, русские благоустроили этот город. Аккуратные улицы, шикарные гостиницы, чистые и привлекательные парки придали ему вид современного города. Перед войной здесь размещалась резиденция генерал-губернатора Кавказа. Что делать, если для того, чтобы съесть порцию дешевого плова, я вынужден каждый день бывать здесь. После обеда время, в основном, провожу в этом парке.

Дела комиссии, которая прибыла из Абхазии, будут продолжаться очень долго. Не закончив свои переговоры с грузинским правительством, комиссия не может возвратиться назад. Если бы прекратить переговоры! После недельного ожидания я намекнул, что ждать дальше у меня не хватает терпения. А еще, если закончатся деньги, которые переданы мне, каково будет мое положение? Чтобы тратить эти деньги экономно, я испытывал огромные трудности. Хотя, чтобы я не предпринимал, с каждым днем количество моих денег уменьшалось. В тот день, когда мои деньги дойдут до нуля, я тоже окажусь на уровне нуля. Этим я озабочен каждый день.

Наконец, о своем положении и беспокойстве я открыто рассказал членам комиссии. В связи с этим, комиссия нашла удобным Кап Леву, который сопровождал комиссию,

отправить вместе со мной в Сухум. А все остальные, завершив свои дела, тоже выедут в Сухум. Попросили, чтобы мы их дождались там. Когда мы, приняв эти условия, попрощались с членами комиссии, мой будущий сопровождающий переселился в отель, в котором жил я. У него здесь есть свои дела на пару дней, после их завершения, мы сразу же отправимся в дорогу. Я тоже очень доволен тем, что дня два остаюсь не один.

Между тем, абхазская делегация свои дела закончила на второй день. Они уехали раньше нас. Перед выездом они мне об этом сообщили, предложили выехать вместе. Однако я отдал предпочтение шоссейной дороге, а не морскому транспорту, как собирались ехать они. По шоссейной дороге я мог посмотреть места, расположенные вдоль Черноморского побережья Грузии, увидеть Мингрелию, Самурзакань. Чтобы посмотреть все эти места, я счел нужным день-два подождать.

Но товарищ мой не то что за два дня, за неделю с трудом закончил свои дела. Все свои расходы в гостинице он заставил оплатить меня. От этой наглости я очень расстроился. Однако вынужден был подчиниться. Проводники бесплатные не бывают.

16 АВГУСТА 1920 года

В 8 часов мы на поезде отправились в Абхазию. Станция Ширак в получасе езды от Поти. Со всех сторон – лесистые рощи. Дальше отсюда ехать мы должны на повозке или дилижансе. Мой товарищ отдал предпочтение дилижансу. Сегодняшняя ситуация, порожденная обстоятельствами, не способствует благоприятной поездке на машине, сказал он. И то, что он был прав, подтвердили два жандарма, которые сели с нами в дилижанс, чтобы нас охранять.

Мы прибыли в одно мингрельское село, которое называлось Ирита. Большое и ухоженное село. В сравнении с теми бедными селами, которые я видел в Дагестане, это самое ухоженное село в мире, которое можно принять за город, настолько оно красиво. Здесь мы наняли фаэтон на резиновых колесах. По турецкому времени мы в 7 часов отправились в путь. Когда подошли к берегу реки Ингур, уже было достаточно темно. Реку перейти мы не смогли, так как предназначенный для перевоза на противоположную сторону единственный грузовой паром закончил свою работу, его вытащили на берег, и никому не разрешалось переправляться. Мы проявили понимание, пошли в маленькое мингрельское село неподалеку. Устроились в сельской столовой, однако лечь там было негде. Я спросил у своего товарища, нельзя ли найти подходящее место, чтобы можно было нормально поспать. У мингрельцев нет традиций гостеприимства, поэтому мы вынуждены были переночевать в сельской столовой, да еще за плату. Очень жаль, что мы опоздали и не успели перейти реку.

Мой товарищ принес от духанщика одеяло и что-то похожее на матрас, грязное и выцветшее. Но все это я отдал ему. Чем лежать на этом, лучше сидеть. Но я все-таки устроился. Свою бурку я расстелил на столе, из кожаной сумки сделал подушку, половину бурки накинул на себя, и так спал до утра спокойным сном. За время своего путешествия я третий раз спал на столе. Посмотрим, сколько еще раз я буду спать на столе. По моим наблюдениям, чтобы оградиться от насекомых, в таких местах лучше спать на столе – хорошо и удобно. Проснулись в 6 утра. Во время небольшого завтрака выпили по рюмочке водки. А потом сели в свой транспорт. В 8 часов мы были на берегу Ингура. Плот, который использовался для перехода с берега на берег, был готов. Машину нашу подняли на плот. Сели мы тоже. Переехали на противоположный берег. Эта река служила

естественной границей между Абхазией и Мингрелией. Природа здесь мне очень понравилась. Вероятно потому, что это моя Родина в прошлом, очаг моих родителей. Она мне была приятной, близкой, сладкой. Вокруг все зеленое, все заполнено фруктовыми деревьями. Мне казалось, что я гуляю по красивому цветущему саду. После перехода реки Ингур мы уже находились в Самурзаканском районе Абхазии.

Самурзакан – это частица Абхазии. Это область, из-за которой постоянно возникали конфликты между мингрельцами и абхазцами с давних времен. Вместе с тем, сложилась такая ситуация: две трети коренного абхазского населения забыли свой родной язык и омингрелились. Однако самурзаканцы, с которыми я виделся, с гордостью говорят о своем истинно абхазском происхождении. Если это обстоятельство даже будет доказано исторически, то с течением времени Абхазия все равно лишится своих самурзаканских братьев. И это очень жаль. Чтобы полностью ассимилировать самурзаканцев, сделать так, чтобы там не осталось даже абхазского следа, грузины и мингрельцы предпринимают самые необходимые для этого меры.

Покойный Мет Иззет-паша в своем произведении «Сухумский яд» сообщает, что в Самурзакане проживает 3.000 грузин на 40.000 абхазцев. Нет сомнения в том, что когда-то с севера Абхазии они переселились в равнины Самурзакана, там жили и составляли большинство.

После перехода Ингура мой товарищ обратился ко мне со словами: «Теперь мы находимся у себя на Родине. Абсолютно не нужно волноваться и чувствовать себя иностранцем». Он этим сгладил мое удручающее состояние, которое было навеяно на меня вчерашним положением. И, действительно, в Самурзакане, в первом селе – Гал, куда мы попали, я отдохнул.

Хозяева дома устроили нам обед. Я принял это с благодарностью. Все получилось так, как сказал мой товарищ.

Как только мы пересекли мингрельскую границу, куда бы мы ни попадали, нас искренне, от души принимали, угощали. Как жаль, что я забыл имя и титул хозяина дома. Из тех, кто присутствовал на этих обедах, я запомнил имя только Муан Михи (Маан. – **В.А.**).

Миха пригласил нас вечером на ужин к себе. Он настоятельно просил меня остаться на ночь. Однако я попросил прощения за то, что не могу принять его предложение. Если бы мои дни не были точно рассчитаны, я в Самурзакане мог остаться хотя бы на одну ночь. Но я был вынужден пораньше попасть в Сухум, чтобы затем побыстрее вернуться в Турцию.

Хозяин принял нас великолепно, накрыл богатый стол. На столе было полно вина. Вначале за обедом вино пили маленькими стаканами. За тем перешли к большим чайным стаканам, и, наконец, к банкам. Пили и произносили речи: о будущей независимости Абхазии, за мое здоровье, за возвращение вместе с семьей на свою Родину. От души, искренне высказывали свои пожелания. Я тоже дал ответы, соответствующие месту и времени. При сильной жаре пить вино за столом было для меня нетерпимо. Но они привыкли, вино на них не действует. Я тоже выпил несколько стаканов. За этой трапезой я вспомнил один рассказ, услышанный мною в детстве. Смеялся про себя. Когда к нам кто-либо приходил в гости не издалека, ему говорили: «Что ты важничаешь, будто прибыл из Самурзакана». Значит, в прошлом, гости, прибывавшие из Самурзакана, считали себя особыми и важничали. Сейчас я тоже был гостем из Самурзакана. И тем более, я гость, прибывший очень издалека. Важничать мое право. И я стал важничать. И получил достойное гостю уважение. Боже мой! Какая большая разница между людьми, живущими на противоположных берегах маленькой речушки! Правый берег Ингура – Самурзакан, левый берег – Мингрелистан. На

СВЯТИЛИЩЕ ЕЛЫР-НЫХА

левом берегу, в самом большом селе, мы не нашли другого места, где можно было приютиться, кроме деревянного духана. На правом берегу каждый дом сразу же открывал нам свои двери. Какое еще другое доказательство нужно, чтобы убедиться: Самурзакан – это Абхазия. В одном селе, которое потом омингрелилось, нам, когда мы обратились к сельчанам, ни о братьях-абхазцах, ни о турецких абхазцах, ни от души, ни от сердца ничего не говорили. Бедная Абхазия!

После обеда нам рассказали очень много душераздирающих историй о современном положении Абхазии, об удручающем положении, в которое ее поставили грузины. Я не отвечал на эти речи. Только внимательно слушал.

После выезда из Самурзакана, вечером мы прибыли в местечко Азгуер (Ачгуара? – **В.А.**). К нам присоединилось трое жандармов. Оказывается, этот район очень опасный. Грузинские и мингрельские бандиты, которые хотят воспользоваться анархией, совершают здесь много грабежей. По этой причине полиция сопровождает путников до определенной точки. Нас тоже проводили.

Самурзаканский район маленькой речушкой отделяется от Абхазии. На правой стороне находятся абжуйцы. «Абжьюаа» по-абхазски означает «между двумя», т.е. живущие между двумя реками. Вообще, вся Колхида и абхазский берег Черного моря друг от друга отделяются параллельными речками.

Не могу вспомнить, как называется маленькая речка, которая разделяет Абжьюаа и Самурзакан. Вспомнил: Азгуер. Что означает по-абхазски, быстро текущая река. Около этой речки к нам присоединились жандармы.

Когда-нибудь, если буду дополнять эти свои воспоминания и найду возможность обработать их научно, я эти названия тоже зафиксирую.

Когда мой товарищ сказал, что мы пришли в Елыр-ныха, во мне проснулись детские воспоминания. Сколько сказок я слышал! Сколько историй во мне осталось с детства об этом старом храме верующих абхазцев. Все это проснулось во мне и сегодня, когда я услышал это слово. Этого я никогда не забуду.

Поэтому для меня совершенно исключалось пройти мимо и не посетить этот храм. Иногда, ругая своих детей, матери по-абхазски говорили им: «Чтобы Елыр-ныха тебя сразила». Господи, сколько секретов в себе таит этот простой храм, которым нас в детстве так пугали! Сколько в нем силы!

Что бы ни происходило, я сказал своему товарищу, что обязательно хочу посетить храм. Он с удовольствием согласился.

«Аныха» по-абхазски означает «клятва, присяга». Старые абхазцы и сегодня поднимаются на вершину, где у маленькой церквушки, рядом с огромными деревьями принимают клятву, присягают. У шапсугов именем – Асына, у абхазцев именем – Аныха произносят клятвы, и этого достаточно. Нет никакого сомнения, что эта традиция осталась у абхазцев со времен дервидизма.

Дервидизм связан с преклонением перед родом, с любовью к природе. До периода христианства на Кавказе, а особенно в Абхазии, он был действующей религией. В густых зеленых лесах Абхазии обнаруживается связь с этой верой.

Проклятие, в особенности, наших дедов: «Пусть тебя сразит гром» без всякого сомнения появилось потому, что в густых лесах молния часто ударяла в огромные деревья и сжигала тех путников, которые находили пристанище под ними.

Как бы там ни было, я шел на встречу со святилищем дервидизма, которого в детстве страшно боялся. Сегодня

посмотрю, устраню ли свой страх, облегчу ли свою тоску и волнение. Наша повозка съехала с основной дороги, выехала на другую, спирально скрученную, засаженную густыми деревьями. Мы поднялись на холм. Напротив нас – тенистый, весь покрытый зеленью двор. На его середине – белый дом с крестом на крыше. Я понял, что встретился с маленькой церковью. Когда я увидел эту церковь, которая много лет занимала мои мысли, я, честно говоря, разочаровался. Я – бедный, боязливый иностранец, думал, что увижу святилище огромное, хранящее в себе множество секретов. А передо мной возникла изящная христианская церковь! Хочешь не хочешь, в моей памяти ожили строки из стихов Зи-и-паши:

В надежду преданности людей не внедряй обман,
Ты увидишь, что многие ходжи свои знаки бросят на землю.

Во дворе на красивой лужайке сидели какие-то люди, а среди них – священник. Они разговаривали, отдыхали. Мы вышли из повозки. Мой товарищ подошел к ним. Он представил им меня и на абхазском языке сказал, что я их брат из Турции. Сразу же все поднялись и окружили меня. После «Добро пожаловать» все стали задавать мне кучу вопросов о своих соотечественниках в Анатолии. Я отвечал все, что знал.

Решили показать мне церковь. Я сказал, что мне будет приятно. Священник пошел вперед и открыл двери церкви. Как только мы вошли в нее, я увидел сундучок, куда опускали деньги для оказания помощи нуждающимся. Все, что было у меня из русских денег, я бросил в сундучок. Если они не попадут по назначению, то тут никакой моей вины не будет. Мой товарищ поцеловал образ Пророка Иисуса, который был изображен на этом сундучке. Теперь я понял, какую веру исповедует мой товарищ Лева, которого я до сих пор не имел возможности спросить какой он веры – мусульманской или христианской. Мой вопрос теперь был

снят. Мне показали все бесценные предметы церкви. Я тоже проявил достаточное уважение к церкви и опять вспомнил Зи-и-пашу: «Человек достоин быть преданным, если даже он ненавистен тем, кто на честном пути. Им помощник Аллах всегда». К сожалению, не было ключей от сейфа, в котором хранились, как мне сказали, очень древние и ценные вещи. Ключи были у главного священника. Он должен был подойти через час. Но так, как у нас не было столько времени, мы прекратили осмотр. Попрощавшись с каждым, мы продолжили наш путь. На окраине Самурзакана и на стыке с Абжуаа очень мало говорят по-абхазски. Все они абхазцы, но язык забыли. Знают только то, что они абхазцы. Но не знают они, что в ближайшее время забудут и то, что они являются абхазцами. Между тем, в старой Абхазии в каждом доме находился один пленный мингрелец. В Батуме и его окрестностях люди всех национальностей говорят по-абхазски. Бесконечные переселения стали причиной опустошения Абхазии, а оставшиеся в меньшинстве растворились среди грузин и мингрельцев, которые оказались уже в большинстве.

Что надо делать, чтобы прекратить эту ассимиляцию, особенно абхазцам-христианам, на каком уровне и каких результатов они смогут достичь? Этого я не могу сказать. Законы природы очень сильны и категоричны. Рано или поздно они поставят все на свое место. А если наоборот, если вдруг сможет возникнуть такое политическое обстоятельство, которое предотвратит эту ассимиляцию? И через полста лет ассимилятор станет ассимилированным.

17 АВГУСТА 1920 года
ВУЧАМЧИРА (ОЧАМЧЫРА. – В. А.)

Вучамчира (здесь, и далее в тексте используется употребляемое тогда произношение и написание. – В.А.) – столица летней резиденции абхазских князей в прошлом. Маленький город и центр на берегу Черного моря,

защищенный от северных ветров, напоминающий климат Большого океана. Некогда это место славилось богатыми и славными самшитовыми лесами. В темные ночи пиратские лодки приставали к берегу, пираты прятали свои лодки среди густых самшитовых деревьев, а сами шли к жилью, хватали там молодых девочек и мальчиков, вывозили их и продавали работорговцам. Сегодня уже нет ни самшитовых лесов, ни работорговли.

В древних исторических источниках пишется, что и финикийцы подходили к Кавказскому побережью и занимались торговлей пленными. Следует несколько остановиться на этой проблеме.

Исходя из того, что лазы, грузины, мингрельцы, абхазцы и многие другие народы жили на берегу Черного моря, а черкесы жили выше, на севере, приписывать черкесам торговлю пленными неправильно. И ни одна черкесская семья не продаст свое родное дитя. Продавались или рабы, или пленные, которых брали в плен во время войн между племенами. Или же, как я говорил об этом выше, продавали похищенных. И больше всего продавали мужиков (мужчин), т. е. пленных, захваченных в русских селах. В связи с тем, что они продавались в окрестностях Кавказа, их принимали за пленных черкесов. На самом деле это были русские, мингрельцы или грузины.

Но, если случалось, что некоторые обедневшие семьи из-за сложного положения, в котором они оказались в результате переселения, а также поддавшись обманному обещаниям работорговцев, и продавали своих детей, то это были единичные случаи. Но ни одна состоятельная, знатная семья не позволяла себе ничего подобного, и не было таких случаев. Сегодня, эта легенда, порочащая наши народы, в результате реформ и в период правления покойного Митхат-паши была ликвидирована, и черкесы освободились от этих распространяемых про них разговоров.

В полночь мы прибыли в Вучамчиру. Мы вышли из повозки прямо у дома моего товарища Кап Левы. Нас встретили его мать, сестра и брат. Лева представил меня, сказав им, что это «брат наш Бутба, прибывший из Турции». Каждый из них обнял меня. Они искренне, с любовью оказали мне такое внимание и уважение, которое могут оказать только близкому родственнику. Ночь я провел в чистой комнате с кроватью. Вопреки их настояниям, сказал, что у меня нет никакой потребности в еде. Я не хотел утруждать их еще и приготовлением ужина сверх тех забот и хлопот, которые мы уже доставили им своим столь поздним появлением. Гостеприимство у этого народа – традиционный, красивый обычай. И поэтому среди них нет ни бедных, ни богатых. Потому выглядят эти края абсолютно нетронутыми, в то время, как весь Кавказ разрушили большевики. До большевистского нашествия некоторые из господ, которые владели большими наделами земли, разделили с народом свои владения и, тем самым, предотвратили кровопролитие.

Утром я рано встал. Попрощавшись с хозяевами, вышел на улицу. Я не хотел больше быть обузой для этой благой и приятной семьи. Я хотел подобрать приличную гостиницу, поселиться там и Муан Миху подождать в ней.

Первый человек, с которым я встретился, был Дадаш-бей из рода Маршан. Когда мы уезжали на Север, я с ним встретился и познакомился в Тифлисе. На этот раз я встретился и с младшим братом Дадаш-бея. Он был в чине полковника русской армии. С началом большевистской смуты он сумел найти выход и прибыл в Тифлис. Сейчас он сидит в отеле и ждет конца событий. Когда я вернулся в Турцию, то услышал, что его казнили большевики. Он меня пригласил на обед. Мы сели в фаэтон, который подошел к нам, чтобы отвезти нас домой. В этот момент поднесли бурдюк. Положили его к нам в ноги. Я спросил: что это такое? Дадаш засмеялся: «Разве можно тебя отправить в Турцию, не напоив

собственным абхазским вином? Будем пить вино во время обеда», – сказал он. Я поблагодарил его, а про себя сказал, что «повезло вдвойне». С одной стороны – сильная августовская жара, с другой – реакция на вино из черного винограда. Люди вроде меня – не привычные к вину. Смогу ли я устоять против этих двух огней?! Какой выход можно найти?!

Мы поели мамалыгу, сыр, курицу и сделанное из вина какое-то отличное черкесское блюдо. Вечером я хотел вернуться в город. Категорически Дадаш не принял это мое желание. На ночь меня тоже оставили. Дадаш был холост. Кроме больной дочки и одного русского слуги больше никого не было. Он настоятельно просил меня до выезда в Сухум на ночь оставаться у него. Я согласился. Другого выхода у меня не было. Та разведка, которую я сделал на второй день, показала, что в Вучамчире не было гостиницы, где я мог бы остановиться на ночь. Одна-две гостиницы, которые там имелись, были закрыты из-за их непригодного состояния. Я в долгу перед этим чистым и знатным лицом за уважение и гостеприимство, которые он оказал мне.

Днем я спускался в город, обедал и ужинал в одной маленькой столовой, на ночь возвращался к Дадашу домой и в комнате, отведенной мне, спокойно спал. Дом, столовая, кофейня находились далеко вато друг от друга и от центра города, однако идти туда и возвращаться назад доставляло мне удовольствие. Каждый день мне приходилось два, а иногда три и четыре раза идти по широкому шоссе вдоль берега моря к дому Дадаш-бея, для меня это было отличным спортом и развлечением.

18 АВГУСТА 1920 года

Время я проводил, любясь абхазскими горами покрытыми снегом, или глядя на бескрайние горизонты Черного моря. В связи с годовщиной смерти одно-

го сельчанина, сегодня мы должны были пойти в одно из близких сел, присутствовать на традиционной церемонии. Очень хотел посмотреть эту церемонию, посланную мне самой судьбой. Я был благодарен Дадаш-бею, который пригласил меня. Дадаш-бей пошел искать фаэтон. Вернувшись, он мне сказал, что не смог достать транспорт, в связи с чем мы вынуждены отказаться от поездки на церемонию. Я нашел бессмысленным настаивать и тоже отказался ехать. В то же время не могу отрицать, что я расстроился от того, что не смог посмотреть, как организуется поминальная церемония.

Мой спутник сегодня совсем не показался в городе. Вероятно, он испугался, что я стану для него обузой. Потратив все 200 рублей, которые у меня оставались, я великолепно пообедал.

Если Муан Миша – руководитель организации, которая меня пригласила в Сухум, не появится в ближайшее время, и также скоро не определится время моего возвращения в Турцию, то для меня настанет катастрофа. С того времени, как мои братья «осадили» меня, из той суммы, которая была у меня на дорожные расходы, осталась только четверть. Боюсь очень попасть в тяжелое положение. Однако страх мой бесполезный. Все, что должно было произойти, произошло. Первый раз в жизни я вышел в путь и прибыл в Абхазию. Теперь же я вынужден завершить это свое путешествие.

19 АВГУСТА 1920 года

Сегодня кто-то из рода Маршан меня пригласил в ресторан на обед. Вино, которое усилило и без того знойную жару, абсолютно обессилило меня. Что делать, я должен примириться с традицией. Абхазцы тоже не встают

из-за стола без вина. Искренне благодарен им за гостеприимство, оказанное мне.

Вечером я пошел навестить одного старого священника из рода Маан. Я получил большое удовольствие от общения с ним. Мы приветствовали друг друга объятиями. Он темпераментный человеколюб. Оба его сына служили в русской армии, были офицерами. Среди беженцев, которые покинули страну в связи с нашествием большевиков, и прибыли в Стамбул, были и они. Старший сын, побыв день-два в Стамбуле, сразу же уехал во Францию. Младший сын – Астамур т. е. Ездемир вместе с супругой остался в Стамбуле. Молодой пропойца, азартный игрок. А жена его очень привязана была к нему, была очень нравственной, выдержанной женщиной. Она месяца три гостила у меня дома. Потом они уехали на остров Мадагаскар...

На ночь я был приглашен на еще одно торжество. Остался там до трех часов, затем, обессиленный, без настроения вернулся к себе на квартиру и лег спать.

20 АВГУСТА 1920 года

В 10 часов мы выехали посмотреть абхазские села. Миша, итальянец, один русский и я. В четыре часа дня мы прибыли в село Карчал (Ткуарчал. – **В. А.**). Объятые высокими горами село среди долин. Одноэтажные редкие дома и каждый из них как вилла. Со всех сторон все как изумруд. Дворы чистые. Скотные дворы за домами. Навозные кучи не попадают в глаза. Будучи христианами, абхазцы здесь полностью забыли свои национальные традиции, нравы, отчасти обычаи, полностью свой язык. Вместе с тем, христианство в их жизнь и быт внесло достаточно много изменений.

Чтобы нас угостить хозяин на ночь зарезал козу. Если даже здесь не полностью присутствуют традиции, которые

я видел в детстве, я себя не чувствовал здесь чужим. Также, как не чувствовал себя чужим в чеченских селах. Они очень мало интересовались своими соотечественниками в Анатолии, но вместе с тем молились за будущее Турции, за счастливые дни. После ужина молодые крестились, благодарили за ужин, а пожилые по-абхазски молились, чтобы «Бог сохранил Абхазию и абхазство» (Апсуара. – **В. А.**). Суть этих противоречий настолько привлекает внимание, что вызывает боль сердца.

21 АВГУСТА 1920 года

Сегодня вместе с Мишей и итальянским инженером, который работает здесь по поручению одной итальянской компании, и русским инженером мы пришли посмотреть угольные залежи. Грузины усиленно стараются прибрать к рукам уголь, который находится на родине у абхазцев. То, что грузины равнодушно относились к крику души жителей, сельчане мне объяснили с болью в душе. В местах, где залегают уголь, есть переливающийся мрамор и горячий источник.

Для того, чтобы принять ванны, многие в сезон ездили в Карчал (Ткуарчал), пользовались лечебными свойствами горячих источников. Миша предложил мне пойти вместе с ним принять ванну, но я не захотел. В мои планы не входило воспользоваться ваннами, исследовать уголь. Моей целью было только посмотреть абхазские села, ознакомиться с их социально-общественной жизнью и, получив представление об этом, тут же уехать. У меня не было никакой возможности тратить время попусту. А если говорить честно, я не нашел или не встретился ни с одним селом, которое я искал и представлял. В Анатолии, Дагестане и Чеченистане, на Тереке и на Кубани села в собранном состоянии. Однако

в Абхазии, протянувшейся в Южной и Западной плоскости Кавказского хребта, нет возможности посмотреть три-пять домов вместе. Каждый дом представляет собой отдельное маленькое хозяйство посредине обработанного поля.

В Абхазии, куда ни глянь, всюду леса. Кроме зеленых дворов, домов и кукурузных полей ничего другого не попадает на глаза. В общем, дома расположены с интервалами между собой в этих лесах, и, если учесть расстояние между ними, они расположены очень далеко друг от друга. Нет никакой возможности увидеть дом соседа с балкона или из окна дома, в котором мы гостили. По этой причине человек себя чувствует не столько в селе, сколько в хозяйстве, созданном в глубине леса или же в средневековом жилище. Такая ситуация вместе с поэтичностью, экзотичностью становится причиной нищенства, вместо той пользы, которую может дать коллективная жизнь. Такая жизнь не из тех, которую можно пожелать.

В окрестностях Бурсы и Измита большинство абхазских сел расположены тоже среди лесов. Когда я обходил эти села, я думал и поражался тому, почему они оставили в Анатолии такие бескрайние просторы и предпочли им такие труднодоступные горные места? После пребывания в Абхазии и путешествия по ней, я понял причину этого секрета. Переселенцы, как только прибывали в Турцию, начинали искать горы и леса, походившие на те, которые они оставили в Абхазии, на родине. И найдя их, они тут же обосновывались там. Нет никакого сомнения в том, что, найдя аналогичную среду и аналогичные условия жизни, они гораздо легче переносили тяжести и страдания, которые на них обрушивались в процессе переселения. А так они оказывались как бы в собственной среде. Совершенно другое положение для черкесов, которые попали в степи Арабистана и Кони. Условия, в которые они попали, были причиной конца их жизни.

Покойный Сулейман Назиф в одной своей книге говоря о черкесах, с болью сказал, что прежде, чем создавать села, они для себя создавали кладбища. Покойный Сулейман по поводу людей, которые вселились в места, где климатические условия были для них непривычны, и их конец становился печально горьким, писал о них очень сочувственным языком и показал этим свою чистосердечность. Здесь я хочу рассказать и о моем селе:

Место моего рождения – село Агапынар, что около Ескишехира. Сегодня – это первая станция на пути из Ескишехира в Анкару. Мое детство и половину юности я провел здесь, все это очень хорошо помню.

Село Порсук расположено на трех холмах долины, орошаемой речкой Порсук на юге степи. На одном холме живут абхазцы, на другом – кабардинцы, а на третьем – карачаевцы. Так разместились три рода, три нации. Между этими холмами проходило шоссе Анкара – Ескишехир. На западной окраине нашего села и на склоне, где живут карачаевцы, со стороны Ескишехира есть источник, который называется Агапынар. Жив источник и по сей день. Этот источник, являющийся доброй памятью о добром его хозяине, был местом паломничества и постоянной остановки караванов. На западном склоне этого холма стоял наш дом. Все путники проходили перед нашими воротами, после преодоления маленького склона, и останавливались у источника. Никогда не забуду, когда здесь проходили отары овец и коз, сколько мы покупали ягнят по пять курушей за голову. Наше село состояло примерно из 100 дворов. Среди представителей трех национальностей, о которых я говорил выше, организовывались различные соревнования. Благодаря всему этому, за короткое время все стали зажиточными. Стада овец и табуны лошадей, огромное количество коров, которые к вечеру возвращались домой, были свидетельством зажиточной жизни, которая бросалась в глаза. На зеленых широ-

ких полях 100-дворового села проводились игры, бросали диски, боролись, молодые парни и девушки танцевали, на этих танцах проводились марафоны-соревнования. Особое преимущество отдавали футболу. Иногда палками, согнутыми на конце, на лошадях гоняли маленький твердый мяч по земле. Т.е. мы играли в игру, которую сегодня в Англии и Америке называют хоккеем. Свадьбы были демонстрацией столпотворения. Скачки на лошадях, игры с выхватом у наездника платка или овечьей шкуры, стрельбы по висячему яйцу – все эти игры были захватывающими. В итоге из 100-дворового села 200 молодых ребят в среднем выходили на улицу, село тонуло в праздниках и богатстве. Курить запрещено, пить грешно, потому сельская молодежь вся один в один, сложены как атлеты, богатыри симпатичные. А девушки – молодые, здоровые, являлись символом красоты. Жизнь села, в которое мы вселились, приехав из Плевны, была на таком уровне. Спустя 5-10 лет это счастливое положение сменилось несчастьем. Малярия, холера и им подобные болезни разрушили семьи и очаги, поглотили население села, уничтожили. Некоторые семьи, которые могли помочь себе, бежали на пастбища Боздаг и Доманич. А оставшиеся семьи, обессиленные, оказались в нищенском состоянии. Если сравнить нынешних жителей села с прежними, можно сразу заметить разницу между счастливым и нищенским существованием, между жизнью и смертью.

Причиной такого бедственного положения вместе с бесконечной войной против нищества стала, по моему убеждению, малярия. И грех этот лежит на руководстве того периода, которое совершило преступление, вселив людей в места, непривычные для них. Хочу сказать и о том, что вселение беженцев в эти неприспособленные для них места, ничего не означало кроме их мобилизации к смерти. Значит, по причине несоответствия к местным условиям, благоустроенное и жизнерадостное наше село сегодня

превратилось в нищенский, состоящий из 20-30 дворов Анатолийский поселок, оставшиеся там тоже ждут горький финал своей судьбы.

Ночь мы провели в селе Куазан, что в Карчале. Одновременно это село называют и Атыша-ду, т.е. глубокий ров. Действительно, на севере и северо-западе, если смотреть с высоты гор, видно, что село находится в огромном рве. Однако с той разницей, что эта пропасть не похожа на голые и редкие пропасти Дагестана. Пропасть с вершины горы до подножья покрыта зеленью.

Ночью я должен был спать спокойно в чистой постели. Однако, в связи с одной траурной церемонией, женские горькие вопли и раздирающие душу рыдания нарушили мой сон. Комната, в которой я лег, была завешена картинами Иисуса и Матери Божией. Я себя чувствовал как в доме фанатичного фетишиста.

На второй день Миша и его товарищи ушли в окрестности Карчала. Я тоже вместе с князем Чачба Зорбеком – родственник Миши – двинулся оттуда в 2 часа. Чачба – это род абхазских князей. Это самый знатный род. Грузины этот род называют Шервашидзе. Хотят сказать: Ширван Шах Заде.

АТЫША ДУ

Ровно к обеду мы прибыли в имение Зорбека. Для защиты от сырости дом его стоит на толстых, метровой высоты столбах. Когда мы вошли в деревянный одноэтажный дом, я заметил, что нахожусь в современной обстановке. Мать Зорбека из рода Маршан, пожилая женщина, она госпожа в полном смысле этого слова. После приветствия она спросила меня о жизни ее соотечественников в Турции, о тех, кто жив из знакомых ее семьи. Хотя она была христианкой, но во всех ее словах открыто чувствовалась

ее любовь, уважение к исламу и связь с ним. Я очень расчувствовался, услышав ее слова по поводу святыни ислама. Помимо того, что эти слова доставили мне большое удовольствие, они были произнесены ею из глубины души и с большой любовью. Жаль, что русское нашествие насильно сделало христианами этих людей. У меня не было никакого сомнения в том, что одно маленькое воздействие вывело бы их на путь законного для них мусульманства. Однако в моих глазах все: и мусульмане, и христиане – одной веры и одной масти. Все они равны, потому что все они – люди.

Но я боюсь того, что оставшиеся сегодня в Абхазии 100 тысяч человек (хотя в достоверности этой цифры я не особенно убежден), в связи с тем, что часть из них мусульмане, а большая часть – христиане, будут стыдиться друг друга. Даже, если сегодня религиозное различие между ними не препятствует таким актам как брак между ними, следование другим традициям, то завтра может сложиться так, что они будут косо смотреть друг на друга, и это станет естественным явлением. Часть народа, которая окажется в меньшинстве из-за религиозного различия, полностью истощится и из своего родного Отечества попадет в самую нижнюю ступень изгнанников. Их не спасет то, что они являются древними аборигенами Абхазии.

Хозяйева приготовили великолепный обед из мамалыги, сыра, мацони и меда. В момент, когда я начал есть с большим аппетитом, вдруг раздались душераздирающий крик, горькое рыдание. Кусок остался у меня во рту. Оказывается, несколько месяцев назад скончался брат нашего хозяина. Молочная мать пришла на его могилу. Начала рыдать. Естественно, увидев это, родная мать, несколько других соседней присоединились к ней. Так или иначе, к вечеру траурная церемония закончилась. Я тоже вздохнул. На ночь мой отдых был обеспечен чистой постелью, свежим и простым ужином. За ужином собралось несколько человек из соседних сел. Говорили обо всем, время прошло очень красиво.

Главной темой нашей беседы было переселение людей из Дала и Цабала. Эти две провинции до выселения людей были самыми густонаселенными, там больше всего жило абхазцев. Сегодня в них такая картина, будто там не осталось ни одного абхазца. В покинутые и освобожденные эти райские места поселились армяне, греки, грузины и мингрельцы. В нашей беседе принимал участие пожилой человек, один из тех, кто помнил горькие события выселения. С болью он рассказывал, как люди покидали эти красивые места. Переезд в Турцию не воспринимался как выселение. Людям внушали, что там они встретятся со спокойной и богатой жизнью, что покойник там попадает прямо в рай. Тот, кто предпочитает остаться свинопасом, пусть остается здесь, а тот, кто хочет быть свободным и счастливым, пусть переселяется, кричали им во все горло.

«Вот такой пропагандой нашу Родину мы оставили менахам, медиварам, берзенам, армянам и им подобным чужим нациям», – сказал бедняга старец с полными слез глазами.

Берзены (греки. – **В. А.**) ни в Дал, ни в Цабал никого не пускали. Если даже кто-либо из абхазцев ступал на эти земли просто так, они его тут же убивали. Сегодня объявился еще один пожилой человек, чтобы повидаться со мной. Он рассказал длинную историю о грузинах. С большой обидой и злостью говорил о том, что даже за табак, который грузины купили у населения, они не заплатили деньги, настолько они несправедливы. Я очень расстроился, но чем мог помочь? Этот же старик назвал мне абхазские названия месяцев года. Привожу их:

Январь, Первал, Март, Апрель-Мзахучи, Мзаду, Куркуа, Нанхире, Ачбибре, Абчаре, (октября нет), Гергоба, Кирсе.

То, что названия некоторых месяцев взяты из латыни и искажены, конечно, старец не знает. Так же как он не знал название октября. Поскольку я тоже не очень хорошо знаю латынь, то и не записал. Бедняга абхазский народ, на гру-

зинском и мингрельском языках знает названия месяцев, а на своем языке не знает. Какое, заслуживающее сожаления, положение!

Турецкий гражданин, молодой самсунский абхазец, пригласил меня домой на обед. Он гостил там у своих родственников. Я спросил его, когда и зачем он приехал сюда. Он сказал, что перешел на эту сторону с началом перемирия. Судя по его разговору, он испугался сил «Свободы и Согласия» и сбежал сюда. Он полагал, что некоторые его враги из армян могли его передать этим силам. Он нашел транспорт, добрался до Трабзона и оттуда через Батум – до Сухума. Я не нашел нужным его расспрашивать о чем-то большем. Он был болен. Те лекарства, которые имелись у меня в аптечке: аспирин, хинин и т.д., я передал ему и предложил вместе со мной поехать в Сухум, вместе продумать возможности того, как из Сухума попасть в Стамбул. Но он этого не захотел. Я понял, что молодой человек, несмотря на то, что здесь у него незавидное положение, возвращаться в свою страну не хочет. Я не стал настаивать. В момент, когда в комнате мы остались с ним вдвоем, он с большой осторожностью достал из внутреннего кармана жилета серебряные часы и попросил меня принять их в подарок от него, я ему выразил благодарность, но часы не принял. «Может быть впереди они ему больше пригодятся», – подумал я, и на его настойчивость не обратил внимания.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВУЧАМЧИРУ 23 АВГУСТА 1920 года

В 6 часов по турецкому времени к нам подъехал всадник с еще одним конем. Он сказал, что его прислал Миша, чтобы забрать меня в Вучамчиру. Попрощавшись с хозяевами и соседями, я с проводником отправился в до-

рогу. Нас вскоре встретил Миша с четырьмя товарищами. Они ждали меня в доме у одного абхазца, живущего около дороги. Они сделали правильно, что не пришли в село, в котором я находился. Густой лес, узкие тропинки, речки, склоны... У меня даже спина заболела от того, что приходилось часто нагибаться и выпрямляться – густые деревья своими ветвями закрывали тропинки. Чтобы не устать от такой дороги, Миша и послал одного всадника за мной, а сам с товарищами ждал меня на дороге. Их пятеро и двое нас – всего семеро – направлялись в Вучамчиру. В Сухуме и его окрестностях днем находиться очень утомительно – от жары человек почти задыхается. Особенно тяжело с питьевой водой. Жажду можно было утолить водой из горных источников или маленьких речушек, но я, боясь заразиться тифом или малярией, не пил. Все источники открыты. И люди, и скот все вместе пьют воду оттуда. Даже в Атыша-Ду, несмотря на то, что я гость, я все же открыто сказал, что хочу посмотреть, откуда берут воду для питья. Пить стал лишь после того, когда увидел откуда она. Эта вода действительно была исключительной. Прозрачная как слеза, она выходила из подножия одной горы. Источник вокруг был огорожен, чтобы не мог заходить скот. Если воду из таких источников можно пить без сомнения и страха, то из встречающихся на пути красиво текущих речушек пить воду рискованно и опасно. Если не относиться серьезно к этой проблеме, то скажу с сожалением: таких болезней, как тиф, малярия избежать трудно.

Полные радости, веселые, мы – семеро спутников – едем прямо в Вучамчиру. Очень приятно путешествовать в вечернюю прохладу среди лесов. Дорога наша привела в одно село. Когда говорят о селе, пусть вам не кажется, что они похожи на Анатолийские села, расположенные рядом друг с другом и пахнущие торфом. Это другое. В середине леса стоят одноэтажные дома, как наши виллы. Хозяин

дома, к которому подвела наша дорога, увидев нас в своем дворе, встретил нас приветливо. «В ночное время пройти мимо нас, пренебрегая нами, ни в коем случае нельзя», – сказал он категорично. Он предложил нам переночевать у него. Абсолютно не хотел прислушаться к нашим возражениям. Он потянул нас в загороженный, ухоженный зеленый двор. Мы сошли с коней. Нас пригласили в современную, чистую комнату, предложили на ночь спокойно остаться здесь, а ранним утром, до жары, двинуться в путь. Подошло еще несколько соседей, и мы – человек десять-пятнадцать – очень приятно провели время. Верховая езда на открытом воздухе вызывает аппетит. Ко времени вечернего намаза я был голоден. Однако об ужине ничего не было слышно. Но я понял, что по традиции зарезали барашка, и мы должны ждать, пока сварится мясо. Меня бы спросить, то немного мамалыги, молока и мацони было бы намного лучше, чем барашек и курица хозяина. Однако, ничего не поделаешь, традиция. Наконец, после часа ночи, нас попросили к столу. Интересно, куда и как мы пойдём? В какую столовую и на какое застолье?

Когда я увидел стол, накрытый белоснежной скатертью, чистенькие вилки и ножи на 20 персон, я остолбенел. Стол был украшен прекрасными абхазскими винами. Я не смог сдержать своего удивления, когда увидел у подножья Кавказских гор, среди лесов, в простом деревенском доме такой современный светский стол. Не понимаю, то ли это результат влияния русской культуры, то ли христианское наследие? Сравнивая все это со своими селами, я должен открыто сказать, что мне было стыдно, и я чувствовал себя неудобно. Мы здесь появились неожиданно, вечером. А точнее сказать, нас семерых насильно свернули с дороги. Чтобы угостить целый отряд еще из села пригласили до 10 человек, накрыли стол на 20. Не то, что сельский человек, это не в силах сделать даже горожанин среднего класса. За

столом совсем не было женщин. Между тем, хозяин дома был христианином. Но семья была привержена старым традициям и пока не модернизировалась до такой степени. Отлично приготовленными мясными блюдами, прекрасным вином мы наелись, напились досыта. Мудрый юмор, остроумные шутки помогли прекрасно провести ночь.

К утру все приглашенные разошлись. Мы тоже растянулись на своих кроватях и решили немного вздремнуть. Однако даст ли спокойно поспать реакция на организм вина и такого переедания. Я все-таки слегка погрузился в сон, но сразу же проснулся. Уже почти было светло. Поднялся, сразу оделся и вышел на балкон. Среди этой тишины и покоя утра я с жадностью глотал простой и чистый воздух этого райского уголка, который находился в свободном и счастливом краю наших отцов.

Через некоторое время мои товарищи тоже поднялись. После легкого чая мы вышли в путь. По лесочку, под деревьями вдоль дороги, которые своей тенью прикрывали дорогу, мы прибыли в Вучамчиру.

Двое молодых абхазцев, из числа наших проводников и товарищей, взяли у меня и Миши коней и ушли. Я немного отдохнул на квартире у Миши. Но меня что-то все время беспокоит. Кончатся мои деньги, и если я останусь как солдат, возвращающийся из плена, то каково будет мое положение? Мысли не дают мне покоя. 22 дня я в Абхазии. Денег осталось лишь 8.000. Уехать, не повидав столицу Абхазии – Сухум, не встретившись с членами правительства, конечно, неправильно, но дальше оставаться у меня уже нет ни времени, ни денег. Время не благоприятствует, потому что отпуск, который я получил в школе на два месяца, уже растянулся на девять месяцев. Нет никакого сомнения, что меня посчитали ушедшим в отставку и уже вычеркнули из списка в школе. Таким образом, 15-летняя моя профессия взлетела на воздух. Что же теперь делать по этому пово-

ду? Но и деньги у меня на исходе. Это самая большая моя беда. Мне хорошо в квартире у Миши, но в то же время я очень сильно переживаю. К моему внутреннему состоянию добавилась еще и 35-градусная жара на улице, удушающая жара. И я, вопреки запрету Миши, вышел на улицу. Прямо побежал на берег к пескам. На берегу разделся и прыгнул в море. Сделал себе хорошую «баню». Потом пошел прямо в кофейню. Сел под деревом во дворе кофейни. Сажу и думаю о том, какими путями через некоторое время мне ехать в Стамбул. Пока я об этом размышлял, мне принесли ключи от моей комнаты. Теперь, кроме того, как пойти к себе домой и отдохнуть, никаких дел у меня не осталось.

БОРЬБА С КЛОПАМИ

Взяв ключи, я направился прямо на квартиру, которую мне выделил Дадаш-бей. Разделся и лег в кровать. После морских ванн и расслабления на солнце, я погрузился в сон. Воспользовавшись этим моментом, клопы атаковали меня. Я оказался в таком положении, будто упал на игольчатую щетку. От такой боли я открыл глаза, встал с кровати. Чтобы определить смертный приговор хотя бы нескольким этим вредным созданиям, которые меня кусали, я скинул одеяло и поймал нескольких этих гадов. Закрыв их в спичечной коробке. Остальные разбежались, кто влево, кто вправо. Поскольку их было очень много, воевать со всеми ними один на один было невозможно. Я встал с постели и вышел на улицу. Кроме меня дома не было никого. А на улице домработник Дадаш-бея был занят тем, что откармливал единственного кабана, предназначенного на мясо для зимы. В связи с тем, что я не знал русского языка, мне было очень трудно ему объяснить свои страдания. Я ему показал заключенных в коробок и приговоренных к смерти,

он засмеялся, по всему было видно, что понял все. Он взял у меня ключи, жестом дав понять, что он «наведет порядок». Он пошел убирать мою комнату. Я тоже ушел на берег моря. Прогулялся немного. Стемнело. В море потихоньку начинали подниматься волны. Уже на протяжении 9 месяцев мне приходилось воевать с кем угодно, но с клопами еще не приходилось встречаться. Сейчас против меня встали и они. Если русский мужик аккуратно не почистил мою постель, то в эту жаркую погоду мне предстоит страшное мучение. От пота мое тело покрылось сыпью, красными пятнами. Думал о том, что после морского купания мне стало легче, так вот прибавилась беда с этими клопами. От сильной жары я даже не обедал. Почувствовал, что надо поесть. Когда немного стемнело, я направился на рынок. В маленькой и уютной столовой слегка поужинал. Поскольку другого выхода нет, я вновь вернулся к себе на квартиру. Постель моя была достаточно почищена и убрана. Молодец, господин мужик. Он заслужил хороший подарок. Однако я находился в таком положении, когда ничем не мог его отблагодарить, ничем угостить. Я лег. Заснул и спал очень спокойно. Утром поднялся рано. Не дождавшись завтрака, вышел на улицу. Прямо пришел на рынок. В кафе сел под уже знакомым деревом. Стал смотреть на море. Ветер усиливался, волны становились огромными, с большим шумом они бились о берег. Если бы даже мне удалось разыскать транспорт, теперь выходить в море до его успокоения, считай, напрасная мечта. Что поделаешь, придется ждать.

В Вучамчире в кафе я познакомился с одним старцем – лаз Хасан. Мы долго разговаривали. Человек этот без акцента прекрасно говорил по-абхазски, он полностью ассимилировался, т.е. обабхазился. Он такое сильное впечатление на меня произвел, что я его никогда не забуду. Когда он говорил о сегодняшнем приговоренном положении Абхазии и абхазцах, глаза его наполнялись слезами. Его глу-

бокая и искренняя любовь – следствие его воспоминаний о счастливой прошлой жизни. Он с тоской и печалью мне рассказывал о прошлом. Рассказал много историй о героических божествах. «Было время, когда вот в этих тенистых местах, где мы сейчас сидим, кроме абхазского языка ничего не было слышно, кроме абхазцев никого не было видно», – сказал он. Вспомнив минувшие времена, героев прошлых лет, он горько заплакал и этим меня расстроил.

К нам подошел племянник Махмута Маршан, выпускник Галатасарая из Адапазары. Спросил меня о Махмутебее, передал ему привет. Вопросы его не были обычными, стандартными, он спрашивал не из-за долга, не из приличия. Он выражал внутреннюю тоску, печаль. Он хотел знать о материальном и моральном состоянии его близкого родственника. Расспрашивал обо всем и обо всех. Получил убедительные ответы, и его печальные глаза не смогли скрыть, что он рад.

24 АВГУСТА 1920 года

Сегодня высказал Мише свои соображения по поводу моего возвращения в Стамбул. Он счел это преждевременным, почувствовал, что я тороплюсь. У меня есть деньги, но это грузинские деньги. Каждое утро, расплачиваясь за завтрак, я обнаруживал, что сегодня все становится намного дороже, чем вчера. Было ясно, что деньги с каждым днем обесценивались и обесценивались очень быстро. По мере приближения большевиков к Тифлису грузинские деньги обесценивались пропорционально сокращению расстояния, и не оставалось никакого сомнения, что в день оккупации города достоинство денег дойдет до нуля. Обеспokoенный этим, я торопился уехать пораньше. Обещание Миши меня избавило от бесконечной тревоги. Он убедил

меня, что никаких забот, проблем у меня быть не должно. Он мне сказал, что меня ждут в Сухуме, и мое возвращение в Турцию без встречи с руководителями Абхазии и неверно, и невозможно. Ко всему этому он добавил, что когда мы уехали в Карчал, один из моих родственников, по имени Шахан, приехал специально, чтобы повидаться со мной и забрать меня в деревню. Но в связи с тем, что у него не было времени, он не смог меня дождаться и вернулся в Сухум, и мне необходимо встретиться с ним. Поскольку самой большой проблемой был вопрос моих денег на дорогу и теперь, когда этот вопрос был гарантирован, моей поездке в Сухум и встрече с нашей интеллигенцией, ничего не мешало. Со спокойной душой, вызванной таким исходом дела, я поужинал. И ночь тоже провел в очень спокойной обстановке.

ПУТЬ В ТАМЫШ

Тамыш – село между Сухумом и Вучамчирой. Со своими гостиницами, кофейнями, магазинами и широкими улицами, почти как город. В пять часов утра выехали из Вучамчиры на автомобиле. Наслаждались свежим и ароматным воздухом. После обеда прибыли в Сухум. Завтракали в Тамыше. С аппетитом поели мамалыгу, сыр, жареную курицу. Вкус этот до сих пор сохранился у меня.

СУХУМ-КАЛЕ

Привлекателен весь пейзаж, который мы видели от Тамыша до Сухума. Огромные санатории, построенные русскими, фруктовые сады, парки, аллеи представляют такое зрелище, которым никогда не насытится глаз. Со всех сторон леса, со всех сторон сады, короче, все вокруг в цветах, вся природа – зелена.

В древних исторических источниках написано, что люди этих мест поклонялись природе. Этому я поверил всем своим существом. Как можно не поклоняться этой сказочной, очаровательной природе. У меня нет никакого сомнения, что моя «болезнь» – любовь к деревьям – наследственная. Жить 24 часа в одном месте, где нет ни зелени, ни дерева, все равно, что жить в заключении, в тюрьме. Поклонение древних народов Южного Кавказа друидизму, также естественно, как поклонение древних египтян Солнцу. Одни подвластны лесам, другие – горячему Солнцу. А разве народы Бабила и Нинова не преклонялись перед звездами? Ослепительный блеск звезд на небе разве не возбудил в них желание поклоняться им?

Прибыв в Сухум ровно в полдень, попав в объятия такой райской красоты, я почувствовал себя как на Принцевых островах, что рядом со Стамбулом, – полные копии островных дач. Аккуратные и симметричные улицы, очаровательные цветы, одно- и двухэтажные прелестные дома, набережная, украшающая город с южной стороны. Сухум настолько красив, что его смело можно причислить к лучшим современным городам. Кавказские горы возвышаются как стена, спасают, защищают древнюю столицу Абхазии от злых ветров с севера. От этой защиты город зимой теплый, а летом прохладный. Один французский писатель, который назвал Сухум Кавказской Ниццей, был абсолютно прав. В Сухуме еще недавно, кроме как на абхазском и турецком языках, ни на одном другом не разговаривали. И как жаль, что сегодня со всех сторон никакого другого, кроме мингрельского и грузинского языков, не слышно. Переселенцы омингрелили этот древний и прелестный город, а теперь делается все, чтобы огрузинить его. Число абхазцев, проживающих в Сухуме, сегодня очень ограничено. Абсолютное большинство – грузины и мингрельцы. Кроме двух-трех, временно находящихся

здесь моряков, нет никаких других турок. Древнее название Сухума – Себастополь и другое название – Диоскурас. Этот город – прелестная Родина абасков, абхазцев и абазин в период взлета Османской империи – был городом-базой на Черноморском побережье. Город прославился и был известен под названием Сухум-Кале.

ПРЕВОСХОДНЫЙ ПРАЗДНИЧНЫЙ СТОЛ

Как только прибыли в Сухум, Миша меня поселил в самую лучшую гостиницу города. Дав соответствующие директивы администратору, сказал мне, чтобы я отдохнул, а он сам через некоторое время вернется за мной и сведет меня с соотечественниками. Швейцар проводил меня в номер. Одноместный номер, широкий и чистый. Из окон, которые выходили на восток, можно было коснуться темно-голубых волн Черного моря. Так как гостиница была расположена на главной улице города, то из окна можно было смотреть и на улицу. Снял обувь. В одежде прилег на кровать. До обеда почти ничего не оставалось, всего около часа.

* * *

На этом записки Мустафы Бутба завершаются.

В замечательной книге уважаемого Исмаила Беркока «Воспоминания кавказца, родившегося в Турции» на 530 странице есть такой подзаголовок: «История Кавказа». Это сочинение принадлежит уважаемому Мустафе Бутба. Его кавказским воспоминанием – «Сказом-поэмой о Гунибе» – и завершается его же сочинение.

СКАЗ – ПОЭМА О ГУНИБЕ

Преодолев змеевидную, спиральную дорогу мы поднялись на гору Гуниб. Сейчас мы прокладываем эту дорогу, по которой прошли. Ибо эта дорога – след русского господства. Журчащие недалеко от нас речки видятся, как не успевшие высохнуть слезы матерей и сирот, которые плакали здесь. Звуки водопадов слышатся мне, как не успокоившиеся до сей поры стоны матерей. Будто ожили все и рассказывают мне о героических и горьких событиях 1854 и 1864 годов.

Под влиянием всего этого у меня перемешались впечатления от этой дороги с прошлыми событиями и трагедиями. Про себя я думал так: «На востоке Гуниб, на западе Ходз и Ахчип. Они свидетели черной истории Кавказа. Нет ни одного кавказца, которого не охватила бы дрожь от этих трех названий, который бы не почувствовал боль в сердце от кровоточащей до сих пор раны. Гуниб, Ходз и Ахчип... Эти три названия, три точки, в которых захоронены надежда и независимость. Кавказцы, чтобы не расстаться с независимостью, перед которой они преклонялись, чтобы с независимостью и свободой лечь в могилу, погибли в этих местах, без раздумий бросились в объятия смерти. Отцы и матери, обняв своих детей, погибли все вместе. Лишившись свободы, они не пожелали после себя оставлять наследство, будущее которого – несчастье и презрение».

Шагая с такими мыслями, я очень близко увидел поселок Гуниб, место, где происходила последняя схватка, смертельная схватка. Сейчас я в таком состоянии, будто передо мною ожили картины войны с винтовками, кинжалами, саблями и со всем, что попадет в руки – камни, палки. Как воины ногтями и зубами смертельно сражались! Сраженные, как они расстились на земле! Как горели их взгляды! Как они, чтобы выразить последнюю любовь и тоску, обра-

щали свои взгляды на небо Родины! И как они закрывали глаза, сиявшие последними каплями слез...

Вся эта грустная панорама проходила передо мной, напоминая грустную историю.

...Так перед моим взором и разумом зримо нанизалась печальная эта картина прошлого. Сейчас я представлял Гуниб не только в прошлом, в крови, с душевной болью, я чувствовал себя как человек, переживший все это. Следовательно, я не слышал слова, обращенные ко мне, не видел народные массы, бежавшие с криками приветствовать нас. Вдруг на краю дороги, на большой скале я увидел надпись «Ширванская рота». Эта была табличка, которая напоминала о том, что здесь прошла Ширванская армия. Увидев это, я стал дрожать. Как будто кто-то всадил мне в сердце ядовитый кинжал. Пока я переосмысливал эти горькие муки, мы вошли в крепость. Когда я пришел в себя из-за грома пушек, которые салютовали в честь нашего прибытия, я увидел большую массу народа, которая искренне приветствовала меня. Однако я был в таком состоянии, что ничего не мог понимать. Только капали из моих глаз горькие и огненные слезы. Народ понял мое состояние и стал рядом. Все мы посмотрели друг на друга, расплакались и разошлись.

...Мы были во дворце царя Александра II. Дворец стоит на земле, содержащей кровь и кости многих тысяч павших в войне. А сам Александр, который в 1864 году вручал русской нации документ о независимости, с другой стороны приказывал стереть с лица земли несчастных кавказцев. И вот этому человеку аплодируют в мире как свободолюбивому императору.

Восточное свободолюбие весьма превратно и свободолюбители настолько же такие.

Краткое послесловие

К большому сожалению, впечатления М. Бутба о его пребывании в Сухуме нам неизвестны. Надеемся, что они были приятными, как и его впечатления о большом Кавказе. Думаю, все это будет интересно и читателю как политические, военные, общественно-гражданские наблюдения и их анализ. Я, во всяком случае, ознакомился с ними с большой пользой для себя.

В.А.

**Перевод с турецкого
(с небольшими сокращениями)
Владимира Авидзба
Абхазия, Эшера – Турция, Стамбул
2000 год.**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика.....	3
Как увидела свет эта книга	19
Кавказские воспоминания	20

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

2 февраля 1920 года.....	25
Причины путешествия.....	25
Общество Северного Кавказа	26
Первое мое посещение Генена.....	30
Благотворительное общество черкесских женщин.....	32
Комиссия по созданию алфавита	33
Делегации Северного Кавказа.....	34
Первый шторм.....	38
Город Ризе.....	38
Выезд в Тифлис.....	44
В Баку.....	45
Палама.....	46
Коллер.....	46
Чиахне.....	50
Ахуша.....	54
Путь к крепости Ведино	63
Холут.....	65
Тух.....	72

Анди	72
Я – в Ведино	75
Леваше	80
Тимурхан Шура	80
Каиш Курт.....	87
Странный случай. 30 апреля 1920 года (1336 г.).....	88
2 мая 1920 года (1336 г.). Воскресенье	89
3 мая 1920 года (1336 г.). Понедельник.....	91
Званный ужин.....	92
4 мая 1920 года (1336 г.). Вторник.....	93
5 мая 1920 года (1336 г.).....	94
6 мая 1920 года (1336 г.).....	98
Церемония присяги.....	102
7 мая 1920 года (1336 г.).....	102
Дарга.....	104
Героиня Холимет (Халимет).....	105
8 мая 1920 года (1336 г.). Суббота	105
9 мая 1920 года (1336 г.).....	107
10 мая 1920 года (1336 г.).....	107
11 мая 1920 года (1336 г.).....	110
12 мая 1920 года (1336 г.).....	112
13 мая 1920 года (1336 г.).....	113
14 мая 1920 года (1336 г.).....	114

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

15 мая 1920 года (1336 г.).....	119
Меджит и Башка	119
Перемена места.....	121
16 мая 1920 года (1336 г.). Воскресенье.....	124

17 мая 1920 года (1336 г.).....	125
Рика.....	126
Овечий праздник «Добро пожаловать!».....	127
18 мая 1920 года (1336 г.).....	128
19 мая 1920 года (1336 г.). Среда.....	128
Халкилла	128
20 мая 1920 года (1336 г.).....	129
Крепость Итон	130
21 мая 1920 года (1336).....	130
Крепость великанов	131
Кей.....	132
22 мая 1920 года (1336 г.).....	133
23 мая 1920 года (1336 г.). Иалхарви	133
24 мая 1920 года (1336 г.). Понедельник	135
Мереджуй	136
25 мая 1920 года (1336 г.).....	136
26 мая 1920 года (1336 г.).....	137
27 мая 1920 года (1336 г.). Четверг.....	138
28 мая 1920 года (1336 г.). Мереджуй.....	139
29 мая 1920 года (1336 г.).....	139
30 мая 1920 года (1336 г.).....	140
31 мая 1920 года (1336 г.).....	140
1 июня 1920 года (1336 г.). Иалхарви.....	142
2 июня 1920 года (1336 г.). Посещение могил отцов	143
3 июня 1920 года (1336 г.). Бениху ходжа.....	145
Клятва верности и братства.....	146
4 июня 1920 года (1336 г.).....	148
Похой.....	150
Хезимет.....	154
Залповый огонь в горах.....	157
Транзитом в Тифлис	160

12 июня 1920 года.....	164
13 июня 1920 года.....	165
14 июня 1920 года.....	166
15 июня 1920 года.....	166
16 июня 1920 года.....	168
17 июня 1920 года.....	169
18 июня 1920 года.....	169
19 июня 1920 года.....	170
20 июня 1920 года.....	171
21 июня 1920 года.....	171
24 июня 1920 года.....	172
25 июня 1920 года.....	172
Страшное испытание.....	173

Борьба с клопами.....	220
24 августа 1920 года.....	222
Путь в Тамыш.....	223
Сухум-кале.....	223
Превосходный праздничный стол.....	225
Сказ – поэма о Гунибе.....	226
Краткое послесловие.....	228

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

30 июня 1920 года.....	174
Дорога и наш арест.....	183
Незванный гость.....	186
Причина нашего ареста.....	187
Тысяча марок и половина английской лиры.....	188
16 августа 1920 года.....	196
Святылище Елыр-ныха.....	201
17 августа 1920 года. Вучамчира (Очамчыра. – В. А.).....	203
18 августа 1920 года.....	206
19 августа 1920 года.....	207
20 августа 1920 года.....	208
21 августа 1920 года.....	209
Атыша ду.....	213
Возвращение в Вучамчиру. 23 августа 1920 года.....	216

Мустафа Бутба

КАВКАЗСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(перевод с турецкого В.Д. Авидзба)

Редактор – Л.М. Яковлева
Корректор – Л.М. Яковлева
Верстка – Н.Г. Гунба
Технический редактор – Н.Г. Гунба

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Печать офсетная. Формат 84x108 1/32.
Тираж 300. Физ. печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 12,6.
Заказ № 27.

 РУП «Дом печати»,
г. Сухум, Эшба, 168.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК